

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 4. История

Санкт-Петербург
2012

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4 (Том 4) 2012
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2012
© Авторы, 2012

Содержание

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

А. В. Калинин

Географические представления о Японии
в России в XVIII – первой половине XIX в. 7

М. Ю. Яковлева

Каспийская экспедиция Императорского
Русского географического общества 16

ЭТНОГРАФИЯ

Н. Е. Мазалова

Современные целительницы: статус, функции в социуме 21

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И. В. Синова

Самоубийства детей как социальная проблема
на рубеже XIX–XX вв. 29

А. В. Тюрин

Союз писателей и жилищное строительство
в Ленинграде в 1950-е – начале 1960-х гг. 36

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Похилюк, В. Н. Скворцов

Поддержка духовных сил защитников Ленинграда
в годы блокады 43

А. В. Спиридонов

Начало боевой деятельности легендарного
партизанского отряда под командованием Косицина 53

И. И. Хеорхе

Влияние межличностных контактов моряков-североморцев
с гражданским населением на моральный дух военнослужащих 61

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А. А. Голик

Государственная политика России в отношении
податного обложения дальневосточного казачества
во второй половине XIX – начале XX в. 73

О. А. Яковлева

Создание и деятельность новой системы таможенных органов
на Дальнем Востоке России после отмены действия системы
беспощинной торговли (1909 г.) 80

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Л. В. Шевнина

Исследование проблемы детской преступности конца XIX – начала XX в. в России в отечественной историографии..... 87

А. С. Романов

К вопросу об отечественной историографии изучения советской пропаганды и агитации в блокадном Ленинграде (1941–1944 гг.).... 94

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А. С. Лебедев

Истоки социального государства в Швеции..... 104

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Ю. Н. Мельникова

Формирование корпуса гласных Олонецкой губернии в период становления земских учреждений 113

Л. Ю. Гусман

«Поэт в России, больше чем поэт»:
Эзопов язык русских конституционалистов (1880–1904 гг.) 120

Е. С. Апанасенок

«Печаль для Государя и Православия»: из истории провинциального российского баптизма в начале XX в. 127

Л. С. Бокарева

Реформа православного прихода 1914–1917 гг.:
Синодальное ведомство 133

С. И. Митюшин

Создание системы контроля над миграционными процессами в Российской Федерации 143

Сведения об авторах..... 150

Contents

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

A. V. Kalinin

Geographical representation of Japan in Russia
in XVIII – first half XIX centuries 7

M. Yu. Yakovleva

Caspian expedition of the Imperial Russian Geographical society 16

ETHNOGRAPHY

N. E. Mazalova

Modern healers: the status, functions in society 21

SOCIAL HISTORY

I. V. Sinova

Suicide of children as a social problem in the late XIX–XX centuries.. 29

A. V. Tyurin

Union of Writers and housing construction in Leningrad
in the 1950s – early 1960s 36

MILITARY HISTORY

A. V. Pohilyuk, V. N. Skvortsov

Support of the spiritual forces of the Leningrad
defenders during the siege 43

A. Spiridonov

The beginning of the Great Patriotic war for Kosicyn's
partisan detachment 53

I. Heorhe

The impact of interpersonal contacts of the North seamen
with the civilian population on the morale of the troops 61

SOCIO-ECONOMIC HISTORY

A. A. Golik

The state policy of Russia in respect of taxation of the Far East
Cossacks in the second half of the XIX – beginning of XX centuries .. 73

O. A. Yakovleva

Creation and activities of a new system of customs
authorities in the Far East of Russia after the abolition
of the system of free trade (1909) 80

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

L. V. Shevnina

Study of the problem of juvenile crime in the late XIX –
early XX centuries in Russia in the national historiography 87

<i>A. S. Romanov</i> On the Issue of the Russian Historiography of the Soviet Propaganda & Agitation during the Siege of Leningrad (1941–1944)	94
WORLD HISTORY	
<i>A. S. Lebedev</i> Sources of the welfare state in Sweden	104
RUSSIAN HISTORY PAGES	
<i>Yu. N. Melnikova</i> Forming the corps of vowels of Olonets province in the beginning of zemstvos institutions.....	113
<i>L. Yu. Gusman</i> «A poet in Russia is more than a poet»: Aesopian language of Russian constitutionalists (1880–1904)	120
<i>E. S. Apanasenok</i> «Grief for Monarch and Orthodoxy»: from the history of provincial Russian Baptism in early XX century.....	127
<i>L. S. Bokareva</i> The reform of the Orthodox parish (1914–1917): The Synodal Department.....	133
<i>S. I. Mityushin</i> Creation of the system of control over migration processes in the Russian Federation	143
About authors	150

УДК 913:94(52a) «17/1850»

А. В. Калинин

Географические представления о Японии в России в XVIII – первой половине XIX в.

В статье на основе анализа сведений западноевропейских, отечественных и японских источников XVIII – первой половины XIX в. исследуется пространственный образ Японии. В результате изучения источников выявлен изменчивый характер пространственного образа Японии. Его трансформации способствовал процесс накопления и выработки новых сведений, которые на протяжении XVIII – первой половины XIX в. также трансформировались, начиная с античного влияния и заканчивая прямыми контактами, осуществлявшимися между жителями двух стран.

The article, based on the analysis of data of Western, Russian and Japanese sources XVIII – first half of XIX century investigate the spatial image of Japan. A study of the sources indentified volatile nature of spatial image of Japan. Spatial transformation of the image of Japan contributed to the accumulation and development of new knowledge, which for XVIII – first half of XIX century also transformed from an ancient impact and ending direct contracts made between Russian and Japanese people.

Ключевые слова: малая Индия, Япон, пространственный образ, Иессо, земля де Гама, Япония, империя.

Key words: little India, Yapan, spatial image, Ezzo, land de Gama, Japan, empire.

Какие представления о Японии были сформированы в России к XVIII в.? Античная традиция закрепила за Индией разделение её «на две части, то есть переднюю и заднюю» [11, с. 360]. Европейцы, открыв морской путь в Индию, по традиции разделили её на две части: «великую Индию» и «Индию малую». «Третьей» Индией, которую мы не рассматриваем, так как она выходит за рамки нашего исследования, являлась, в представлении европейских первооткрывателей, Америка. Япония, по мнению европейцев, а затем и русских была отображена в нескольких наименованиях: «Ябадзия, Пантрии, Хразомагини, Ауреа Херсонесус, Зипанги, Зипанери, Жи Бынь, Нифон, Фино-Мотто, Син-Кокф, Эпуен, Япон...» [6, с. 7].

Японию не воспринимали как самостоятельное государство. Страна Восходящего Солнца, по мнению россиян, на протяжении XVII в. входила в состав «Царство Индия малая» [10, с. 468]. Такое восприятие Японского государства просуществовало до петровских времен. Из источника, относящегося ко второй половине XVII в., мы узнаем о местоположении Японии. Данное государство «лежит подле моря Восточного, владеет и островами многими, под данью же лежит и покорены царю великой Индии, изобильно же морскими узорочьи всякими, вера же в них тоже великой Индии» [10, с. 468]. Насколько великим представлялось в России царство, именовавшееся «великая Индия»? Источники повествуют: «Страна великая Индия. Издавно царство славное, пространство же имеет много и всюду зело широко, градусов же бесчисленно много даже протяжается до Китайского царства и до Восточного моря...» [10, с. 467].

О принадлежности Японии к царству Индии подтверждает другой источник, в котором говорится: «В той же Индии много островов, на которых роятся ароматы сиречь корения благоуханная» – среди островов упоминаются – «Гражане и жильцы острова, Япан нареченного...» [12, с. 504].

Источники XVII в. подмечают богатство островов «малой Индии», среди которых, в представлениях россиян, сокрыта была Япония. В одном из источников сообщается: «злато и жемчуг, и камение драгоценное, и всякие богатством гдрство то изобилует» [11, с. 389]. В этом же источнике говорится о дворце царя, так называемой золотой палате, которая «золотыми досками покрыта» [11, с. 380], о театре и дивном мосте через реку. У того каменного моста «посторонам каменные перила, резные сзолоченые» [11, с. 385]. В большинстве космографий XVII в. идет отождествление всех островов располагающихся между Мальдивскими и Японскими островами, как Индийских островов. И на всех этих островах «роются ароматы сиречь корения благоуханная» [12, с. 504]. А также известны они тем, что «зело богати златом и серебром...узорочий всяких, камения драгаго и бисеру много» [8, с. 531]. Спафарий упоминает об экспорте из Японии серебра, которое как он пишет: «в Китай приходит» [24, с. 199].

Из «Космографии 1670» мы узнаем главные японские острова. Это информация очень важна, так как из других космографий об этом ничего не известно. Как эти острова назывались и как они соотносятся с современными названиями? Япония состоит из трех основных и множества мелких островов. Три больших острова: Япан (совр. Хонсю), он же Золотой остров; Ксимо – Кюсю и Ксикоум – Сикоку.

Начало XVIII в. явилось рубежным в формировании представлений о Японии в России. На смену разрозненным, единичным сведениям, приходившим из иностранных источников, нередко устаревших, поступает информация «из первых рук». Однако информация «из первых рук» ещё не может заменить сведений, приходивших из Западной Европы, они взаимно дополняют друг друга. Сведения «из первых рук» о Японии поступают от самих японцев, которые волею морской стихии оказываются в России.

Первый японец, достоверность которого у исследователей не вызывает сомнений, посетивший Россию и даже имевший аудиенцию у Петра I, был Дэмбэй. Известен другой японец – Николай, который «пустился в путь около 1599 года» [20, с. 71] и посетивший Россию в эпоху Смутного времени, однако он не исследуется в данной статье по ряду причин. Назовем две причины. Во-первых, время посещения Николаем России не входит в хронологические рамки статьи. Во-вторых, родина японца Николая не была идентифицирована, что для XVII в. установить было достаточно проблематично. Вернемся к Дэмбэю. По заведенной традиции его идентифицировали как индийца. Как считают исследователи, это произошло от восприятия слово Эдо как Йенддо. Под Йенддоским царством русские понимали Индийское. О том, что под Японией понимали «малую Индию», мы знаем из проанализированных источников XVII в. Вот, что сообщает В. Атласов о «полоненике» Дэмбэе: «он де Узакинского государства, а то де государство под Индийском царством» [16, с. 9]. О местонахождении Японии у русских не было точных сведений. В первой «скаске» В. Атласова об этом говорилось «далека ль та земля – неведомо» [22, с. 109].

В 1710 г. в Москве вышла в свет книга «География, или Краткое земного круга описание», в которой упоминается «государство японское» [2, с. 57]. Однако сведений о Японии не приводится. Можно предположить, что представление о Японии как составной части Индии продолжает бытовать и в начале XVIII в. Об Индии повествуется в источнике традиционно: «Делится сие царство на многие королевства или страны...» [2, с. 74]. К 1711 г. относятся сведения, касающиеся географического местоположения Японии, основанные на рассказах японцев, потерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки. Эти сведения отображены в челобитной царю служилых людей от 17 апреля 1711 г. В челобитной говорится: «А стоит их государство против Камчадалского носу на Пенжинском море на острове» [19, с. 442]. Это сообщение составлено ещё до походов Козыревского, который даст достаточно подробный отчет о Курильских островах и Японском государстве. Но пока географиче-

ские и другие сведения о Японии продолжали быть менее конкретизированными.

На рубеже XVII–XVIII вв. относительно Японии известно, что она располагается в Охотском море напротив устья Амура и неподалеку от Камчатского полуострова, так как на берегах его находили японских моряков, терпевших кораблекрушение. «Великий и славный остров японский, как в нем пишут китайския земнописатели начинается против устья амурьей реки, и простирается далеко против китайского государства. И ногдаже от китайского государства в японской остров в двои сутки плавают, а от устья амуря далече стоит, и оттого еще неведомо..» [24, с. 199].

В 1718 г. в России выходит книга под названием «Бернарда Варения Всеобщая география, пересмотренная Исааком Невтоном и дополненная Яковом Журейном». Она вышла в свет в Западной Европе в 1640 г. Из этого источника явствует, что среди островов Мирового океана, определенных автором как «великие», упоминается Япония. Перечислим эти острова: «британия, япония, исландия, канаденская, суматра, мадагаскар, борнео, новая земля, калифорния» [1, с. 60]. Варениус сообщает и географическое положение Японии: «Местоположение имеет на восточной границе азиатской, недалече от хины. окружает ю океан тихий. образом есть продолговата и крива» [1, с. 64]. По представлениям XVII – первой половины XVIII в. Япония располагалась недалеко от Североамериканского континента. Америка лежит на «70 миль от японии» [1, с. 108].

Пробудившийся интерес к Японии в России связан с деятельностью Петра I. «Петр Великий, предприня разрешить догадки Ученых и вопрос Санкт-петербургской и Парижской Академий: соединяется ли Азия с Америкою» [9, с. 39], обращается к подготовке экспедиций, цель которых среди прочих – отыскание морского пути в Японию.

В результате исследовательской деятельности, осуществлявшейся в петровские времена, начинают поступать сведения о Японии и японцах от служилых людей. Россиянам становится известно, что японцы посещают акваторию Охотского моря не только в результате стихийных бедствий (кораблекрушений), но и в результате целенаправленной деятельности. Козыревский в тексте 1726 г. сообщал о рудной добыче, которую японцы осуществляли на Курилах. В середине XVIII в. подобную информацию передает Крашенинников: «Второйнадесять остров, Шококи [Райкоке], лежит в южной стороне от Сияскутана [Шиашкотан] в таком расстоянии, что в самые долгие летние дни в легких байдарах едва можно перегресть к половине дня. Слышно, что японцы возят с него большими судами руду, но неизвестно, какую» [13, с. 98]. Из данных сведений

становится ясно, что японцы посещают как южную группу Курильских островов (от о. Уруп до о. Кунашир), так и среднюю (от о. Райкоке до о. Брат-Чирпоев).

В формировании пространственного образа Японии в России XVIII в., известную роль сыграла книга «Описание о Японе» Карона, Шарльвуа и Гагенара, вышедшая в свет в 1734 г. Однако для данного времени сохраняется проблема географического расположения Японии, поскольку не только не было завершено собирание достоверных сведений о дальневосточной стране, но и имевшиеся сведения носили противоречивый характер. По сведениям книги выходило, что Япония состояла из множества островов, а также располагалась на части материковой суши, возможно, через полуостров. В данное время Япония не предстает подвластной «великой Индии», но сама является империей, на севере простиравшейся до земель айнов и внутренней Татарии. Данный источник сообщал, что «Империя Японская ныне обретается сочинена из многих островов, из которых некия могут бытии и не острова, но полуострова. А особливо те, иже сочиняют часть земли Иессо, которая обитатели суть подданныки и данники японянам, обаче же навклир (пилот) Голландский, которой обрел берег для познаний, есть ли оный брег земля острова того, или он брег есть кряж Кореиския земли? неведомыя и до сих дней, до коих мест распростирается позади Хины даже до внутренности татарии...» [17, с. 2–3]. Но авторы книги не смогли удовлетворить любопытства читателей: «до коих мест она [Япония] простирается» [18, с. 2].

Подобным представлениям, которые отображены в книге «Описание о Японе», способствовали рассказы Дэмбэя. По «скаске» японца от 1702 г. выходило, что «с Японского острова в Китай сухой и морской путь есть. И он, Денбей, в Китаях сухим путем и морем бывал...» [22, с. 504].

Открытие морского пути в Японию благодаря экспедициям 1738–1739 гг. Шпанберга, приоткрыло тайну географического положения Японии, развенчало миф о близости Страны восходящего солнца к Америке и о существовании земли де Гама и утвердило за Японией образ островной державы. Хотя до середины XVIII в. сохранялось «неверие в отсутствии Земли Компании» [5, с. 177], идентифицируемой с землей де Гама. Со времени экспедиции Шпанберга устанавливаются контакты между русскими и японцами на территории Японии, хотя и не официального характера. Осуществляется исследование Курильских островов.

Открытием морского пути вдоль Курильских островов воспользовались служилые люди России. Сборщики ясака в 1744–1745 гг. достигают о. Маканруши и о. Онекотан в пределах северных Ку-

рильских островов. В 1745 г. «на о. Онекотан сборщики ясака Матвей Новограбленный и Федор Слободчиков встретили японца Юсонти» [25, с. 164]. Юсонти подтвердил сведения Козыревского о торговле японцев с айнами и о разработке рудников на о. Симушир.

К середине XVIII в. относится начало процесса, послужившего формированию границы между Японией и Россией. Однако этот процесс займет целое столетие, до осуществления дипломатической миссии Путятина. С 1754 г. японцы приступили к освоению о. Кунашир. Данный Южно-Курильский остров «находился под управлением княжества Мацумаэ» [23, с. 121].

Со второй половины XVIII в. пространственный образ Японии становится более конкретизированным. Сообщения, характерные для первой половины XVIII в., в которых отражаются сведения о якобы имевшем место быть сухопутном сообщении Японии с материком, не подтверждаются. Рейхель не только дает объяснения происхождению наименований, которым удостоивался главный остров Японии, но и однозначно заявляет об островной природе японского государства. Вышедшая в России в 1773 г. «Краткая история о Японском государстве» сообщает: «Название Япан или Япон произошло из двух китайских слов Же-Пюен, которая значит место, где солнце восходит; почему и не Япан или Япон, но Жеапан и Жапон выговаривать должно. Сами японцы выговаривают сие слово Ниппон или Нифон, которым именем также называется один из самых больших Японских островов; Ни значит у них огонь также и солнце, а Фон или Пон основание, что также сходно с Китайским знаменованием... Называют они также Японское государство Фино-Мотто, восхождением солнца, Син-Кокф или Камино-Куни, жилищем богов; Ту-Тсио истинным востоком солнца и многими другими громкими именами» [21, с. 4].

В отношении расположения Японии автор «Краткой истории...» заключает: «Лежит же Япония против восточного берега Азии, и состоит из двух больших [в другом месте Рейхель называет три больших острова] и многих малых островов. Со всех сторон окружена восточным морем, которым и отделяется она к востоку от Калифорнии и новаго Мексики, к западу от Китая и Кореи, к югу от Филиппийских островов и Китая, а по северу от острова Иедзо или Иессо» [21, с. 8].

Подтверждению сообщения Рейхеля служат сочинения Тунберга, вышедшие в свет в России в 1787 г.: «Японское государство, лежащее за пределами Азии, совсем отделено от матерой земли, заключает в себе множество островов больших и малых, которые разбросаны между 30-м и 40-м градусами северных широт...» [15, с. 32].

Ко второй половине XVIII в. относятся сведения, которые отражают знание пространственного рельефа суши японских островов и береговой линии. «Берега, заливы и пристани окружены высокими и крутыми горами; а от находящихся вблизи оных пучин бывает страшный шум, все же обстоятельства вместе взятая мореплавание при входе в Японию и выходе из оной делают весьма опасным» [21, с. 9]. Но опасны не только берега Японии, но и горы и вулканы. В Стране восходящего солнца автор одного из источников упоминает «восемь пулканов или огнедышащих гор, между коими некоторыя весьма страшны, и через много уже веков безпрестанно проливают из себя огненные реки» [21, с. 27].

Преобладание горного ландшафта над равнинами, обширность населения также отмечается в источниках данного времени. «Внутренность земли вся преисполнена горами, холмами и долинами, так что редко где случится видеть равнину, простиравшуюся на некоторое разстояние. Горы, меж коими есть и огнедышущия, вышиною различны... Вообще земля в Японии неблагоприятна; но благоприятствующая теплота, обильные дожди, избыточное удобрение полей, частое перепахивание, делают ее столь плодоносною, что никакая другая таковой же обширности не прокармливает толикаго множества народа, как она» [15, с. 33].

В источниках повествуется не только малая доля равнин и преобладание гор, но и наличие рек и речушек. Наличие рек и речушек способствует не только горный ландшафт, но и климат с частыми дождями. «Япония изобилует реками, озерами, источниками и целебными водами. Реки в оной текут с высоких гор с великою быстринною и шумом, так, что часто и во многих местах без опасности чрез оныя переправиться и делать мосты не можно» [21, с. 26].

В итоге к началу XIX в. пролив между островами Итуруп и Уруп становится «естественной государственной границей между Японией и Россией» [23, с. 125]. С этого времени пространственный образ Японии приобретает современные черты. В.М. Головнин сообщает: «Японские владения лежат на Восточном океане, против берегов Кореи, Китая и Татарии, от коих отделены они широким проливом, называемым Японским морем, а в узком его месте Корейским проливом» [7, с. 312]. Главные острова Японии были известны с допетровских времен. Относительно крайних северных владений российский офицер сообщает: «севернее Матсмая находится остров Сахалин, которого только южная половина принадлежит японцам, а другая зависит от китайцев, и ещё три Курильских острова: Кунашир, Чикотан и Итуруп, занятые японцами» [7, с. 312]. По сведениям Крузенштерна, Японии принадлежали «Кунашир, Чикотан, Итуруп и Уруп» [14, с. 224]. Хотя о. Уруп, конечно, в данное

время за собой закрепили россияне. Относительно крайних южных владений Японии Головнин не дает сведений. Но о крайних южных владениях сообщает Гончаров, и этими владениями являются Ликийские острова. Иван Александрович пишет о зависимости данных островов от японцев: «Ликийский король, в начале царствования, отправляется обыкновенно в Японию и там утверждается окончательно» [3, с. 393].

В первой половине XIX в. в пространственный образ Японии добавляются географические уточнения относительно расположения той или иной части суши, японцам принадлежащей. Так, обобщив географическое положение Японии, Горлов заключает: «Лежит оное [японское островное государство] между 31° и 41° Северной широты и между 141° и 161° долготы, полагая от острова Ферро» [4, с. 90].

В заключение отметим, что пространственный образ Японии в исследуемый период пережил огромную трансформацию. Представления, которые в начале XVIII в. отчасти основывались даже на античных традициях, переменились на сведения «из первых рук». Япония, считавшаяся частью «малой Индии», обрела статус островной империи. Огромное значение в определении пространственного образа Японии сыграли экспедиции Шпанберга и последующие исследования российских мореходов рубежа XVIII–XIX вв. В первой половине XIX в. пространственный образ Японии приобрел сходные с современным временем характеристики.

Список литературы

1. Варениус Бернанд. География генеральная. Небесный и земноводный круги купно с их свойства и действа в трех книгах описующя. Кн. 1. 1640. Перевод 1718.
2. География, или Краткое земнаго круга описание, напечатано повелением Царскаго Величества в типографии Москвы, лета господня 1710 в месяце марте.
3. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. – М., 1976.
4. Горлов Н. История Японии или Япония в настоящем виде. Ч. 1. – М., 1835.
5. Гришачев С.В. Плавание Мартена де Фриса: история, картография, историография // История и культура традиционной Японии 3 / отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М., 2010. – С. 168–182.
6. Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. – М., 2005.
7. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев. – М., 2004.
8. Избрания вкратце от книги глаголемья космография, еже глаголется описание всего света, изыскана и написана от древних философ и переведена с Римского языка на Словенский // Изборник слав. и рус. соч. и ст., внес. в хронографы рус. ред. / сост. А. Попов. – М., 1869. – С. 508–541.

9. История плаваний россиян из рек Сибирских в Ледовитом море // Сибир. вестн. – СПб., 1822. Ч. 17.
10. Книга глаголемая Козмография, сложена от древних философ, переведена с Римского языка // Избор. слав. и рус. соч. и ст., внес. в хронографы рус. ред. / сост. А. Попов. – М., 1869.
11. Козмография 1670. – СПб., 1878–1881.
12. Козмография сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных // Изборник слав. и рус. соч. и ст., внесенных в хронографы рус. ред. / сост. А. Попов. – М., 1869. – С. 476–507.
13. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – М., 2010.
14. Крузенштерн И.Ф. Первое российское плавание вокруг света. – М., 2010.
15. Новья ежемесячные сочинения. Ч. XVII. Месяц ноябрь. – СПб., 1787.
16. Оглобин Н.Н. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чт. в императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. – М., 1891. С. 1–18.
17. Описание о Японе...Ч. 1. – СПб., 1734.
18. Описание о Японе...Ч. 2. – СПб., 1734.
19. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. – СПб., 1882.
20. Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. – СПб., 1913.
21. Рейхель. Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная. – М., 1773.
22. Русская тихоокеанская эпопея. – Хабаровск, 1979.
23. Синтаро Накамура. Японцы и русские: из истории контактов. – М., 1983.
24. Спафарий Н.Г. Описание первья части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит китайское государство с прочими его города и провинции. – Казань, 1910.
25. Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (вторая половина XVII – начало XXI в.). – М., 2010.

Каспийская экспедиция Императорского Русского географического общества

Императорское Русское географическое общество было старейшим научным обществом в России, которое объединяло географов, различных ученых и известных личностей с 1845 г. Его экспедиционная деятельность может служить ярчайшим примером научной исследовательской деятельности во второй половине XIX – начале XX в. Работа выполнена на основе изучения материалов, хранящихся в фондах Русского географического общества.

The Russian Geographical Society is the oldest scientific organization in Russia that has been uniting professional geographers, other scientists and public figures since 1845. Its expeditions could be an example of exploration in Russia since XIX to the beginning of XX century.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, Каспийская экспедиция, Карл Максимович Бэр.

Key words: The Russian Geographical Society, Karl Baer, The Caspian sea expedition.

В 1845 г. в России возникает одно из старейших научных обществ – географическое. По времени своего открытия Русское географическое общество было одним из первых в мире вслед за Парижским, Берлинским и Лондонским. Причин возникновения подобного общества было множество, но главной, безусловно, являлась необходимость упорядочивания географических исследований.

И во Временном уставе общества 1845 г., и в уставе, принятом и подписанном императором в 1849 г., главной целью Императорского Русского географического общества являлся сбор географических, этнографических и статистических сведений [4, с. 1; 8, с. 2]. Немаловажное место отводилось просветительским мероприятиям (через печатные издания, библиотеки, музеи, лекции и т. д.), но все же экспедиционная деятельность оставалась первоочередной.

В любой литературе, посвященной экспедициям, путешествиям, географическим исследованиям, существуют лишь два принципа их классификации и изложения: географический (территориальный) и хронологический. Исследования, проводимые Императорским Русским географическим обществом, анализировались подобным же образом. Однако более интересной для изучения представляется

иная классификация: по организационному принципу; поскольку она дает возможность проследить именно цели, преследуемые тем или иным «заказчиком», коих можно разделить на три группы: частные лица или организации; государство в лице министерств; члены самого географического общества.

Соответственно и финансирование организованных экспедиций осуществлялось теми же тремя группами. Вместе с тем в истории Императорского Русского географического общества существовало несколько «смешанных» экспедиций, организованных на средства заказчиков из разных групп.

Примером такой экспедиции может служить Каспийская экспедиция 1852–1856 гг., которая проводилась на средства Каспийского рыболовного товарищества и Министерства государственных имуществ.

Причиной обращения в Императорское Русское географическое общество для организации исследований стал вопрос об уменьшении рыбы в Каспийском море [5, с. 30]. Первоначально расходы экспедиции взял на себя почетный гражданин Голиков, пожертвовав на исследования три тысячи рублей. Но поскольку начинания эти совпали с намерениями Министерства государственных имуществ провести ряд исследований на том же Каспийском море, то и основное финансирование пошло из государственной казны [5, с. 29]. Это же определило и приоритетные цели планируемой экспедиции исследовать состояние рыболовства на Волге и Каспийском море в техническом, статистическом и естественно-историческом отношении.

Для выработки плана и задач предстоящей экспедиции была собрана комиссия внутри Императорского Русского географического общества, в состав которой вошли члены общества К.М. Бэр, А.П. Заблоцкий, А.Ю. Гегемейстер, А.П. Соколов и В.А. Милютин. От лица Министерства государственных имуществ в состав комиссии вошел тайный советник А.И. Левшин [5, с. 31].

Составленный план был отправлен на Высочайшее рассмотрение и утвержден. Согласно этому плану на экспедицию возлагались следующие обязанности:

- составить точное и подробное описание употребляемых рыболовных приспособлений и их влияния на состояние рыболовства;
- определить качество соли, используемой для заготовки рыбы впрок;
- собрать статистические сведения о числе рыбопромышленников, уловах, рыбной торговле, выручке и т. д.;
- собрать для сравнения те же данные за прошлые годы, при том не только из официальных источников, но и из частных счетов рыбаков и рыбопромышленников;

- собрать и проанализировать данные улова и рождаемости рыбы за последние несколько лет;
- собрать данные о путях плавания различных пород рыб, их питании, нересте и т.д.;
- рассмотреть возможности искусственной пересадки рыбы в Каспийское море из других рыбных бассейнов страны;
- исследовать состояние вод Каспийского моря.

Для выполнения всех поставленных задач было решено снарядить экспедицию в следующем составе: начальник экспедиции действительный член Императорского Русского географического общества К.М. Бэр, естествоиспытатель, статистик коллежский секретарь Н.Я. Данилевский, техник господин Шульц, рисовальщик, химик. Срок действий экспедиции предполагался не более трех лет [6, с. 11].

Ученые-исследователи под началом К.М. Бэра прибыли в Астрахань и начали свою работу уже весной 1852 г. Именно эта экспедиция положила начало академическому и научно-промысловому изучению Каспийского моря. Впервые был сделан химический анализ каспийской воды, проведены детальные исследования гидрологических и гидробиологических особенностей Каспия, которые до К.М. Бэра были совершенно не изучены. При этом он неоднократно объездил Каспий от Астрахани до берегов Персии, составив карту всех отделов и бассейнов моря, дав описания имеющихся соляных озер. Во время экспедиции были собраны обширные геологические, зоологические, палеонтологические, и карниологические коллекции, переданные в Академию Наук. Особенно много экспонатов было получено от К.М. Бэра и Н.Я. Данилевского Зоологическим музеем [1]. Было создано капитальное географическое описание Каспия. Более того, по распоряжению К.М. Бэра часть экспедиции была направлена к северо-восточному берегу моря под руководством Н.Я. Данилевского для определения и уточнения устья реки Эмбы.

Кроме сугубо научных результатов экспедиции, ярко видно и ее экономическое значение, выразившееся в исследовании вопросов рыбной ловли. Хищнический лов рыбы частными промышленниками на Каспийском море, одном из основных районов рыбного производства страны, привел к катастрофическому падению улова рыбы и грозил потерей этой промысловой базы. К.М. Бэр установил, что причина падения улова заключается вовсе не в изменении природных условий, а в варварских и неразумных способах ловли рыбы до нереста и во время него.

По окончании экспедиции Бэр выступил с требованием введения государственного контроля над охраной рыбной ловли. Прямое экономическое значение рыболовных исследований выразилось, в

частности, в предложении употреблять в пищу каспийскую сельдь, которая раньше вылавливалась только для вытапливания жира. Более того, К.М. Бэр разработал «Устав каспийских рыбных и тюленьих промыслов», высочайше утвержденный в 1865 г. [10]. Этот документ в основном затрагивал вопросы промысла в рыболовных районах, объемов добычи, параметров технических приспособлений для ловли рыбы и т. д. Для соблюдения Устава учреждалась Полиция промыслов.

У экспедиции была еще одна цель, не предававшаяся огласке – это исследование возможности прокладки Азово-Черноморско-Каспийского судоходного канала. Для этого К.М. Бэр занялся изучением Манычской впадины, по которой должен был пролегать канал. После подробных и тщательных исследований он вынес решение о невозможности или, скорее, нецелесообразности прокладки канала, но не по техническим, а по экономическим причинам. Территория Манычской впадины была крайне малозаселенной, и для поддержания строительства и дальнейшего успешного функционирования канала пришлось бы прилагать серьезные усилия по заселению этого района [3, с. 112–126].

Несмотря на столь важное значение экспедиции во многих областях, сведения о ходе и результатах исследований на Каспии попадали в печать очень редко и в ограниченном количестве, в отличие от материалов многих других экспедиций Императорского Русского географического общества. Более того, Министерство государственных имуществ по возвращении экспедиции в Петербург потребовало предоставить все результаты, наработки и исследования для отбора среди них тех сведений, которые можно было бы опубликовать [7, с. 35; 8, с. 37].

Начиная с этого времени в стенах Императорского Русского географического общества не появлялось статей, посвященных Каспийской экспедиции. Некоторые сведения о ней были опубликованы лишь в труде К.М. Бэра «Исследования о состоянии рыболовства в России» [2], куда также вошли отчеты о его работах на озере Пейпусе и на русских берегах Балтийского моря, проводимые до исследований Каспия.

Список литературы

1. Архив Русского географического общества (АРГО). Ф. 1. (1857). Оп. 1. № 8. Л. 1–38.
2. Бэр К.М. Исследования о состоянии рыболовства в России». – СПб., 1860.
3. Бэр К.М. Ученые заметки о Каспийском море // Зап. Рус. географ. об-ва. Кн. 11. – СПб., 1856.
4. Временный устав Русского географического общества. – СПб., 1846.

5. Отчет Императорского Русского географического общества за 1852 год. – СПб., 1853.
6. Отчет Императорского Русского географического общества за 1853 год. – СПб., 1854.
7. Отчет Императорского Русского географического общества за 1856 год. – СПб., 1857.
8. Отчет Императорского Русского географического общества за 1857 год. – СПб., 1858.
9. Устав Императорского Русского географического общества. – СПб., 1850.
10. Устав каспийских рыбных и тюленьих промыслов. – СПб., 1866.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39:61:316

Н. Е. Мазалова

Современные целительницы: статус, функции в социуме*

В статье рассматривается ритуальная деятельность целительниц из Выборгского района Ленинградской области. Автор исследует функции и статус современных целительниц в современном обществе, делается вывод, что социальные функции современных целительниц заключаются в том, что их деятельность направлена на помощь членам общества в адаптации к условиям динамически изменяющейся социальной среды.

In article ritual activity of healers from the Vyborg region of the Leningrad region is considered. The sacral knowledge of these specialists is connected with representations of bio-energetics and other modern theories. The author investigates functions and the status of modern healers in modern society. The author draws a conclusion that social functions of modern healers are that their activity is directed on the help to members of society in adaptation to conditions of dynamically changing social environment.

Ключевые слова: этномедицина, целители, сакральное знание, социальный статус, социальные функции.

Key words: ethnomedicine, healers, sacral knowledge, social status, social functions.

В настоящее время в России функционируют целители, обладающие традиционным «тайным знанием» и способами лечения, и целители, знание которых основано на представлениях о биоэнергетике и других современных теориях. В последние годы в отечественной науке исследователи обратились к проблемам, связанным с изучением различных аспектов деятельности современных ритуальных специалистов [2; 4]. Вместе с тем недостаточно исследованными остаются некоторые вопросы, например, статус и новые функции целителей.

В процессах изменений социальной среды, которые характерны для современной России, целители начинают выполнять либо не

© Мазалова Н. Е., 2012

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (раздел 3 "Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре", проект 3.19 "Гендер, возраст и родство в контексте ритуала").

свойственные им функции, либо функции, которые находились в латентном состоянии. Это в значительной степени относится к новым специалистам и в меньшей – к традиционным. В наши дни абсолютное большинство целителей в деревнях и маленьких городах – женщины. Несмотря на демократические процессы в современном российском обществе, статус женщины в социуме по-прежнему ниже статуса мужчины. Но овладев «особым» знанием, женщины повышают свой статус.

Несколько лет я наблюдаю за тем, как формируется ритуальный специалист в пос. Луговое Выборгского района Ленинградской области Вера Александровна Воронина (1938 г. р.). Она относится к числу «приобщенных» – людям, не обладающим даром, но отправляющим магические практики и развивающим свои экстрасенсорные способности на основе соответствующей литературы. Вера Александровна усваивает знания из различных книг по целительской практике, биоэнергетике, нумерологии, восточным техникам и пр.

Она была младшей в семье, в детстве мать обучила ее проведению некоторых обрядов; так, например, на Егория она совершала магический обход дома и скотины, чтобы обеспечить благополучие и здоровье своих домочадцев и животных, также от матери она усвоила приговор на мытье детей, которым пользовалась, чтобы сохранить здоровье собственных детей.

У Веры Александровны среднетехническое образование, она долгие годы работала на Выборгском судостроительном заводе, на вредном производстве, тяжело заболела (эмфизема легких), многие из ее коллег умерли, не дожив до пенсии. Женщина ушла на пенсию в 49 лет, когда врачи оставляли ей несколько месяцев жизни, уехала из города в деревню, занялась там огородом, разводила кур и коз. Она поправилась, но через несколько лет у нее обнаружили онкологическое заболевание. В Выборге очень мало специалистов-онкологов, чтобы попасть к ним на прием, нужно ждать долгие месяцы. Вера Александровна обратилась за помощью к петербургскому экстрасенсу, который «лечит святыми»: «ему святые показывают все органы». Как уверяет В.А. Воронина, томографическое обследование показало, что она полностью излечилась. После лечения у экстрасенса она сама обратилась к изучению специальной литературы и через некоторое время начала отправлять магические практики.

В начале сеанса Вера Александровна определяет возможность излечения пациента с помощью книг по нумерологии. Отметим, что использование оккультных приемов – достаточно редкий случай в практике современных целителей. Она определяет сущностные черты человека с помощью расчетов, основанных на числе и годе его рождения. Так, например, дата ее рождения 28.10.1938. По ее

расчетам, у нее три двойки – это свидетельствует о наличии «энергетики», экстрасенсорных способностей белого мага, кроме того, в книгах уточняется, что человек с такой датой рождения более успешно лечит травмы. Это на примерах подтвердила и сама «знающая».

В случае если «знающая» берется за излечение «несоответствующих ее сущности» пациентов, лечение не будет успешным. В.А. Воронина привела следующий пример: к ней на лечение родители привезли двух наркоманов. Она провела математические расчеты их даты рождения и выяснила, что один из них обладает способностями черного мага и что он значительно «сильнее» ее. Его родители уговорили ее взяться за лечение. Вскоре после начала проведения сеанса он уснул, наклонившись в ее сторону. Вера Александровна во время проведения сеанса почувствовала себя очень плохо: по ее словам, наркоман-вампир забрал ее энергию. Разумеется, лечение не привело к излечению, а свою неудачу «знающая» определила особенностями личности больного.

Просчитав дату рождения сына другого больного, с рожистым воспалением, она определила, что он обладает экстрасенсорными способностями и может вылечить отца сам. Вера Александровна дала ему переписать заговор на рожу из книги сибирской целительницы Степановой, которой сама не пользуется. Через три дня сын пациента позвонил ей и сообщил о том, что он заговором вылечил отца: больной, который до этого с трудом передвигался, «побежал» в лес за грибами. Таким образом, «знающая» моделирует нужное ей поведение пациентов и их родственников и конструирует свой статус «знающей».

В.А. Воронина пытается магическими способами влиять на выбор пациентов: она придумала собственную молитву, в которой обращается к Богу с просьбой присылать ей пациентов, которых она может вылечить и которые ей не навредят: «Господи, я не могу отказать, но приводи людей, кому я могу помочь и не во вред себе» [З. Л. 14].

После диагностики В.А. Воронина проводит сеанс лечения. Основной прием «знающей» – биоэнергетическое воздействие. По ее словам, «она не лечит, а корректирует биоэнергетическое поле», а это приводит к излечению. Некоторые из ее пациентов уверяют, что чувствуют, как из ее рук исходит энергия, а также свет, кто-то видит прямые лучи, кто-то – рассеянные. По словам целительницы, «когда фиолетовый тон, тогда можно прекращать», т. е. сеанс лечения прошел успешно. Так, она подержала руки над раной на ноге внука, и рана затянулась. Лечение биотоками «знающая» сочетает с рациональными приемами: массажем, обмазыванием голубой глиной и др.

Воронина считает, что обладает способностью проникать в параллельный мир, в этот момент она испытывает состояние измененного сознания: «Это раскрепощение, когда идет соединение с параллельным миром», «такое раскрепощенное состояние, не уныние, не восторг» [5. Л. 44]. Мужчина, случайно попавший к ней, когда она, по его мнению, отправляла магический обряд, испытал ощущение страха и на время утратил способность передвигаться.

Вера Александровна постоянно читает новую литературу по эзотерике, меняет методы лечения и определения сущности человека; так, в последнее время она активно использует даосский гороскоп, изучает книгу: «Святые, в каких случаях они помогают». Сама женщина сожалеет о том, что не закончила полного курса экстрасенсов, а только курсы йоги, и сетует на то, что в становлении ее как целительницы помешала семья.

В жизни она занимает активную позицию, всегда старалась влиять на поведение близких, стремилась занять руководящие посты, например, в дачном поселке – пост председателя дачного кооператива, правда, неудачно, вероятно, поэтому она выбрала другой вид деятельности, позволяющий ей делать людей зависимыми от нее.

Проведение магических практик способствует тому, что о В.А. Ворониной создается множество мифологических рассказов – быличек. Например, в одном из них Вера Александровна наделяется провидческими способностями: нам рассказал один из ее пациентов, как после лечения у нее он привез на лечение своего приятеля; «знающая», не видя больного (он сидел в машине), с порога дома выразила сомнение, сможет ли вылечить этого человека, поскольку он некрещеный. Рассказчик выяснил, что так в действительности и было. Сама Вера Александровна охотно рассказывает о случаях излечения, что, несомненно, способствует упрочению ее статуса. Распространяемые ею и вылечившимися у нее пациентами рассказы об успешных эпизодах ее практики способствуют созданию образа «знающей».

С каждым годом за помощью к В.А. Ворониной обращается все больше людей. В числе ее пациентов соседи по поселку и жители близлежащих деревень, рабочие Выборгского судостроительного завода, один из ее пациентов – офицер, заместитель начальника ближайшей погранзаставы. Вера Александровна «просчитала его сущность» и выяснила, что он может помочь себе сам, поскольку наделен экстрасенсорными способностями. Статус целительницы постепенно упрочивается, молодящуюся даму начинают называть «бабой (бабкой) Верой» и говорить, что она «много знает», т. е. она переходит в разряд «знающих».

Вместе с тем в ближайшем социуме создаются нарративы о том, что Вера – колдунья: «Вера может испортить». Как многих обладателей «тайного» знания, ее начинают подозревать в колдовстве. Соседи ее побаиваются и стараются избегать с ней отношений, а тем более конфликтов.

Хотя в мировоззрении целительниц органично сочетаются христианские элементы и мифологические, а также современные – биоэнергетические, сами они считают, что следуют исключительно христианским заветам. По словам Веры Александровны, «Я под защитой у Бога». Христианские элементы в ее поведении проявляются в чтении христианских молитв, в обращении к священнику, вместе с тем в определенных критических ситуациях она легко прибегает к магическим средствам, к помощи «знающих». Любое действие «знающие» начинают с молитвы. Она считает, что благополучная семейная жизнь ее сына, долгое время складывающаяся неудачно, изменилась потому, что она постоянно молилась за него. Сама целительница выделяет веру, религиозность как основу своих личностных качеств.

В русских деревнях далеко не всегда принимают новых целителей. Так, в начале перестройки в Выборгском районе Ленинградской области была широко известна экстрасенс Светлана Александровна Тюнева (1948 г. р.). Она закончила сельскохозяйственный техникум и работала в местном совхозе бригадиром (пос. Кондратьево). Отметим, что в советское время нередко в колдовстве подозревали людей, занимающих руководящие посты, например, председателей колхоза. Начальство характеризовало ее как серьезного, знающего специалиста [З. Л. 56–78].

В начале 90-х гг. совхоз практически прекратил свое существование. В это же время С. Тюнева обнаружила целительские способности. Она получила дар во сне от умершей бабушки-знахарки, а затем закончила курсы экстрасенсов в Петербурге. Там она освоила приемы биоэнергетики. Она заряжала энергией, которую, по ее словам, получала из космоса, воду, еду, кремы и лечила нервные, кожные болезни, алкоголизм. По мнению односельчан, особенно успешно она лечила аллергию. У С. Тюневой было много пациентов, особенно горожан, приезжавших из Выборга. Ей выделили помещение в сельсовете, где она принимала больных. Многие из ее пациентов находились в сильной зависимости от нее. Так, например, она лечила женщину, которую бросил муж, и пациентка постоянно обращалась к ней за помощью в решении различных житейских проблем.

Пациенты у нее были разные: большая часть женщины с низким уровнем образования, но были женщины и с высшим образованием.

К целительнице также обращались представители власти. Отметим, что такие случаи способствуют упрочению статуса целителя.

Отправление магических практик – серьезный источник доходов целительниц. Обычно оплата в денежном эквиваленте, строго фиксированная. Следует отметить, что это не соотносится с традиционной оплатой лечения знахарок: обычно платят продуктами натурального хозяйства, едой и т. п., но не деньгами и не определенную таксу, а кто сколько может.

В современном российском социуме происходит ослабление некоторых связей – производственных, семейных. Большинство пациентов целительниц – одинокие люди, некоторые – не работающие. Они нуждаются не только в лечении, но и в дружеской, социальной поддержке. В этих условиях целители начинают выполнять не только лечебные функции, но и властные. Постепенно целительница и ее пациенты формируют структуру взаимоотношений с определенной иерархией. Целительница является лидером этой структуры. Она реализует властные функции, в том числе через делегирование полномочий от верхних уровней иерархии вниз. Пациентам, находящимся на верхнем уровне иерархии, целительница уделяет больше внимания во время лечения. С некоторых пациентов она берет меньше денег за лечебный сеанс или лечит их бесплатно. Пациенты соперничают за более высокое место в иерархии.

Для этой структуры характерен патерналистский стиль управления, обычно характерный для лидера-мужчины. Выполнение распоряжений целительницы строго контролируется. Несмотря на строгую иерархию, взаимоотношениям придается личностный характер, выходящий за чисто служебные рамки. Сама она играет роль матери, а ее пациенты выступают в роли детей. Предметом ее заботы являются не только здоровье пациентов, но и их личная жизнь.

Отметим, что многие из больных находятся в значительной психологической зависимости от целительницы. Здесь, вероятно, следует говорить о личной власти целительницы, которую Дж. Миллер определяет «как способность вызвать изменения, то есть взять что-нибудь от "А" и передать "Б", что может включать в себя даже передачу чувств и эмоций, являясь очень сильным воздействием» [5, р. 38]. И.В. Грошев называет такую функцию власти амотивной [1, с. 35].

На наш взгляд, взаимоотношения целительницы и пациентов в рамках иерархической структуры обладают некоторым сходством с отношениями внутри сект. Однако имеются существенные отличия. Как правило, религиозная секта возникает как оппозиционное течение по отношению официальным религиозным направлениям с ха-

ракторными установками на исключительность своей роли и доктрины. В случае с целителями и их пациентами идея избранничества и изоляционизм являются следствием динамических изменений, происходящих в социальной среде, и не носит оппозиционного характера по отношению к православию и обществу.

Кроме того, в отличие от структур, сформированных другими целительницами, данная структура была менее однородной, с более слабыми внутренними связями, поэтому она легко разрушилась. Основная причина заключалась в недостаточно высоком статусе целительницы в сельском сообществе.

С. Тюнева – деятельный властный человек. В период успешной деятельности она начала действовать в режиме агрессивного менеджмента. Так, она лечила местную девочку, у которой были сильные головные боли. Целительница настоятельно потребовала от матери не обращаться к врачам: «только не к врачам». У девочки оказалась опухоль головного мозга, время было упущено, и она умерла. В одной из Выборгских газет появилась разгромная статья, в которой была описана деятельность С. Тюневой, которая якобы лечила с помощью некоего существа из космоса.

В случае неэффективной деятельности (смерти пациентов) сельское сообщество отторгает целителей. Тем более многие местные жители относились к Тюневой достаточно настороженно. Например, по словам одной из местных жительниц, «надо ведь верить, а я не могла пить ее воду» (заряженную), она только умывалась и кропила ею помещения.

Двери квартиры целительницы мазали черной краской, на ней писали оскорбления. С. Тюнева была вынуждена уехать из Кондратьево. Она сменила фамилию на девичью. Некоторое время целительница работала в Выборге в медицинском кооперативе. Когда целительница заболела раком, мнение односельчан было единодушным: «ей наносили болей пациенты»: это совпадает с традиционными народными представлениями о том, что знахарь воспринимает болезнь пациента, и после этого должен лечить себя самого. Кроме того, причину болезни видели в смерти девочки: «это ей за девочку». С. Тюнева излечилась, но оставила целительскую практику.

В наши дни, когда в маленьких городах и деревнях зачастую очень слабая официальная медицина, возрастает статус целителей. Социальные функции ритуальных специалистов нового толка заключаются в том, что их деятельность направлена на помощь членам общества в адаптации к условиям динамически изменяющейся среды, в переломные моменты исторического развития люди испытывают потребность в дополнительных знаниях, в качестве которых

нередко выступают специализированные знания этих специалистов, обретающих именно в такие моменты особый социальный статус с присущими ему активными властными функциями.

Список литературы

1. Грошев И.В. Гендерные представления власти // Социс. 2000. № 12.
2. Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX – начало XXI в.). – Тюмень, 2005. Т. 1–2.
3. Полевые материалы автора // Архив музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Ф. К-1. Оп. 2. № 1889. Ленингр. обл., Выборг. р-н, пос. Луговое, Кондратьево.
4. Харитонов В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. – М., 1999.
5. Miller J.B. Women and power: Reflection ten years later // Women and power: Perspectives for family therapy/ Ed. T/J.Goodrich. – New York Norton, 1991.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).083:316.346.32–053.5/6

И. В. Синова

Самоубийства детей как социальная проблема на рубеже XIX–XX вв.

В статье рассмотрены причины подростковых самоубийств на рубеже XIX–XX вв., среди которых выделяются влияние школы, ремесленных мастерских, семьи. На основе анализа фактического материала и статистических данных показано, как на детские суициды влияло состояние самого общества, его политические, экономические и социальные проблемы.

In article the reasons of teenage suicides at a turn of the XIX-XX centuries among which were school, craft workshops, a family are considered. On the basis of the analysis of the actual material and statistical data it is shown as on children's suicides the condition of the society, its political, economic and social problems influenced.

Ключевые слова: «эпидемия самоубийств», суицид, Департамент народного просвещения, I Всероссийский съезд по семейному воспитанию, жестокое обращение с детьми, гендерный признак.

Key words: «epidemic of suicides», suicide, Department of the national education, the I All-Russia congress on family education, child abuse, a gender sign.

*Для того чтобы толкнуть детей на самоубийство,
нет надобности их ненавидеть – достаточно их не любить.*
Л. Проаль

Сегодня Россия находится на первом месте в мире по числу подростковых самоубийств. Э. Дюркгейм определил, что «самоубийством называется всякий смертный случай, являющийся непосредственным или посредственным результатом положительного или отрицательного акта, совершенного самой жертвой» [3, с. 12].

Одной из важных социальных проблем начала XX в. стало увеличение количества детских самоубийств. Исследованием этого явления занимались психологи, педагоги, социологи, юристы, был накоплен обширный эмпирический и статистический материал. По распоряжению Департамента просвещения статистика самоубийств среди учащихся велась начиная с 1882 г. Увеличение их числа на-

чинается с 1902 г., затем прерывается в 1905 г. с началом революционного подъёма и вновь продолжает увеличиваться с 1906 г. опережающими темпами по отношению к росту населения.

Специалисты признали тот факт, что во время революционных переворотов и национальных войн, когда общественные интересы получают перевес над личными, число самоубийств обычно уменьшается. Зато в годы, следующие за подобными социальными кризисами, их число начинает быстро расти. Это объясняется как крушением общественных идеалов, надежд, апатией и разочарованием, так и обострением социально-экономической борьбы в годы, следующие за революцией.

По мнению исследователей, рост детских самоубийств находился в теснейшей связи с тяжёлым и затяжным социально-экономическим кризисом, который переживала Россия в начале века. Полоса репрессий, последовавшая за революционным подъёмом, сопровождалась, по определению того времени, «эпидемией самоубийств» среди учащихся школ. В 1910 г. в Санкт-Петербурге была организована специальная комиссия, возглавляемая врачом Г.И. Гордоном, которая исследовала проблему роста детских самоубийств.

Специалисты и периодическая печать приводят различные статистические данные о самоубийствах среди учащихся, но едины они в том, что до 1903 г. их число увеличивалось параллельно с увеличением населения, а затем как в Санкт-Петербурге, так и в целом по стране наметился значительный рост. По данным периодической печати, за этот период в среднем было совершено 221,8 самоубийств в год, причем если в 1902 г. их было 18, то в 1909 г. уже 482. Правда, по сведениям Департамента народного просвещения, в среднем произошло 73 самоубийства в год, но, вероятно, здесь учитывались только учащиеся [2, с. 453–454].

Каковы же были причины, которые вынуждали детей лишать себя жизни? Известный криминалист и адвокат А.Ф. Кони утверждал, что «значительное число самоубийств совершается в здравом уме и твёрдой памяти, и что совокупность общественных, экономических и бытовых условий в связи с упадком религиозных чувств, развитием чрезвычайных материальных требований в жизни, затемняющих ободрительные нравственные идеалы, играют в качестве почвы для самоубийств не меньшую роль, чем душевные болезни» [9, с. 62].

На первом месте у мальчиков среди причин суицидов, связанных со страхом наказания, стояла школа, на втором – хозяева ремесленных мастерских. Наибольшее их количество в средней школе наблюдалось «у мальчиков в период возмужания, а у девочек в тот

период, когда девочки-подростки превращаются в молодую взрослую барышню» [12, с. 36].

На I Всероссийском съезде по семейному воспитанию анализировали причины детских и юношеских самоубийств, и на первое место была поставлена деятельность школы, которая физически ослабляла учащихся ввиду плохих санитарно-гигиенических условий: переполненность, отсутствие вентиляции, недостаток освещения. Кроме этого, сильным и значительным фактором, негативно влиявшим на учащихся, были признаны экзамены, «их влияние на учащихся измеряется у нас целыми эпидемиями самоубийств, которые так и носят название "экзаменационных"» [1, с. 459].

Согласно данным родительских комитетов, собиравшим информацию об экзаменах, в течение пяти лет среди учащихся средних школ было 78 покушений на самоубийства, 136 самоубийств, 290 случаев отказа учеников от продолжения учения, 4700 случаев ухода учеников из школы из-за неправильной оценки их успехов и около 10 тысяч случаев увольнения и исключения из-за слабых успехов. В 1907 г. родительскими комитетами была подана министру просвещения записка с ходатайством об отмене экзаменов, но обращение так и осталось без внимания [1, с. 460].

Кроме экзаменов, не менее вредно влияли на учащихся переживания по поводу плохих отметок, которые были причиной самоубийств школьников (5 %). Плохие отметки для учащихся имели иногда роковые последствия, из-за которых они боялись являться домой, зная по опыту, какое наказание ожидает от грубых и жестоких родителей. Двойки и единицы служили не только оценкой знаний учащихся, но и средством воздействия на них, т. е. наказанием. Учителя не пытались понять причину неуспеваемости учеников. Ведь для некоторых это были отнюдь не лень или плохие способности, а такие домашние условия, при которых невозможно удовлетворительно учиться. При существовавшей отдалённости школы от семьи учителя обычно не знали условий, в которых жили учащиеся дома, семейных отношений, материального положения, и нередко отметки не только не достигали своей цели, а приносили прямой вред.

Школа, по мнению специалистов того времени, мало делала, чтобы ограждать своих питомцев от волнений и потрясений и вместе с тем много делала такого, что выводило учащихся из состояния равновесия. На съезде по семейному воспитанию школьный режим был охарактеризован как безжизненный и жестокий, так как «школа в лице преподавателей относится к ученикам грубо, и наказания в ней принимают характер бесконечных репрессий, дающих широкий простор и свободу чрезмерной придирчивости и мелочной мсти-

тельности». Поэтому, наверное, не случайно, что причиной (26,4 %) самоубийств детей и юношей во многих случаях была школа [1, с. 460].

В фонде Департамента народного просвещения Российского государственного исторического архива хранится более 30 дел «О самоубийствах, покушениях на самоубийства, несчастных случаях в учебных заведениях», относящихся к началу XX в. Уже сам факт сбора данной информации свидетельствует, что такая проблема имела место, а количество исследований и диссертаций педагогов, психологов, юристов, социологов, посвящённых этой проблеме, позволяет думать, что ситуация с суицидными явлениями среди учащихся школ была достаточно серьёзной и острой.

Циркулярным распоряжением Министерства народного просвещения на имя учебно-окружных начальств от 16 октября 1905 г. № 25188 начальникам учебных заведений в целях врачебно-санитарной статистики было предложено «доставлять в Министерство подробные донесения о самоубийствах и других несчастных случаях среди учащихся вместе с необходимыми по существу дела объяснениями и заключениями по каждому отдельному случаю, прилагая к ним:

1) протоколы судебно-медицинского вскрытия, если таковое было, 2) заключение врача и 3) письма, записки, оставленные самоубийцами или покушавшимися на самоубийство в подлиннике или в засвидетельствованной копии».

Далее авторы циркуляра поясняли, что «необходимость такого именно фактического материала для врачебно-санитарной статистики самоубийств и покушений на самоубийство среди учащихся, разрабатываемой в настоящее время Министерством народного просвещения, очевидна в целях как освещения мотивов самоубийств, так и выяснения той психофизической основы, на почве которой происходят эти патологические явления. Помимо того, Министерство просвещения, принимая во внимание как интересы самих пострадавших лиц из среды учащихся и их родственников, так и интересы всего общества, зачастую предъявляющего к школе и учебному начальству обвинения в безвременной гибели порученных его руководству детей и юношей, признаёт полную необходимость быть всесторонне осведомлённым о всех случаях самоубийств и покушений на самоубийство среди учащихся, дабы иметь возможность предотвращать эти катастрофы в будущем и выяснить влияние данной школы и всего строя учебно-воспитательного дела как в каждом частном случае, так и в отношении общего школьного режима на проявление среди учащихся названных ненормальных явлений. Ввиду сказанного материалы,

добытые судебным следствием, являются главным базисом, на который может опираться в своих построениях и выводах врачебно-санитарная статистика самоубийств и покушений на них, преследуя цели возможного уменьшения этого зла среди учащихся» [6. Л. 204–204 об.].

Доктор Хлопин отмечал, что самоубийства учащихся являются угрожающим симптомом ввиду того обстоятельства, что происходят приблизительно в три раза чаще, чем среди населения России всех возрастов и состояний в целом [12, с. 161].

По данным, приводимым в журнале «Вестник воспитания», число самоубийств среди гимназистов за 1883–86 и 1901–1903 гг. возросло в отношении 100 к 166 [5, с.161]. А в 1908 г., по мнению большинства исследователей, самоубийства среди учащихся носили эпидемический характер.

Самое потрясающее в статистике самоубийств рассматриваемого периода то, что Россия занимала одно из первых мест в мире по числу самоубийств среди учащихся, в то время как по числу самоубийств среди солдат – предпоследнее место [5, с. 159]. Эти данные позволяют сделать вывод, что положение солдат в армии было гораздо лучше, чем положение детей в школе и дома, и командиры в армии были более милосердными, внимательными и гуманными, чем учителя и родители. Это ли не парадоксальная ситуация российского общества?

В журнале «Вестник общественной гигиены и судебной медицины» проанализировали категории детей-самоубийц и способы их ухода из жизни. Среди подростков до 15 лет, покушавшихся на самоубийство, почти половина являлись учениками ремесленных мастерских. Причинами самоубийств были боязнь наказания со стороны мастеров и подмастерьев и «жестокое обращение» [4, с. 68].

Как отмечал А. Липский, «средства, принимавшиеся детьми с целью лишить себя жизни как лицами малоопытными, были малоудачные в смысле удобства и быстроты лишения себя жизни. Большинство бросалось или в воду, или с крыши, из окна, или под поезд железной дороги; а двое бросились в яму отхожего места. Затем идут отравление – в большинстве неудачное – и повешение, почти на половину не удавшееся; три случая нанесения ран окончились благополучно» [4, с. 69]. Безусловно, данный анализ звучит цинично, но он отражает реальную ситуацию, имевшую место в столице во второй половине 90-х гг. XIX в.

Ещё одним фактором, влиявшим на самоубийства подростков, являлась семья. На I Всероссийском съезде по семейному воспитанию отмечалось недостаточное влияние семьи на подрастающее

поколение, когда дворяне и бюрократия предоставляли воспитание своих детей, эту тяжкую и скучную работу, наёмным людям, а представители средних классов, интеллигенция и особенно трудящиеся не могли заниматься воспитанием детей, потому что всё внимание и вся энергия уходили на тяжёлую борьбу за существование. Это нередко приводило к отсутствию понимания между детьми и родителями. Анкетирование, проведённое в Санкт-Петербурге в 1912 г. среди учащихся, показало, что духовная связь в семье между родителями и детьми существует у юношей в 54,1 %, у девочек в 44,6 % [1, с. 464].

Самоубийства нередко являлись также следствием жестокого обращения с детьми со стороны родителей. Анализ причин суицидов привёл специалистов к выводу, что большинство их можно было бы предотвратить. Журнал «Свободное воспитание» в 1910 г. отмечал, что «многие детские самоубийства суть косвенные убийства, а виновные их – те, кто не понял своего долга или даже сознательно попрали его ногами» [10, с. 32]. С 1907 по 1909 г. в стране было совершено 85 самоубийств учеников торгово-промышленных и ремесленных заведений, являвшихся протестом против невозможной жизни, на которую они были обречены [2, с. 86].

«40 % самоубийств девочек и девушек составляли сексуальные причины. В их числе есть много "соблазненных" (из них некоторым не более 13 лет), есть молодые проститутки, которым их жизнь показалась невыносимой» [10, с. 76]. Но девочки-самоубийцы далеко не все могли считаться жертвами «несчастной любви», здесь было гораздо больше жертв социально-экономических условий: последствия рождения внебрачных детей и тяжёлые условия жизни лежали в основе большинства из них.

Публицисты отмечали, что значительное число самоубийств молодых девушек связано с «подчинённым положением женщин как в сфере экономики, так и в сфере сексуальных отношений, бытовая строгость современной половой морали. Нормальное воспитание и нормальные отношения старшего поколения к созревающим в половом отношении девочкам-подросткам могли бы многие из этих самоубийств предупредить» [11, с. 76].

Способ осуществления суицида подростками различался по гендерному признаку. Большинство мальчиков – 55,5 % – уходили из жизни, используя самоповешение, а 66,7 % девочек – утопление. Примерно одинаковое количество и мальчиков (26 %), и девочек (22,2 %) отравились. Девочки в отличие от мальчиков (14,8 %) не использовали огнестрельное оружие, и среди них не встречалось ни одного случая самоубийств, мотивом для которых служил бы алко-

голь [8, с. 168–169]. В целом мальчики использовали более жёсткие способы, такие как повешение и оружие.

Безусловно, причиной суицидов являлось и состояние самого общества, его политические, экономические и социальные проблемы. В газете «Русская мысль» в 1912 г. Г. Гордон отмечал, что «рост детских самоубийств находится в теснейшей связи с тем тяжёлым и затяжным социально-экономическим кризисом, который переживает Россия в последние годы» [7, с. 2]. Нужда, безработица, бедность и другие проблемы социально-экономического характера вызывали 30 % суицидов в раннем возрасте, особенно среди мальчиков, которым рано приходилось начинать жить своим трудом [11, с. 82].

Специалисты считают, что современные самоубийства подростков связаны с ослаблением функций семьи и отсутствием взаимопонимания между родителями и детьми. Изучение опыта прошлого во многом будет способствовать углублённому исследованию данной проблемы, а соответственно, и комплексному её решению.

Список литературы

1. Гордон Г.И. Воспитание и самоубийство детей // Тр. I Всерос. съезда по семейному воспитанию. СПб. 30.12.1912 – 6.01.1913 г. Т. I. – СПб., 1914.
2. Гордон Г.И. Современные самоубийства // Рус. мысль. – 1912. – Кн. V.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер., с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. – М., 1994.
4. Липский А. Самоубийства детей // Вестн. обществ. гигиены и судебной медицины, 1897.
5. Майзель И.Е. О самоубийствах среди учащихся // Вестн. воспитания. – 1908. – № 8.
6. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 199. Д. 106.
7. Русская мысль. 1912. 10 мая.
8. Тереховко Ф.К. К вопросу о самоубийстве в СПб. за 20-летний период (1881–1900): дис. – Гатчина, 1903. – С. 168–169.
9. Трахтенберг А. О самоубийствах среди учащихся // Рус. шк. 1908. – № 11.
10. Ульянова А. Самоубийства детей // Свободное воспитание. 1909–1910. – № 8–9.
11. Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. – М., 1914.
12. Хлопин Г.В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся учебных заведений Министерства народного просвещения. – СПб., 1907.

А. В. Тюрин

Союз писателей и жилищное строительство в Ленинграде в 1950-е – начале 1960-х гг.

На основе документов ЦГАЛИ СПб рассматривается влияние Союза писателей на жилищное строительство и распределение жилья среди писателей в Ленинграде в годы «оттепели». Выявлены основания для улучшения жилищных условий, порядок взаимодействия с органами государственной и партийной власти. Изложена история строительства жилого дома писателей по адресу: улица Ленина, д. 34.

The article represents a study of the impact of the Union of Soviet Writers for housing construction and distribution of housing among writers in Leningrad during the "thaw". It is based on the documents of Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg. Found reasons to improve housing conditions and the order of interaction with the state and party authorities are revealed. Also describes the history the construction of a residential house for writers at Lenin Street, 34.

Ключевые слова: жилищное строительство, Ленгорисполком, Литфонд, «оттепель», распределение жилья, социальная история, Союз писателей СССР.

Key words: Distribution of housing, housing construction, Lengorispolkom, Literary Fund, social history, «thaw», Union of Soviet Writers.

Истории Союза писателей хрущевского времени до сих пор уделялось недостаточно внимания и в мемуарах, и в научной литературе. Она осталась в тени двух, казалось бы, более интересных для исследователей периодов: предшествующего (1930-е – начало 1950-х гг.), воплощающего отличительные особенности советского тоталитаризма, и последующего (конец 1960-х – середина 1980-х гг.), отмеченного распространением неофициальной литературы.

Между тем период «оттепели» представляет самостоятельный интерес. Он отмечен относительной либерализацией литературной политики, вступлением поколения молодых писателей, началом реабилитации и переиздания писателей начала века, а отчасти и русского зарубежья, ростом открытости для контактов с зарубежными странами и возможностей издания иностранных авторов. Вместе с тем эти изменения оказались непродолжительными и не затронули основополагающие принципы взаимодействия писателей и власти.

Советские писатели выделяются и опознаются в качестве особой социальной группы, признаком которой служит принадлежность к Союзу писателей. Они представляли собой особую «общественную касту, члены которой были связаны не только профессиональными интересами, но и местом жительства и образом жизни» [7, с. 412]. Организация оформилась после первого съезда Союза писателей СССР, который прошел в 1934 г. В нее вошло большинство известных писателей того времени. В Ленинграде заявления о приеме в Союз не написала тогда лишь А. Ахматова, однако и она сделала этот шаг несколько лет спустя.

Ленинградская организация была второй по численности и значению в стране. В 1958 г. в Ленинграде жило и работало 314 членов Союза писателей [3, с. 43].

В исследованиях по истории повседневности отмечается особое значение жилищного вопроса. «Жилищная проблема в писательской среде была, пожалуй, самой значительной среди всех других, связанных с материально-бытовыми трудностями. Жилищные условия – важнейшая характеристика повседневности, определяющая в значительной степени здоровье и психологическое благополучие человека. У литераторов этот фактор приобретает особое значение, так как для них жилье – это, помимо всего прочего, и основное рабочее место. Поэтому не случайно, что тема жилищных условий постоянно была одной из ведущих в обращениях писателей в ССП» <ССП – Союз Советских Писателей — А.Т.> [1, с. 112].

Масштабное строительство по типовым проектам – одна из главных примет 1950-х гг. Как отмечают исследователи, «нигде взаимосвязь хрущевского реформаторского эксперимента и повседневной жизни не была такой ощутимой, как в жилищной сфере» [2, с. 162]. Оно позволило многим ленинградцам переселиться из коммунальных квартир в собственное отдельное жилье. Значительную заинтересованность в улучшении своих жилищных условий проявляли и писатели.

В архиве Ленинградского отделения Союза писателей СССР сохранились просьбы писательской организации и Литфонда, направленные на улучшение жилищных условий, включая постановку на учет для получения жилплощади, обмен жилплощади, получение постоянной прописки в Ленинграде. Просьбы, как правило, адресованы Ленгорисполкому, реже – Горкому или Обкому КПСС.

Рассмотрим несколько примеров. Писательница Е.П. Серебровская была назначена на должность заместителя главного редактора журнала «Нева». По роду работы ей приходилось часто задерживаться в редакции и типографии, а иногда рабо-

тать по вечерам. В связи с этим секретарь отделения союза писателей просил Ленгорисполком поменять ее квартиру (ул. Решетникова, Московский район) на равноценную, но расположенную ближе к редакции (Невский пр., д. 3), т. е. в Петроградском, Приморском, Василеостровском районах [4. Л. 26].

Другая причина для обмена квартиры приводится в документе об улучшении жилищного положения писателя Н.Д. Новоселова. Приведем письмо целиком:

Председателю Исполкома Ленгорсовета
товарищу СМИРНОВУ Н.И.

Ленинградское отделение Союза писателей СССР просит Вас оказать содействие в улучшении жилищных условий писателя Николая Дмитриевича НОВОСЕЛОВА.

Вместе с женой, заведующей отделом искусства и литературы редакции газеты «Вечерний Ленинград» Пиотровской Е.Я. и пятилетней дочерью – т. Новоселов проживает в комнате площадью 14,5 кв. м., сырой и недостаточно светлой.

Плохие жилищные условия отрицательно сказываются на его здоровье и писательской работе.

Т. Новоселов в течение десяти лет руководит крупнейшим в городе рабочим литературным объединением «Нарвская застава» при дворце культуры ЛОСПС им. Горького, является постоянным сотрудником Советского Информбюро, принимает активное участие в общественной жизни.

Ответственный секретарь
Ленинградского отделения Союза писателей

А.А. Прокофьев

Секретарь партийного бюро

Н.П. Луговцов [4. Л. 11].

Еще один мотив содержится в просьбе в Ленинградский горком КПСС улучшить жилищные условия члену Союза писателей поэту Г. Некрасову, проживавшему по Пушкинской улице в доме 13, квартире 25. «Тов. Некрасов проживает в одной комнате, что в большой степени осложняет его творческую и редакционную работу (так как в основном она протекает дома). Как член Союза писателей СССР Г.А. Некрасов имеет право на дополнительную площадь» [5. Л. 20]. Было предложено предоставить писателю двухкомнатную квартиру при переселении, в то время как его квартира отходила детскому саду.

Помимо помощи отдельным писателям была предпринята попытка комплексного подхода к решению жилищного вопроса. В 1957 г. началось строительство жилого дома писателей по адресу: улица Ленина, дом 34. Был разработан индивидуальный проект, в соответствии с которым здание состояло из основной семиэтажной части и бокового пятиэтажного корпуса [5. Л. 19]. Однако строитель-

ство затянулось. Ежегодно утверждаемые планы работ для Главленинградстроя не выполнялись. В 1960 г. в Союзе писателей была составлена жалоба на затягивание сроков строительства, направленная в обком КПСС:

Секретарю Ленинградского Областного Комитета КПСС
И.В. СПИРИДОНОВУ

Жилой дом для писателей Ленинграда, стоимостью в 7,9 мил. рублей, осуществляемый строительством с 1957 года, до сих пор не закончен.

Ежегодно утвержденные планы строительства для Главленинградстроя не выполняются. Так:

В 1957 г. из плана в сумме 1000,0 т. р. освоено только 449,4 т. р.

В 1958 г. из плана в сумме 4000,0 т. р. освоено только 981,4 т. р.

В 1959 г. из плана в сумме 3900,0 т. р. освоено только 1650,0 т. р.

В дальнейшем такое положение с окончанием строительства жилого дома для писателей в г. Ленинграде по ул. Ленина 34 – нетерпимо.

Ленинградское отделение Союза писателей РСФСР просит:

1. Обязать трест № 104 Главленинградстроя (т. Самойленко З.С.) ген-подрядчика УНР-47 и субподрядчиков УНР-528, УНР-49 и ЛМУ-12 окончить строительство жилого дома для писателей, жилой площадью в 3200 кв. м. сдать его в эксплуатацию в третьем квартале 1960 г.

2. Контроль за исполнением возложить на начальника Главленинградстроя т. ИСАЕВА В.Я.

Ответственный секретарь

Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР

А. Прокофьев [5. Л. 44].

В конце концов дом был введен в эксплуатацию только в мае 1961 г. В него переехали 68 писателей с семьями [6. Л. 22]. Подобные формы совместного проживания способствовали выделению членов творческого союза в особую социальную группу.

Первоначально по проекту намечалось организовать тепло-снабжение от квартальной котельной, которая так и не была построена. При вводе дома в эксплуатацию была реализована подача тепла от временной котельной, расположенной в подвале южной угловой части здания. Для подогрева котлов в ней использовался каменный уголь. При этом не было подготовлено специальное помещение для его хранения. Уголь разгружался из машин прямо под окнами здания. Туда же отбрасывался шлак из котельной. Как жаловались жильцы, угольная пыль проникала в жилые квартиры и на расположенные здесь же игровые площадки детских яслей [6. Л. 81]. Сохранилась просьба писательской организации о переоборудовании котельной на сжигание газа [6. Л. 81]. К сожалению, ответ на нее нам неизвестен.

По проекту была предусмотрена реконструкция и надстройка в нижних этажах жилого флигеля. В них должна была разместиться

поликлиника для нужд ленинградского отделения Литфонда. Однако в 1962 г. работы были задержаны, поскольку институт «Ленжилпроект» не разработал в срок проектные и сметные документы. В отделении союза писателей была составлена жалоба в Ленгорсовет:

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА ЛЕНГОРСОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
тов. СМИРНОВУ Н.И.

Уважаемый Николай Иванович!

15 ноября 1961 г. Распоряжением Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся № 1862-р предусмотрена реконструкция и надстройка жилого флигеля дома № 34-36 по ул. Ленина с оборудованием в нижних этажах поликлиник для нужд ЛО Литфонда Союза писателей.

Производство работ по реконструкции и надстройке поручено Управлению капитального ремонта жилых домов с выполнением их в 1962 г.

2 января 1962 г. после получения соответствующих заключений Городской Санитарно-эпидемиологической станции, Управления пожарной охраны и Архитектурного управления Исполкома Ленгорсовета, мы передали институту «Ленжилпроект» заказ на составление проектно-сметной документации по реконструкции и надстройке флигеля.

При передаче заказа на проектирование ЛО Союза писателей имело твердое заверение т. Соколова А.И. (в то время заместителя председателя Ленгорисполкома) о том, что все необходимые проектные и сметные документы будут подготовлены в течение месяца, строительные же работы будут полностью завершены в первом полугодии 1962 г.

Однако до настоящего времени даже не подготовлен проект.

Управление капитального ремонта жилых домов, которому поручено производство строительных работ, настаивает на исключении этого объекта из плана работ текущего года.

В связи с изложенным мы просим:

1. Указания экспертно-техническому совету АПУ Ленгорисполкома в срок до 15 мая с.г. рассмотреть и утвердить заседание по данному вопросу.

2. Обязать институт «Ленжилпроект» в срок до 20 мая с.г. закончить и передать нам смету и рабочие чертежи по объекту.

3. Управлению капитального ремонта жилых домов заключить с Литфондом Союза писателей договор на производство работ и с 1-го июня приступить к их выполнению.

Ответственный секретарь

Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР

А. Прокофьев [б. л. 36].

Отдельной серьезной проблемой для жильцов стала телефонизация дома. Сохранились две просьбы об установке телефонов в каждой квартире, направленные в обком партии и в горисполком. В документах подчеркивается значение этого атрибута для профессиональной деятельности: «без телефона жизнь писателя тяжелая. По каждому вопросу приходится ехать в издательство и в газету и в Союз писателей, на что уходит очень много времени» [б. л. 22];

«квартира писателя одновременно и его рабочее место. Отсутствие телефона сильно затрудняет повседневную связь писателя с редакциями газет и журналов, с издательствами, театрами, управлениями радио и телевидением и другими организациями» [6. Л. 33]. На этот раз просьба возымела действие – телефоны вскоре были установлены.

Утвержденным проектом было предусмотрено устройство лифтов как в семиэтажной, так и в пятиэтажной частях здания. Наряды на лифты были получены, заказ на изготовление четырех лифтов был размещен на одном из ленинградских заводов. Однако Дзержинское отделение Стройбанка отказало в разрешении на оплату стоимости и монтажа двух лифтов в пятиэтажной части, ссылаясь на запрещение устройства лифтов в зданиях до пяти этажей включительно. Союз писателей был вынужден направить жалобу заместителю председателя Ленгорисполкома с просьбой разрешить оплату и установку лифтов со ссылкой на то, что дом строится по индивидуальному плану, и его высота превышает высоту типовых пятиэтажных домов [5. Л. 19].

Таким образом, во время строительства дома писателей в полной мере проявились медлительность и неэффективность советских бюрократических учреждений, а также недостаточная быстрота и низкое качество выполнения собственно строительных работ.

Ещё одним интересом Союза писателей было сохранение в своей собственности жилья, освободившегося после переселения части его членов в новый дом. Старая жилплощадь была распределена между писателями, нуждавшимися в улучшении жилищных условий [6. Л. 30].

Как мы видим, несмотря на все усилия государства, жилищный вопрос сохранял свою остроту, даже для привилегированных членов творческих союзов. Право на получение жилья представляло для писателей значительный интерес. Следует признать и огромную роль Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР (ЛО СП РСФСР) в защите интересов своих членов.

Подобная политика государственного стимулирования писателей при помощи материальных благ имела неоднозначные последствия. С одной стороны, она давала им привилегии по сравнению с другими социальными группами и создавала относительно комфортные условия для творчества. Однако писатели, рассчитывавшие на публикацию своих произведений в Советском Союзе, были значительно ограничены в выборе тем для художественного творчества. Сегодня писатели напротив имеют свободу творчества, но в обеспечении материальных условий могут рассчитывать только на собственные усилия.

Список литературы

1. Антипина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. – М., 2005.
2. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. – СПб., 2003.
3. Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 371. Оп. 1. Д. 335.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 336.
5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 398.
6. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 1. Д. 451.
7. Шубинский В. Перековка // Новое лит. обозр. 2006. № 79.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.8:355.44(470.23-25)

А. В. Похилюк, В. Н. Скворцов

Поддержка духовных сил защитников Ленинграда в годы блокады

В статье дается анализ социальных мероприятий партийных и советских властей, направленных на поддержание боевого духа воинов-защитников блокадного Ленинграда.

The article analyzes the social activities of the party and Soviet authorities, aimed at maintaining the morale of the soldiers-defenders of besieged Leningrad.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, Ленфронт, Краснознаменный Балтийский флот, медицинская помощь, комсомольско-бытовые отряды, полевая почта.

Key words: Leningrad, siege, Leningrad front, Baltic fleet, medical care, the Komsomol and household units, field post office.

В боевой обстановке важное значение имеет состояние духа воинов. Именно душевное состояние является источником боевой стойкости людей, ведущих изнурительную вооруженную борьбу с коварным и сильным противником.

Поддержание духовных сил воинов-защитников Ленинграда было предметом постоянной заботы Советского государства, партийных органов, командиров и политработников. Это было особенно важно в экстремальных условиях заблокированного города, в котором воины 900 долгих дней и ночей, по существу, находились в условиях переднего края под постоянным огневым воздействием противника.

Поддержание высокого морально-боевого духа воинов Ленфронта и Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) наряду с разнообразными формами политико-воспитательной работы осуществлялось за счет различных мероприятий социальной политики, в том числе связанных с социальной защищенностью семей военнослужащих, поддержанием постоянной связи воинов с родными и близкими, организацией отдыха и культурного обслуживания воинов Ленфронта и КБФ.

Важным направлением социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны была забота о семьях военнослужащих. Для устойчивости обороны осажденного Ленинграда это имело особое значение. Дело в том, что среди воинов Ленфронта и КБФ значительную прослойку составляли ленинградцы, семьи которых, после того как было замкнуто кольцо блокады, остались в городе. Только через Ленинградскую армию народного ополчения в течение первых трех месяцев войны было отправлено на защиту города 135 400 бойцов и командиров [3, с. 31], а всего в период битвы за Ленинград город направил на фронт 238 тыс. воинов-ополченцев. Из них было сформировано 10 дивизий народного ополчения, которые впоследствии составили костяк семи стрелковых дивизий, защищавших город в течение всего периода блокады, участвовавших в ее прорыве и снятии.

На Балтийский флот в первые месяцы войны было мобилизовано 20 тыс. ленинградцев. [20. Оп. 12. Д. 13. Л. 55]. На флоте были подразделения, на 90 % состоявшие из ленинградцев. Таким образом, население осажденного города, воины фронта и флота были связаны кровными узами. Защитники города и их семьи оказались в едином кольце блокады, вместе переносили невероятные лишения в условиях осажденного города. Поэтому от степени социальной защищенности населения Ленинграда напрямую зависели успехи в его обороне.

В этих условиях партийные и советские органы города, Военные советы Ленфронта и КБФ постоянно оказывали всю возможную в условиях блокады помощь населению (в том числе семьям военнослужащих), формы которой были самыми разнообразными. Характерно то, что все они находили полную поддержку партийных и советских органов и проводились в жизнь в условиях широкого привлечения общественности.

9 января 1942 г. бюро ГК ВКП(б) специально обсудило вопрос «Об организации помощи особо ослабевшим гражданам». 12 января по этому вопросу было принято совместное решение горисполкома и горкома ВКП(б) [18. Оп. 36. Д. 56. Л. 113, 114; Д. 67. Л. 87–95; Д. 71. Л. 35–37]. Было решено создать в городе лечебные стационары для истощенных людей: городской, районные и при промышленных предприятиях. Ослабевшие люди направлялись в эти учреждения на 8–10 дней, получали медицинскую помощь и трехразовое питание. Всего за период зимы и весны 1942 г. в городе работало 109 таких стационаров. В них поправили свое здоровье 63 740 ленинградцев, главным образом рабочие фабрик и заводов [7, с. 108].

Огромную помощь семьям военнослужащих, всем ленинградцам в это тяжелое блокадное время оказали активисты домохозяйств.

Они вместе с управдомами проводили работу по установке кипятильников, утеплению комнат, оборудовали красные уголки, организовывали комнаты для тяжелобольных. Всего в домохозяйствах города в этот период было открыто 470 красных уголков и 132 обогревательных пункта [3, с. 115].

Важную роль в оказании помощи населению осажденного города в борьбе с трудностями сыграли комсомольцы Ленинграда.

В феврале 1942 г. в Приморском РК ВЛКСМ появился первый комсомольско-бытовой отряд. Его организаторами были М. Прохорова, П. Догадаева, Н. Овсянникова. В состав отряда вошли 80 девушек-работниц [9, с. 448].

Горком ВЛКСМ поддержал эту инициативу и обязал все райкомы комсомола создать бытовые отряды. В них постоянно работало около 1000 чел. Кроме того, в каждом районе к работе отрядов привлекалось еще 500–700 чел. Они обходили квартиры, заготавливали и кололи дрова, растапливали «буржуйки», приносили воду с Невы, обедали из столовой, наводили порядок в квартирах. Ленгорсовет дал широкие полномочия комсомольским бытовым отрядам. Они имели право переселять жильцов в более благоустроенные квартиры, определять безнадзорных детей в детские дома, ходатайствовать об эвакуации. По их инициативе в городе были открыты специальные магазины, где отоваривались карточки для больных. В каждом районе были созданы комсомольские столовые, откуда доставлялась пища по карточкам [3, с. 118].

Без преувеличения можно сказать, что комсомольские бытовые отряды спасли жизнь тысячам ленинградцев.

В Ленинграде осенью и зимой 1941–1942 гг. начало быстро увеличиваться число детей, оставшихся без родителей. Многие из них были детьми военнослужащих действующей армии. 4 января 1942 г. в информационной сводке оргинструкторского отдела горкома ВКП(б) на имя Л.Л. Жданова отмечалось, что в городе увеличилось количество детей-сирот, органы народного образования и общественные организации не проявляют должной заботы о них, и они находятся в очень тяжелом положении [19. Оп. 2-в. Д. 5760. Л. 2].

С целью предупреждения безнадзорности и беспризорности детей были проведены следующие мероприятия. При исполкомах районных Советов были созданы комиссии по борьбе с детской беспризорностью. Была развернута сеть детских приемников НКВД. Жилищным органам были даны указания о немедленном оповещении райотделов народного образования о каждом случае беспризорности или безнадзорности. Была развернута сеть детских домов для детей школьного и дошкольного возраста. Подростков, оставшихся без родителей, в первую очередь принимали в ремесленные

училища и школы фабрично-заводского обучения. Образованная при исполкоме общегородская комиссия провела с участием комсомола, работников школ и других учреждений несколько сплошных проверок по домам для выявления беспризорных и безнадзорных детей [6, с. 344].

В декабре 1941 г. исполком Ленгорсовета принял решение о расширении контингента в детдомах и открытии двух новых детских домов; в январе были открыты 23 новых детских дома. А всего за пять месяцев 1942 г. в Ленинграде было вновь открыто 85 детских домов, приютивших 30 тыс. детей [3, с. 118]. Уже к 10 марта 1942 г. в городе было 98 детских домов. С помощью общественных и хозяйственных организаций они были обеспечены необходимым инвентарем и посудой. Дети принимались в детские дома круглосуточно. Через детприемники НКВД с момента их открытия (февраль 1942 г.) до конца 1942 г. прошло 26 250 детей; 38 080 детей, находящихся в детдомах в течение весны и лета 1942 г., были эвакуированы из Ленинграда. Борьба с беспризорностью шла также по линии попечительства и опеки. С 1 января 1942 по 1 января 1943 г. подопечным детям за счет местного бюджета были выданы пособия на обувь и одежду в сумме 405 тыс. руб. [6, с. 344–345]. К 1 января 1943 г. под опекой и попечительством состояло 3086 детей.

Важное значение в деле оказания помощи ленинградцам, в том числе и семьям военнослужащих, имело совместное решение бюро горкома ВКП(б) и Ленгорисполкома от 21 апреля 1942 г. об организации столовых лечебного (повышенного) питания. Они просуществовали до конца июля 1942 г. Со дня организации этих столовых по 1 июля 1942 г. через них прошло 234,4 тыс. ленинградцев, находящихся в состоянии истощения. Они сыграли большую роль в восстановлении сил и здоровья трудящихся [19. Оп. 2-в. Д. 5788. Л. 34, 35].

В конце июля было принято решение закрыть лечебные столовые как выполнившие свою роль. Одновременно было решено расширить сеть рационных столовых с трехразовым питанием и в каждом районе Ленинграда открыть диетические столовые для желудочнобольных [19. Оп. 2-в. Д. 5788. Л. 37].

Новый этап в работе по оказанию помощи семьям военнослужащих начался в связи с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». В этом документе подчеркивалось, что «...повседневная забота об удовлетворении материально-бытовых нужд семей военнослужащих имеет огромное военно-политическое

значение и является половиной всей нашей заботы о Красной Армии» [4, с. 368].

Это постановление Политбюро ЦК ВКП(б) было обсуждено на заседаниях бюро областного и городского комитетов ВКП(б) и в первичных партийных организациях [20. Оп. 12. Д. 111. Л. 34]. При райисполкомах были созданы отделы гособеспечения и бытового обустройства семей военнослужащих. С помощью активистов Красного Креста и Осовиахима был проведен персональный учет семей воинов. В итоге обследования на учет было взято 115 тыс. семей военнослужащих [20. Оп. 12. Д. 111. Л. 34]. Членам общества Красного Креста было вменено в обязанность в течение января 1943 г. совместно с горздравотделом выявить все семьи военнослужащих, нуждающиеся в помощи [20. Оп. 12. Д. 123. Л. 11]. В результате проведенной работы десяткам тысяч семей военнослужащих была оказана самая разнообразная помощь.

В дальнейшем советские и партийные органы города и области держали работу по оказанию помощи семьям военнослужащих под постоянным контролем.

Так, 3 июля 1943 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) был обсужден вопрос о состоянии этой работы в Капшинском и Любытинском районах. В постановлении был отмечен ряд недостатков, выявлены факты бездушного отношения к семьям военнослужащих, плохой организации помощи детям фронтовиков. Обком потребовал решительного улучшения работы отделов по гособеспечению семей военнослужащих и поручил Капшинскому РК ВКП(б) разобраться факты бездушного отношения к семье фронтовика Николаева со стороны управляющего райпромкомбинатом Шлейфера для привлечения его к судебной ответственности [19. Оп. 2. Ч. Ш. Д. 5226. Л. 2].

30 октября 1943 г. исполком Ленинградского облсовета и бюро обкома партии приняли совместное постановление о проведении с 1 ноября по 1 декабря месячника помощи семьям фронтовиков [19. Оп. 2. Ч. Ш. Д. 5259. Л. 8].

Забота о семьях военнослужащих, меры по оказанию им разносторонней помощи в суровых условиях блокадного города способствовали повышению их социальной защищенности и являлись мощным фактором укрепления морального духа воинов, защищавших Ленинград.

Об этом свидетельствуют многочисленные письма защитников города. Например, капитан Санталов писал в детский дом, где находился его сын: «Я спокоен за своего Борю, так как сам убедился, что моему мальчику живется хорошо и о нем заботятся, как о родном. Буду еще крепче бить лютого врага, чтобы ускорить час победы, час возвращения наших детей в свои семьи» [11]. Краснофлотец

Степанов в письме в Приморский РК ВКП(б) писал: «Благодарю за заботу о матери. Ваша забота меня как коммуниста еще больше обязывает по разгрому врага» [20. Оп. 12. Д. 120. Л. 17]. Красноармеец Шубович 2 февраля 1943 г. писал с фронта в дом малюток: «Ваша забота о детях, отцы которых защищают от немецко-фашистских захватчиков независимость и свободу нашей великой Родины, воодушевляет нас в борьбе с заклятым врагом и вселяет в нас уверенность в окончательной победе нашего народа» [13, с. 221].

Одним из важных элементов социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны была забота об обеспечении связи воинов действующей армии со своими семьями, родными и близкими.

Для обслуживания фронтовиков была создана специальная служба, обеспечивающая фельдъегерско-почтовую связь. В войсках эти функции выполняла полевая почта [2, с. 526].

13 июля 1941 г. народный комиссар обороны издал приказ № 235 «О бесплатной пересылке посылок с личными вещами красноармейцев и младшего начсостава». В соответствии с этим приказом Нарком связи Союза ССР телеграфным распоряжением дал указание принимать бесплатно посылки от красноармейцев и младшего начсостава весом до 20 кг при условии отправки посылок организованным порядком через военкоматы и воинские части [16. Оп. 49531. Д. 1. Л. 303].

Постоянное внимание работе полевых почт уделял Военный совет Ленфронта. В конце октября – начале ноября 1941 г. политуправление фронта произвело проверку органов полевой почтовой связи и вскрыло крупные недостатки в работе полевых почтовых станций, баз и обменных пунктов. На момент проверки на полевых станциях и базах скопилось около 5 тыс. писем и 4 тыс. денежных переводов, не врученных адресатам. Большое количество писем не вручалось адресатам совсем. По результатам проверки командующий фронтом издал приказ № 00152 от 4 ноября 1941 г., в котором контроль за работой полевых почтовых станций и баз был возложен на начальников политорганов, комиссаров частей и соединений и намечен целый ряд конкретных мер по ее улучшению.

Этот вопрос находится под контролем партийных и советских органов города и области. Так, например, бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 3 мая 1942 г. приняло постановление «О неудовлетворительной работе районных контор связи Ленинградской области по доставке воинской и гражданской корреспонденции». В постановлении отмечалось, что корреспонденция доставляется с большим опозданием. Имеют место случаи недостачи денежных переводов и

посылок, разглашения дислокации воинских частей. Обком обязал начальника ЛОУС т. Цветкова немедленно навести порядок в райконторах и почтовых отделениях связи, обеспечить нормальную доставку корреспонденции [19. Оп. 2. Ч. III. Д. 5117. Л. 18].

В специфических условиях осажденного города для поддержания связей воинов с родными и близкими успешно использовалось радио. Этим целям служили радиопередачи: «Письма с фронта и на фронт», «Письма с флота и на флот», «Город – фронту». В них передавались письма родным и друзьям, полученные от красноармейцев и краснофлотцев, и ответы на них. За первые два месяца блокады по радио было передано 20 тыс. писем от защитников города своим родным и близким [21. Оп. 2. Д. 346. Л. 2].

Духовное здоровье воинов действующей армии зависело от умения организовать отдых, предоставить передышку от изнурительных условий войны на переднем крае, снять стрессовую нагрузку. На других фронтах это достигалось путем замены частей и соединений на переднем крае, выводом их во второй эшелон, в резерв. Там воины отдыхали. Происходило доукомплектование подразделений, организовывался культурный досуг личного состава. В блокированном городе таких возможностей не было. В продолжение всех 900 дней блокады Ленинград был городом-фронтом. Несмотря на эти экстремальные условия, Военные советы Ленфронта и КБФ, командиры, политорганы стремились использовать любые возможности для отдыха личного состава.

Рядовой состав, а также командиры младшего и среднего звена периодически отпускались в увольнение в город, чтобы повидаться с родными и близкими. Учитывая, что личный состав подразделений противовоздушной обороны постоянно находился в состоянии повышенной боевой готовности и не мог отлучаться со своих боевых постов, командование создало в каждой части дом отдыха для рядового и сержантского состава. Продолжительность пребывания в них составляла 3–5 дней. За этот срок отдыхающие приводили себя в порядок и со свежими силами возвращались в свои подразделения. Для офицеров был создан дом отдыха в пос. Ольгино. В нем офицеры отдыхали по две недели. Для летчиков-истребителей был создан дом отдыха в пос. Мельничный Ручей, а для авиационно-технического состава – в пос. Колтуши [8, с. 335].

14 августа 1942 г. Военный совет Ленфронта принял постановление «Об организации профилактического отдыха начальствующего и командно-политического состава частей и учреждений Ленфронта» [17. Оп. 27. Д. 20. Л. 81]. По этому постановлению начальствующий состав фронта получил возможность проводить профилактический отдых в эвакогоспиталях.

19 сентября 1942 г. Военный совет Ленфронта принял постановление «Об изменении норм довольствия начальствующего состава, отдыхающего в эвакуогоспиталях» [17. Оп. 27. Д. 20. Л. 95], в котором были предусмотрены меры по улучшению питания отдыхающих.

18 ноября 1942 г. заместителем НКО по тылу была подписана директива о создании домов отдыха в тылу действующей армии [15. Оп. 10253. Д. 9. Л. 10]. Они организовывались в дивизионном тылу на базе медсанбата на 50 коек для рядового и младшего начсостава, в бригадном тылу – на базе медсанроты на 25 коек. В армейском и фронтовом тылах дома отдыха создавались на базе полевого подвижного госпиталя на 200 коек для среднего и старшего начсостава. Были установлены следующие сроки отдыха: для рядового и младшего начсостава – 6 дней, для среднего и старшего – 8 дней. Питание осуществлялось четыре раза в день по норме 11 приказа НКО № 312.

Отдых предоставлялся личному составу, который непосредственно участвовал в боях не менее 10 месяцев, воинам, которые отличились в бою, в порядке поощрения, а также тем, кто нуждался в отдыхе в результате переутомления. Так, например, при фронтовом хирургическом ППГ 2230 был создан дом отдыха на 100 чел. С 7 января по 30 апреля 1943 г. в нем отдохнуло 1635 чел. [1. Оп. 71023. Д. 6. Л. 231–234].

ГКО, советское правительство, Военные советы Ленфронта и КБФ проявляли постоянную заботу о нуждах, запросах и быте воинов. По указанию ЦК ВКП(б) в конце 1942–начале 1943 г. была проведена проверка материально-бытового обслуживания войск в ряде фронтов и военных округов [12, с. 464]. Результаты проверки были обсуждены на заседании Совета военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении РККА 16 января 1943 г. [12, с. 465]. В решении Совета был отмечен ряд недостатков в материально-бытовом обеспечении войск. Подчеркивалось, что «от того, как накормлен боец, как он обут, как организован его отдых, в значительной мере зависит и политико-моральное состояние войск. Без партийной заботы о быте красноармейцев вся партийно-политическая работа становится недействительной, превращается в пустозвонство» [5].

В связи с этим решением в феврале 1943 г. было проведено совещание начальников политотделов тылов армий и тыловых частей Ленинградского фронта. На совещании были определены конкретные пути по устранению отмеченных недостатков. В частности, был усилен контроль за питанием, бытовым обслуживанием воинов. Приняты меры по улучшению обеспечения предметами солдатского

обихода. С целью создания условий для нормального отдыха утеплялись землянки, решались вопросы их освещения. В январе 1943 г. по указанию Военного совета фронта было проверено 198 частей на предмет обеспеченности личного состава теплым обмундированием [14. Оп. 1217. Д. 333. Л. 25].

Непосредственное участие в улучшении быта воинов принимали партийные и советские органы, трудящиеся Ленинграда. Рабочие города изготовляли различные предметы, необходимые фронтовикам. Ижорцы штамповали ложки, тарелки, делали печи, волокуши-лодочки для эвакуации раненых – всего 33 наименования различных предметов. Завод имени Егорова только в 1942 г. поставил тылу фронта 1500 кухонь. Предприятия легкой промышленности, поставляющие фурнитуру, в марте – декабре 1943 г. выпустили 216 894 пары погон, 41 610 петлиц, 5306 пар перчаток [10, с. 164].

Государственные и партийные органы, Военные советы Ленфронта и КБФ проявляли постоянную заботу о поддержании и укреплении духовных сил защитников города. На решение этой задачи были направлены такие меры социальной политики, как забота о социальной защищенности семей военнослужащих, организация отдыха личного состава. К этому делу были привлечены общественные организации города, творческие союзы. Все это обеспечило, несмотря на экстремальные условия города-фронта, высокий боевой настрой защитников города, их боевую стойкость, упорство в борьбе с врагом.

Список литературы

1. Архив Военно-медицинского музея (ВВМ). Ф. 2996.
2. Великая Отечественная война (1941–1945): энцикл. – М., 1985.
3. Дзенискевич А.Р. и др. Непокоренный Ленинград. – Л., 1985.
4. История Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1970. Кн. 1. Т. 5.
5. Красная звезда. – 1943. – 30 янв.
6. Ленинград в осаде. – СПб., 1995.
7. Манаков Н.А. В кольце блокады: хозяйство и быт осажденного Ленинграда. – Л., 1961.
8. На защите города Ленина: Краткий исторический очерк войск ПВО Ленинграда (1917–1945). – Л., 1966.
9. Оборона Ленинграда. 1941–1944 гг.: Воспоминания и дневники участников. – Л., 1968.
10. Посметьев А.Н. Организаторская и идейно-политическая деятельность партии в тыловых соединениях, частях и учреждениях Ленинградского фронта в период обороны Ленинграда (июня 1941 – январь 1944 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1980.
11. Северный рабочий. – 1943. – 18 июля.
12. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М., 1977.

13. Худякова Н.Д. Вся страна с Ленинградом. – Л., 1960.
14. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217.
15. ЦАМО РФ. Ф. 424.
16. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 21.
17. ЦВМА. Ф. 203.
18. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 7384.
19. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 24.
20. ЦГАИПД СПб. Ф. 25.
21. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 7278.

А. В. Спиридонов

Начало боевой деятельности легендарного партизанского отряда под командованием Косицина

Героические подвиги партизан, большая часть из которых погибли, рассматриваются в данной статье. Описывается патриотизм ленинградских студентов, которые сражались против врага за свободу своей Родины. Рассказывается о трудностях, с которыми пришлось столкнуться студентам-партизанам в подпольной войне на оккупированной территории Ленинградской области в начале Великой Отечественной войны.

The heroic deeds of partisan one third of which had lost their lives in this bloody war are described in this article «The beginning of the Great Patriotic war for Kosicyn's partisan detachment». It displays the patriotism of the Soviet people who stopped the advance of the Nazi German and together with Western allies preserved the freedom of their Motherland. This article gives numerous examples of the horrors of war and its countless victims. Thereby it's an attempt to persuade people that war is appalling in its absurdity and contrary to human nature.

Ключевые слова: партизаны, Ленинградская область, Великая Отечественная война, ужасы войны, нацистская Германия, оккупированная территория.

Key words: partisan detachments, Leningrad region, the Great Patriotic War, Motherland, the horrors of war, Nazi German, countless victims, the occupied territories.

О легендарном партизанском отряде Д.Ф. Косицина написано много восторженных статей и отзывов. Но в литературе нет упоминания о начале боевой деятельности этого партизанского отряда [1; 2; 4–6; 8; 9], о первых днях борьбы против оккупантов, о сложностях и проблемах, с которыми пришлось столкнуться партизанам-лесгафтовцам. Тем более это важно знать в связи с тем, что вместе с отрядом Косицина было сформировано 12 боевых партизанских отрядов из студентов ГОЛИФК. И из этих 12 отрядов только три оказались успешными [7. Д. 722, 746, 780, 783, 923, 924, 1093, 1219, 1237]. В чем же причины успеха студенческого партизанского отряда под командованием Д.Ф. Косицина? На этот вопрос можно ответить, рассмотрев подробнее первые дни и недели его боевой деятельности.

В соответствии с приказом № 005 [7. Д. 923. Л. 18] по Штабу Ленинградского военного округа от 29 июня 1941 г. группа № 5 1-го добровольческого отряда должна была действовать в районе де-

ревни Вошково. 29 июня группа Косицина с остальными группами 1-го добровольческого отряда направилась к Пскову.

Партизаны не тратили время впустую и начали свою боевую деятельность с первого дня. Уже к 1 июля отряд добрался до места назначения. И с этого момента началась боевая деятельность отряда. Направляясь к месту расположения на четырех автомобилях, проезжая через деревню Подложье, члены отряда узнали от местных крестьян о нахождении здесь немецких диверсантов. Машина диверсантов была обстреляна, двоим удалось скрыться, а одного немца удалось взять в плен. Захваченного в плен диверсанта сдали в районный отдел НКВД, где немецкий диверсант рассказал, что был направлен для определения наиболее удобного расположения для высадки вражеского десанта. Так с первого дня и началась боевая деятельность пятой группы 1-го добровольческого отряда под командованием Косицина.

На следующий день, 2 июля, отряд разместился в полутора километрах от деревни Вошково в большом лесу. Там была создана база. Косицин об этом писал в своем отчете следующее: «Устроившись, закопав основные боеприпасы и продукты, мы стали знакомиться с населением и через местные органы убедились, что две деревни Рык и Вошково неблагонадежны» [7. Д. 923. Л. 18]. Из первых действий партизанского отряда по созданию базы можно сделать вывод, что отряд действовал строго по инструкциям, которые, как выяснилось впоследствии, не всегда имели практическую пользу.

3 июля Косицин принял решение перебраться в деревню Вошково из леса. Это было сделано из-за того, что жители деревни прекрасно знали местонахождение базы Косицина.

8 июля был задержан шпион. Косицин приказал отвести этого диверсанта в ближайшую воинскую часть для дальнейшего выяснения личности. Но в ходе конвоирования произошла попытка побега немецкого шпиона. Так и не поняли, как этому диверсанту удалось подстрелить ведущего его бойца Голубева (не из отряда студентов-лесгафтовцев), возможно, кто-то помогал со стороны. Лешуков (член отряда) смог застрелить этого диверсанта из своего нагана, но выяснить его личность так и не смогли. Эта была вторая встреча с немецкими диверсантами.

Следует отметить, что по прибытии на место Косицин сумел наладить продуктивную работу с местным райкомом и отделом НКВД. Так, 8 июля прибыли две машины с оружием и боеприпасами. Но командир отряда был и разочарован. После знаменитой речи Сталина, где он призывал население вступать в партизаны и бороться с захватчиками из последних сил, Косицин ожидал, что в его отряде прибавится бойцов. Но, как отмечал сам командир 5-й груп-

пы: «к сожалению, из местного населения я никого не имел у себя в отряде» [7. Д. 923. Л. 19].

К 9 июля немецкие войска начали подходить к району расположения партизанской группы. В соответствии с приказом командования им было необходимо помочь в эвакуации населения и скота. Косицин, вспоминая об этом, писал: «после того, как было приказание отводить население и угнать скот, мы своим отрядом помогли, так как население не хотело уходить, а вообще же ушло на одни сутки» [7. Д. 923. Л. 19]. Сам отряд ушел с последними частями Красной Армии. Отошли в лес, забрав с собой все основное, что не было закопано. Таким образом, отряд находился в лесу до 14 июля, не предпринимая никаких серьезных действий.

Можно предположить, что эти пять дней члены отряда находились в растерянности в связи с немецким наступлением и не знали, как действовать. Но в действительности все это время отряд изучал немцев и обстановку. Так, база была перенесена (в связи с тем, что крестьяне знали местонахождение старой). На новую базу перетасили самое необходимое – патроны. Далее убедились, что немецкие части действуют преимущественно по дорогам, а на территорию леса не заходят. У Косицина с самого начала были подозрения в отношении местного населения деревень Вошково и Рыково, которые затем, к сожалению, подтвердились, в связи с чем 20 июля отряд в третий раз поменял базу, на этот раз уже успешно. Новая база находилась в районе деревни Переростень на шоссейной дороге, соединяющей Лужское шоссе и Порхов. В этом районе около озера Радиловское и была создана новая база. Несмотря на то, что отряд действовал далеко от базы, он всегда возвращался на нее в первый период своей боевой деятельности.

С 14 июля в районе Порхова немецкие части продвигались в сторону Лужского оборонительного рубежа. С 14 по 17 отряд наблюдал за переброской большого количества немецких войск (кавалерия, артиллерия в сопровождении с танками) в район деревень Радилово и Ситинка. Было принято решение не вступать в бой с превосходящими силами противника. Но 19 июля во время разведки в деревне Ситинка 5-я группа под командованием Косицина попала в перестрелку. Следует обратить внимание на действия отряда в данной ситуации: «Попав в большую перестрелку, нам пришлось закопать рацию, питание, а шифр радист уничтожил сам, ничего не сказав» [7. Д. 923. Л. 20]. Эта ситуация показывает насколько четко и слаженно действовал отряд с первых дней своей боевой деятельности. Через некоторое время отряду удалось вернуться, но поддерживать связь с командованием уже не смогли.

20 числа во время разведки был обстрелян штаб немецкого полка, расположившийся в деревне Ситинка. 22 июля лесгафтовцам удалось провести крупную боевую операцию, в ходе которой им удалось убить немецкого генерала.

Эта была первая боевая операция, которая планировалась заранее. Ночью отряд подготовил засаду на шоссе Псков-Порхов. 18 чел. расположились по двум сторонам дороги: основная масса с одной стороны, а на противоположной группа из 7 чел. Ожидали несколько машин, если проезжала одна, то не реагировали. Заранее было решено так: «если идет мотоцикл, стреляют два человека с противоположной стороны, а третье отделение должно было стрелять при появлении машины» [7. Д. 923. Л. 21]. Появился сначала мотоцикл, но он прошел на большой скорости целым. Затем показалась машина мышиного цвета, которая шла на медленной скорости. После того как в автомобиль бросили гранату, из него выбежал один человек и убежал в сторону леса. Затем партизаны бросили еще одну гранату, подождали пять минут. Члены отряда подошли к машине и обнаружили три тела, машина была очень сильно искорежена. После беглого осмотра удалось выяснить по форме одежды, что в машине был убит немецкий генерал-лейтенант. «У него была шапка большая, – отмечал в своем отчете Косицын, – парадная, как видно вызывался к параду; шапка с позолотой, свастикой, массивная, обыкновенно в таких не ходят» [7. Д. 923. Л. 20]. В результате операции отряд получил многочисленные трофеи: генеральскую шапку и френч, 2 винтовки, 2 планшета, еду, 2 пистолета, карты, письма, какие-то планы. Письма были переданы в ближайший штаб Красной армии. Генеральскую шинель отдали леснику из деревни Переростень.

Вслед за этой успешной боевой операцией последовали и другие.

Уже 24 июля в Малаховке-Алексеевке было сбито два мотоцикла [7. Д. 923. Л. 21]. Из-за того, что сзади шли танки, пришлось отойти без выяснения того факта, с кем была подбита машина.

25 июля в Малаховке-Алексеевке была сбита легковая машина и убито три немца [7. Д. 923. Л. 21]. 27–28 июля проведена разведка в районе Поддубья, где был обнаружен военный аэродром немецкой люфтваффе. Отряду не удалось установить точное количество немецких самолетов, но удивляет скорость, с которой немецкие войска обосновывались на Советской территории. Отряд предпринял попытку обстрелять охрану аэродрома, но там оказалось много солдат, поэтому пришлось отойти.

29 июля во время разведки был обнаружен немецкий склад с боеприпасами в лесу в стороне от Радилковского озера. Там было до 140 ящиков – около 6500 бронебойных и зенитных орудий [7. Д. 923.

Л. 22]. Было принято решение поджечь склад, так как там не было охраны. Вечером этого же дня небольшая группа была отправлена на выполнение данного задания, но его выполнить не удалось, так как члены группы были окружены немецкими велосипедистами. Последовало решение подготовиться к поджогу склада и совершить его 30 июля. Группа из пяти человек отвлекла на себя внимание большой группы немецких велосипедистов, в то время остальная часть отряда с заранее приготовленными горючими материалами и сучьями подожгли ящики с боеприпасами по команде отвлекающей группы. Это было сделано для того, чтобы отвести немцев от склада как можно дальше и дать время группе скрыться после поджога. Разрыв снарядов продолжался в течение полутора часа. Безусловно, такая операция не могла остаться немцами без внимания: в «ближайших деревнях по два дня делали (немцы) облавы, уясняли, кто поджег, искали красноармейцев, партизан» [1, с. 22].

С каждым днем войны боевой опыт партизанского отряда возрастал. Так, уже 4 августа был сделан первый завал на дороге в районе деревень Янково и Алексеевка. Другая группа совершила налет на автомобиль. Косицин решил действовать маленькими группами количеством 7–8 бойцов, считая, что действия такой боевой группы будут наиболее эффективны.

Отряд постоянно использовал различные методы борьбы с оккупантами. Уже 10 августа был совершен первый подрыв железнодорожного моста в направлении Псков-Луга на площадке Раздежа на реке Курее. Операцию по подрыву возглавлял Миков. От основной базы шли к этому месту около двух суток. Когда в первый раз подошли к мосту, то обнаружили там большое количество охранников. Но через некоторое время охрана ушла, и осталось всего девять немцев. Левченко и Бусарь днем пошли на разведку. Они обнаружили, что немцы занимаются кто чем хочет: «играют в карты, некоторые едят, другие расхаживают в трусиках» [1, с. 76]. Миков принял решение начать операцию рано утром. Когда подошли к мосту, оказалось, что немцев там нет. Тогда пять человек из отряда остались в засаде, а остальные во главе с Федоровым произвели закладку взрывчатки. В этот момент слышались голоса немцев. Группа Микова подожгла фитиль и отошли на триста метров. Затем слышался взрыв и стрельба. Через некоторое время Миков, Федоров, Левченко и Бусарь убедились, что подрыв был произведен успешно.

Через некоторое время отряду Косицина удалось выяснить, что в деревне Кузов расположились на ночлег восемь грузовых машин с немцами. Было принято решение утром подготовить засаду. На пути следования вражеской колонны были заминированы два моста.

Около обоих мостов сделали засаду, в которой участвовал весь отряд. В момент прохождения немецкой автоколонны был произведен подрыв большого моста, часть автомашин смогли проскочить, другая же вынуждена была остановиться. Немцы выбегали из машин и бежали врассыпную. Бойцы отряда стали забрасывать их гранатами. В ходе операции применялась и термитная жидкость, которая воспламенялась при попадании в противника и особенно в грузовики. Отряду удалось уничтожить все восемь грузовых машин. Точное количество убитых немцев удалось установить после их похорон на Никандровой пустыни. Крестьяне сообщили, что немцы похоронили до 40 немцев. Таким образом, боевая деятельность отряда с каждой последующей операцией становилось все более эффективной.

Следующие четыре дня после разгрома вражеской автоколонны отряд отдыхал и выяснял обстановку на оккупированной территории.

В первых числах сентября немцы приказали крестьянам ускорить своз ржи. Раньше был приказ сделать это к 20 сентября, а потом срок был перенесен на 10 сентября. Познакомившись с немецкими старостами, командиру отряда удалось узнать, в каком направлении будут везти зерно и сколько. Косицин советовал крестьянам посылать немцам не все зерно, чтобы часть утаивали. Сам же отряд готовился сорвать немецкую кампанию по заготовке и сбору зерна с оккупированных территорий. При подготовке к этому мероприятию попутно взрывали мосты не только на шоссейных дорогах, но и на проселочных, соединяющих шоссейные. Таким образом, при подготовке к срыву немецкой хлебозаготовительной кампании было подорвано 16 мостов из них: 4 железнодорожных, 12 маленьких [7. Д. 923. Л. 25]. Эта работа проводилась с 25 августа по 1 сентября.

По указанию штаба армии с 1 по 4 сентября производились завалы на дорогах. В свою очередь немцы приказывали местным крестьянам разбирать их. В связи с этим было принято решение: с 6 сентября делать на завалах следующую надпись: «Крестьяне, не разбирайте, минировано. Косицин» [7. Д. 923. Л. 29]. Это делалось специально, чтобы не подвергать крестьян опасности.

Этот факт показывает, насколько сильно отличалась боевая деятельность обычного солдата на поле боя, где главной задачей было уничтожение врага и продвижение вперед, в то время как для партизан главным было при проведении диверсионной и подпольной работы не навредить мирному населению, которые тоже оказались в сложной ситуации на оккупированной врагом территории. Минировали же эти завалы с помощью упрощенного взрывателя, чтобы можно было легко разминировать. Несмотря на то, что крестьян предупреждали об опасности, такими образом предупреждая

немцев, главную свою задачу отряд выполнял: не давал захватчикам чувствовать себя спокойно на временно оккупированной ими территории.

Еще один случай подчеркивает благородное отношение партизан-лесгафтовцев к местным жителям. К деревне Переростень, в которой находились лояльные партизанам крестьяне, подошел немецкий отряд численностью в 300 чел., направлявшийся к деревне Большак. Но дорога к деревне была предварительно завалена партизанами. Немцы разбудили в 6 утра всех жителей деревни и заставили разбирать завал, но завал был не заминирован, чтобы не подвергать лишней опасности крестьян. Таким образом, выполняя основную свою деятельность, студенты-партизаны старались подвергать как можно меньшей опасности крестьян оккупированных областей.

В ходе срыва хлебозаготовительных мероприятий врага партизанам удалось не допустить до ссыпного пункта около 47 подвод [7. Д. 923. Л. 28]. Попавшая к ним в руки рожь частью сжигалась, а частью просто высыпалась на землю.

Вместе с тем партизаны обратили внимание на то, что крестьяне многих деревень¹, несмотря на обращения членов отряда, сдавали рожь четко по плану. Очень показателен эпизод, описывающий этот период деятельности партизанской группы № 5. По направлению к деревне Малаховка двигалось 25–26 подвод с зерном. Они шли без охраны, но рассчитывали в деревне Малаховка встретиться с другими крестьянами, где был немецкий конвой. На пути следования этих телег партизаны устроили засаду и заставили крестьян ссыпать все зерно, после чего оно было сожжено. На первый взгляд, эти действия партизан могут показаться кощунственными – уничтожать зерно крестьян, когда они могли бы его сами тяжелой зимой 41/42 года использовать. Но как раз крестьянам это зерно все рано не попало бы в руки, а было бы использовано немецкой армией, а значит, партизаны, уничтожая зерно, усложняли ситуацию армии захватчиков.

24 сентября командованием полка было принято решение о выходе в советский тыл. 28 октября отряд прибыл в Новую Ладугу для переправы в Ленинград. Так закончился боевой поход 5-й группы первого добровольческого партизанского отряда под командованием Косицина.

В ходе боевой деятельности отряд Косицина потерял четыре студента. Двое погибли: Николай Атапович Голубев и Георгий Ми-

¹ Деревни Заходы, Литогло, Березняк и Малаховка.

хайлович Зотов [7. Д. 923. Л. 51]. Двое – Евгений Владимирович Кобус и Генрих Генрихович Кооп – пропали без вести [7. Д. 923. Л. 51].

Таким образом, анализируя результаты первого опыта боевой деятельности студенческого партизанского отряда под руководством Д.Ф. Косицина, можно сделать следующие выводы. Во-первых, все бойцы отряда действовали слаженно, подчинялись беспрекословно приказам своего командира, безусловно, пользуясь авторитетом. Во-вторых, сам командир Д.Ф. Косицин, не имея специального военного образования, сумел действовать достаточно грамотно в сложной боевой обстановке и не раз проявлял инициативу и смекалку там, где не каждый кадровый военный мог бы это сделать. В-третьих, ни командир, ни бойцы отряда ни в одной критической ситуации не потеряли самообладания и сохраняли боевой настрой, который и помог пройти первое испытание с таким невероятным успехом. Свидетельством этому может служить стремление других отрядов лесгафтовцев присоединиться к отряду Косицина. В-четвертых, следует отметить невероятное везение отряда, которым они пользовались, например убийство немецкого генерала в первые дни боевой деятельности. В-пятых, это бережное отношение Косицина к жизням каждого бойца, стремление не рисковать понапрасну, там, где было безусловное превосходство сил противника, Косицин не вступал в бой, а старался обойти, отлично понимая исход сражения.

Полагаем, именно эти причины и стали главной основой эффективности боевой деятельности легендарного отряда Дмитрия Федоровича Косицина.

Список литературы

1. Егупов Л.Ф. За всех или за себя? Быль о 1-м Добровольческом партизанском отряде ленинградских спортсменов-лесгафтовцев. – СПб., 1995.
2. Карицкий К.Д. Ленинградские партизаны. – Л., 1962.
3. Лесгафтовец. Орган партбюро и дирекции Государственного ордена Ленина института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.
4. Не сломленные бурей: Партизаны и бойцы незримого фронта в битве за Ленинград / сост. Н. Масолов. – М., 1975.
5. Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. – Л., 1973.
6. Самухин В.П. Волховские партизаны. Рассказ о борьбе ленинградских партизан в полосе Волховского фронта. – Л., 1969.
7. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб.). Ф. № 0-116 – Ленингр. штаб партиз. движ. (Л.Ш. П. Д.). Оп. 1.
8. Шевердалкин П.Р. Героическая борьба Ленинградских партизан. – Л., 1959.
9. Шевердалкин П.Р. Ленинградские партизаны. – Л., 1947.

И. И. Хеорхе

Влияние межличностных контактов моряков-североморцев с гражданским населением на моральный дух военнослужащих

В статье рассматривается влияние межличностных контактов моряков-североморцев с гражданским населением на моральный дух военнослужащих в ходе Великой Отечественной войны. В статье характеризуются различные группы гражданского населения, вступающие во взаимодействие с личным составом Северного флота, а также то воздействие, которое данные контакты оказывают на морально-психологическое состояние военных моряков.

The impact of navy's interpersonal contact with the civilians on the morale of troops during the Great Patriotic War is considered in the article. The different groups of civilians who come into contact with the staff of the Northern Fleet, as well as the impact that these contacts have on the morale of the navy is characterized in the article.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северный флот, межличностные контакты, моральный дух, личный состав, гражданское население.

Key words: The Great Patriotic War, Northern navy, moral spirit, staff, interpersonal contacts, civilians.

Основным фактором обеспечения высокого морального духа советских моряков на Северном флоте была систематическая воспитательная работа, осуществляемая на протяжении всей Великой Отечественной войны политработниками, а также партийным и комсомольским активом. Однако помимо воспитательной работы существовало значительное количество факторов, сказывавшихся тем или иным образом на боевом духе североморцев. К ним можно отнести: межличностные отношения сослуживцев, авторитет командира подводной лодки (ПЛ) и офицерского (командирского), старшинского состава, сообщения об успехах или неудачах РККА и РККФ на различных участках фронта, а также систематические контакты личного состава с гражданским населением, включающие непосредственные контакты, а также опосредованные, осуществляемые при помощи полевой почты.

Безусловно, именно воспитательная работа играла определяющую роль в формировании высокого уровня морально-психологического состояния краснофлотцев и командиров. Однако существенный интерес представляют и другие факторы, имеющие

объективный характер и воздействующие иногда на личный состав намного сильнее, чем воспитательные мероприятия. Каждый из вышеперечисленных факторов требует тщательного изучения. Цель данной статьи – раскрыть роль непосредственных контактов гражданского населения с военными СФ в ходе Великой Отечественной войны.

В период Великой Отечественной войны огромные массы советских граждан, прежде всего мужчин, были вынуждены покинуть родной дом, отказаться от привычного образа жизни и с оружием в руках защищать Родину от врага. На протяжении всей войны они находились, по преимуществу, обособленно от своих родных и близких, от гражданского населения в целом. При этом советское командование понимало всю важность наличия сообщения между моряками-североморцами и гражданским населением для поддержания боеспособности и необходимого уровня морального духа у краснофлотцев и обеспечивало необходимые каналы коммуникации между ними. Из них уместно выделить два основных: личная и открытая переписка и непосредственные межличностные контакты.

Наиболее массовым из них как для РККФ, так и для РККА была военно-полевая переписка. Всего за период Великой Отечественной войны главный военно-почтовый сортировочный пункт переправил 843 млн писем, 3 млн посылок, 2,8 млрд листовок, плакатов, брошюр и книг, 753 млн экземпляров газет и журналов [1, с. 522]. Однако не менее важными, хоть и более эпизодическими и нерегулярными были непосредственные контакты краснофлотцев с гражданскими.

Всю совокупность контактов военных моряков с гражданским населением можно разделить на три основных группы: во-первых, непосредственные контакты краснофлотцев с гражданским населением в период отпуска, отдыха или увольнения, во-вторых, отношения, складывающиеся с вольнонаемным составом при нахождении на береговой базе, в-третьих, контакты с артистами и музыкантами концертных агитбригад из числа гражданского состава, регулярно посещающих североморцев в частях и соединениях. Представляется целесообразным рассмотреть каждую из выделенных групп непосредственных контактов в контексте их воздействия на морально-психологическое состояние личного состава Северного флота.

Наиболее существенное влияние на морально-психологическое состояние краснофлотцев оказывали контакты с гражданским населением, прежде всего с родными и близкими, осуществляемые в период их пребывания в отпуске. При этом необходимо понимать, что данные контакты, безусловно, оказывали наибольшее влияние на тех военнослужащих, которые собственно и находились в отпуске, однако по прибытию на флот они становились своего рода про-

водниками тех настроений, которые коренились среди гражданского населения, они передавали сослуживцам часть своего эмоционального настроения, те чувства, которые они испытывали, встречаясь в тылу с гражданским населением: своими женами, детьми, сестрами, братьями, родителями, односельчанами и т. д.

Попадая после прохождения отпуска обратно в краснофлотскую среду, моряки на продолжительное время становились объектами пристального внимания сослуживцев, которые детально расспрашивали их о проведенном времени. Данный факт, без сомнения, осознавался политическими органами, одной из функций которых был контроль над настроением личного состава, его морально-психологическим состоянием. Именно поэтому их задачей было следить за воздействием рассказов сослуживцев, побывавших в отпусках, на умонастроение остальных краснофлотцев. Важно понимать, что отпуска на северном флоте приобрели относительно массовый характер только после освобождения РККА центральных и западных районов СССР от немецко-фашистских оккупантов. Как следствие по приезду домой военнослужащие сталкивались далеко не с идеалистической картиной мирной жизни: многие потеряли родственников, близких и друзей за период оккупации, кто-то лишился собственного дома, уничтоженного немцами, и т. д.

Командир подводной лодки «С-56» Г.И. Щедрин приводит в своих воспоминаниях впечатления от проведенного отпуска: «...ехал домой через Москву, Сталинград, Ставрополь, Ростов. Насмотрелся на разрушенные города, сожженные села. Свой родной город едва узнал: много упало на него фашистских бомб... Вернувшись из отпусков матросы много рассказывают о таких же разрушениях в прифронтовых и побывавших под пятой оккупантов городах и селах...» [7, с. 130]. Все эти факты, как правило, укрепляли чувство ненависти к врагу.

Приведем несколько рассказов краснофлотцев, побывавших дома, на ранее оккупированной территории. Так, старшина 2-й статьи Гутаров вернулся в сентябре 1944 г. из отпуска, который провел в родном городе, после чего делился с сослуживцами впечатлениями: «Я вернулся из города Макеевка, <...> невозможно найти слов, чтобы описать тот ужас, который пережил тот город. Вот передо мною Макеевка. Поезд останавливается как раз около металлургического завода. Завода, по существу, нет. Есть только корпуса его цехов с зияющими провалами вместо окон, через которые видны сломанные станки, повисшие трансмиссии. С первых дней прихода немцев в Макеевку сестра моя ушла из дома и в течение долгого времени скрывалась от рыскавших по домам гестаповцев. Они искали партийных работников. <...> Когда части Красной Армии во-

рвались в город, Таисия была обнаружена в одном из застенков гестапо умирающей...» [б. Д. 67. Л. 139 об. – 140]. Как видно из первой части рассказа, старшину дома ждало личное горе и вид разрушенного немцами родного города. Тем не менее у североморца, который уже не первый год с честью сражался с противником, не опустились руки, в его рассказе нет даже тени намека на депрессивное состояние, он продолжает: «Сейчас моя Макеевка опять зажила счастливой жизнью. Пущена первая линия трамвая, заработало около 50 шахт. Работают кино, театры. Уезжая к себе на флот, я обещал матери, брату беспощадно мстить за горе, которое причинили им немецко-фашистские бандиты» [б. Д. 67. Л. 140]. В данном конкретном случае горе и трудности, встреченные старшиной в родном доме, не сломили, не подорвали его моральный дух, а наоборот, укрепили в нем желание отомстить, разбить врага. Безусловно, по приезду к себе в часть его настрой будет передаваться сослуживцам, тем самым укрепляя их моральный дух.

Схожие настроения прослеживаются в рассказе старшего краснофлотца Оченаш, побывавшего в отпуске на Полтавщине. О своих впечатлениях он подробно рассказал сослуживцам: «...город не узнать, он весь сожжен, разрушен. Село Великие Крынки, где я родился, от него ничего не осталось. Я ходил по улицам и насчитал всего 22 дома, а было их около двух тысяч. <...> Из 18 тысяч жителей осталось 2–3 не больше, остальные замучены или угнаны на каторгу. Я потерял сестру и двух маленьких племянников. <...> Земляки, прощаясь со мною, просили ещё больше мстить за их горе, и я поклялся этот наказ земляков выполнить» [б. Д. 67. Л. 140]. Как и у предыдущего рассказа, прослеживается его ярко выраженное, мобилизационное воздействие на остальных краснофлотцев. Описание увиденных ужасов завершается клятвой мстить за родных и близких.

Огромный мотивационный потенциал, содержащийся в подобных рассказах и впечатлениях краснофлотцев и командиров, побывавших дома, на освобожденной от немцев территории, был достаточно оперативно оценен командованием РКВМФ. За 1944 год наблюдается существенный рост упоминаний в отчетах Политотделов (ПО) значимости использования в агитационно-пропагандистской работе рассказов личного состава, побывавшего в отпуске на ранее оккупированной территории. Так, в политдонесении начальника ПО КБПЛ от 13 сентября 1944 г. указывается, что регулярно стали практиковаться беседы с личным составом старшин, краснофлотцев и офицеров, возвратившихся с отпусков из бывших оккупированных областей, где они сами видели разрушения, нанесенные немцами их родным городам и селам, а о зверст-

вах им рассказали родные и близкие. В докладе отмечается, что умелое использование выступлений военнослужащих-очевидцев дает большие результаты в воспитании ненависти к немецко-фашистским захватчикам и их сообщникам [6. Д. 67. Л. 142 об. – 143].

С другой стороны, не все краснофлотцы одинаково стойко реагировали на горе и разруху, встреченную дома. Краснофлотцы, обладающие более слабым морально-психологическим потенциалом, могли впасть в состояние фрустрации, разочарования. Так, старшина группы электриков подводной лодки «М-171» мичман Мартынов, несмотря на то, что являлся коммунистом и был награжден тремя боевыми орденами, после посещения родного города Херсона в ноябре 1944 г. стал, по наблюдению сослуживцев, замкнут, сильно переживал увиденное. А во время политзанятий по теме «Героический труд советских женщин» высказался следующим образом: «Знаю, как помогают этим женщинам и их детям, они ходят голые и босые» [6. Д. 67. Л. 221]. В данном случае необходимо понимать, что высказывание было сделано мичманом не с целью дискредитации советской власти, а скорее на фоне переживания личного горя. В подобных случаях политработники, прежде чем делать скоропостижные выводы, проводили обстоятельные беседы с военнослужащими, пытаясь выявить мотивы их девиантного поведения. Причина вышеописанного случая, по признанию мичмана, крылась в том, что его родные находились в бедственном положении, а у его младшего брата не было даже вещей, чтобы одеться.

Другой источник отрицательных настроений, возникающих среди личного состава, крылся, наоборот, не в негативных впечатлениях, полученных от проведенного дома отпуска, а от невозможности его добиться. После освобождения советских территорий от немцев многие краснофлотцы, старшины и офицеры стали получать письма от родных из освобожденных районов, в которых они просили прибыть домой и помочь устроиться, восстановить хозяйство и т. д. Получив письма такого содержания, моряки подавали рапорта с просьбой предоставить краткосрочный отпуск, а так как всех желающих командование отпустить сразу не могла, то создавались условия, негативно влияющие на моральный потенциал некоторой части личного состава. Так, например, в политдонесении начальника ПО КОУБПЛ от 1 октября 1944 г. приводится следующий случай: главный старшина ПЛ «С-15» Клыков после того как его рапорт о предоставлении отпуска не был удовлетворен, заявил во всеуслышание: «Если меня не пустят в отпуск, то не буду работать, уйду. Пусть лучше судят и отправляют на Рыбачий» (На о. Рыбачий находилась штрафная часть – (И.Х.)) [6. Д. 67. Л. 152 об.]. В данном слу-

чае, как и во многих подобных ему, причиной столь опрометчивых высказываний выступало искреннее желание краснофлотцев помочь своим близким, от которых они получали вести впервые за многие месяцы войны. Вряд ли можно предполагать, что мотивами их нежелания полноценно продолжать службу был личный эгоизм или отсутствие чувства долга и преданности Родине. В подобных случаях главная задача политработников заключалась в регулярной индивидуальной разъяснительной работе с личным составом, вызывающим подобные настроения. Как правило, достаточно было простого убеждения, чтобы краснофлотцы справлялись со своим тяжелым морально-психологическим состоянием и продолжали исправно служить.

Однако самым опасным и нежелательным последствием поездок североморцев в отпуск на ранее оккупированные территории являлось негативное влияние, оказываемое на них далеко не разрухой или смертью родных и близких. Как известно, некоторые советские граждане могли по ряду причин относиться лояльно к немцам, более того, сотрудничать с оккупационными властями. Именно они могли стать проводниками профашистских взглядов среди личного состава, ослабить их чувства ненависти к врагу, уменьшить моральный потенциал советских военных моряков. Сложившуюся ситуацию прекрасно осознавало политическое руководство флота. Именно по этой причине 16 июня 1944 г. была выпущена специальная директива ГПУ РКВМФ № 30сс «О работе по воспитанию ненависти к немецко-фашистским захватчикам», в которой, в частности, указывалось, что отдельные краснофлотцы и офицеры в разговорах с сослуживцами пытались восхвалять порядки, бывшие при немцах в ранее оккупированных ими районах, и выражали недоверие к сообщениям советской печати о зверствах немцев над советскими гражданами. В директиве подчеркивалось, что подобного рода отрицательные настроения заносятся на корабли и в части ВМФ отдельными краснофлотцами и офицерами, проводившими отпуск в ранее оккупированных территориях, а также получающих оттуда письма. Это касалось, в первую очередь, тех военнослужащих, родственники которых активно помогали немцам на оккупированной территории [5. Д. 337. Л. 219–220].

Таким образом, создавались прецеденты, когда межличностные контакты военных моряков с гражданским населением могли нанести серьезный вред моральному потенциалу североморцев. Данные слухи могли получить распространение в краснофлотской среде и таким образом оказать подрывающее воздействие на моральный потенциал не одного конкретного военнослужащего, а всего коллектива, особенно если краснофлотец, являющийся проводником по-

добных настроений, обладал авторитетом среди личного состава. Ярким примером таких высказываний служит разговор, состоявшийся между краснофлотцем Осиновским и его сослуживцами, в ходе которого он заявил: «Немецкий офицер три дня жил на квартире у сестры моей жены, перед уходом поблагодарил и, даже, деньги заплатил. Немцы убивают только активистов – коммунистов и комсомольцев» [6. Д. 38. Л. 88].

Безусловно, само по себе высказывание ничего преступного в себе не несло, однако, во-первых, оно ставило под сомнение повседневную агитационную работу командования, регулярно разоблачающую зверства фашистов на оккупированной территории, во-вторых, настраивало на лояльный лад по отношению к немцам, что было недопустимо в период войны. В подобных случаях политработники не просто проводили разъяснительные беседы, но ещё долгое время вели негласное наблюдение за возможным источником подрывных настроений среди личного состава. В отдельных случаях, когда имелись явные свидетельства антисоветской деятельности, привлекались органы «Смерш» или сотрудники особых отделов. Исходя из участившихся случаев, подобных вышеописанному, ГПУ РКВМФ в директиве № 30сс четко указывало, что политработники кораблей и частей обязательно должны беседовать с военнослужащими, убывающими в отпуск и возвращающимися из него, при этом обращая особое внимание на военнослужащих, прибывающих после отпуска из районов, ранее оккупированных немцами, с целью предупреждения отрицательных настроений. Кроме того, в директиве подчеркивалось, что начальники политуправлений флотов и политотделов флотилий должны держать тесную связь с органами «Смерш», заслушивать их информацию об отдельных антисоветских и нездоровых мнениях и настроениях, заносимых в среду личного состава, и в случае необходимости немедленно реагировать на них через систему политической, агитационно-пропагандистской работы [5. Д. 337. Л. 221–224].

Таким образом, межличностные контакты, осуществляемые между военнослужащими Северного флота и гражданским населением в период отпуска, имели ряд важнейших последствий, влиявших на морально-психологический потенциал североморцев. Во-первых, это, безусловно, позитивное воздействие – радость от хоть и кратковременной, но встречи с родными и близкими, возможность оказать им какую-либо помощь, особенно если речь шла о контактах с семьями, ранее находившимися в зоне оккупации. С другой стороны, к радости часто добавлялась горечь от утрат, смерти родственников, потери дома, разрушения хозяйства, однако для основной массы краснофлотцев это было хоть и жесткой, но мотивацией к ук-

реплению непоколебимой ненависти к врагу и стремлению довести войну до победного конца. Тем не менее для части краснофлотцев вышеуказанные негативные факторы становились скорее причиной депрессии, они не укрепляли их моральный дух, а наоборот, подавляли, вводили в состояние фрустрации. В данных случаях очень много зависело от политических работников и офицеров, в обязанности которых входила забота о морально-психологическом состоянии военнослужащих. Регулярные личные беседы помогали морякам справиться с личным горем и продолжать самоотверженно служить Родине. Третьим, наиболее негативным, последствием было распространение в краснофлотской среде настроений, лояльных по отношению к немцам, а иногда и откровенно профашистских взглядов, что подрывало моральный и боевой дух военнослужащих. Их проводниками был личный состав, непосредственно контактировавший с лицами из рядов гражданского населения, сотрудничавших с оккупантами либо относившихся к ним положительно. В данных случаях задачей политработников, а в отдельных ситуациях и сотрудников «Смерш» или Особого отдела, было жесткое пресечение данных явлений, постоянный контроль над тем, чтобы подобные мысли и умонастроения не распространялись среди личного состава.

Помимо контактов с гражданским населением, осуществляемых в период отпусков, военнослужащие регулярно взаимодействовали с вольнонаемным составом, занимавшимся всевозможной вспомогательной работой в частях и соединениях СФ. В первую очередь, к их числу относились вольнонаемные девушки и женщины, как правило, из числа местных жителей. Так, командир БПЛ СФ И.А. Колышкин в своих воспоминаниях писал: «...были у нас на бригаде и женщины гражданские, работавшие по вольному найму на "вспомогательных участках" – в различных мастерских, официантками в столовой. <...> Женщины трудились не за страх, а за совесть, для дела всегда готовы были пожертвовать отдыхом в любой час дня и ночи» [2; с. 318]. Безусловно, их труд, да и само присутствие в краснофлотском, традиционно мужском коллективе, имело ряд важнейших последствий. Во-первых, благодаря их наличию, больше краснофлотцев можно было выделять на непосредственное ведение боевых действий, например в отряды морской пехоты. Кроме того, нельзя снимать со счета и моральный выигрыш – то облагораживающее влияние, которое оказывали девушки и женщины на личный состав. Отсюда и высокая оценка их деятельности, которую дает И.А. Колышкин.

Помимо работы в столовой и мастерских, весьма существенное количество вольнонаемных работников было задействовано в биб-

лиотечном обслуживании личного состава. Так, на конец 1942 г. в частях ВВС Северного флота насчитывалось шесть библиотек, в двух из которых работали вольнонаёмные работницы [5. Д. 627. Л. 20–22].

Именно вольнонаемные работники очень часто заслуживали особого внимания в докладах политработников, их ставили в пример краснофлотцам. Например, в политдонесении начальника Политуправления СФ от 15 декабря 1942 г. в качестве наиболее образцовой и соответствующей требованиям отмечается работа библиотекаря 31-й авиабазы вольнонаемной Страздас. При этом всего на тот момент на СФ насчитывалось 51 библиотека. В политдонесении отмечалось: «...библиотека обслуживает летчиков 78 полка. Каждая эскадрилья имеет свой определенный день обмена книг, когда т. Страздас приходит с книгами в ленинскую комнату, и летчики имеют возможность получить новинку, заранее заказать необходимую литературу, посмотреть рекомендательный список. Несмотря на небольшой книжный фонд, т. Страздас добилась, что в полку нет человека, не пользующегося библиотекой» [5. Д. 627. Л. 50–51].

Конечно, отношения между моряками-североморцами и вольнонаемными девушками не всегда ограничивались контактами по долгу службы. Даже в суровых условиях войны находилось место и для любви, ревности, а порою и для весьма курьезных происшествий. Так, краснофлотец П.А. Петрухин с эскадренного миноносца «Гремящий» в своих воспоминаниях приводит следующий забавный случай. На эсминце служил комендор четвертого орудия Павел Морозов, который влюбился в буфетчицу с танкера «Желябов» и при каждом удобном случае оказывал ей весьма настойчивые знаки внимания, чем весьма раздражал девушку. В итоге она решила проучить назойливого ухажера, пригласила его к себе в каюту, когда танкер заправлял эсминец и внезапно заперла его там, сказав, что скоро подойдет. Когда дверь в каюту открылась, матрос понял, что ему грозят серьезные проблемы – танкер закончил обсуживать «Гремящий» и ушел на рейд. Настойчивый интерес к буфетчице стоил краснофлотцу пяти нарядов вне очереди и славы неудачливого ловеласа [4, с. 131–132]. Безусловно данный случай оставил определенный след в душе молодого краснофлотца, однако вряд ли матрос долго переживал, да и наказание было довольно щадящим. Что касается личного состава, то данное происшествие стало источником многочисленных шуток и анекдотов, ещё долго веселивших моряков.

Таким образом, гражданское население присутствовало, хоть и в небольшом количестве, в среде военнослужащих Северного флота, регулярно контактируя с ними. Оно, как правило, было представлено вольнонаемными работниками, по преимуществу женщинами и девушками, занятыми на различных вспомогательных должностях: официантки, работники мастерских, почтальоны, библиотекари и т. д. Выполняя свои повседневные обязанности, они не забывали участвовать и в общественной жизни Северного флота: выступали по радио, участвовали в художественной самодеятельности. Именно вольнонаемный состав Северного флота позволял восполнить дефицит краснофлотцев, заменить их на второстепенных, но необходимых должностях и высвободить их для участия в боевых действиях.

К третьей группе взаимодействий военнослужащих СФ и гражданского населения относятся контакты с приезжими артистами и музыкантами, входившими в состав агитационных концертных бригад либо работавших самостоятельно продолжительное время на Севере, а также с корреспондентами различных периодических изданий, ведущих репортажи о боевых действиях РККФ. Необходимо отметить, что состав агитбригад на СФ был представлен не только гражданским населением. Очень часто по инициативе политотделов они формировались из числа местной художественной самодеятельности, кроме того существовали агитбригады и творческие коллективы, работавшие при ДВМФ СФ, обслуживавшие на регулярной основе весь Северный флот. После выхода в сентябре 1942 г. директивы Политического управления РКВМФ № 37 [5. Д. 131. Л. 276–279] данный процесс приобрел ещё более массовый и организованный характер. Однако особый интерес для военнослужащих всегда представляли приезжие гражданские артисты, входившие в состав агитбригад, формировавшиеся на основе коллективов филармоний, трупп различных театров и т. д. Свою роль, в первую очередь, играл и высокий профессионализм артистов и музыкантов, кроме того, военнослужащим было всегда интересно встретиться и пообщаться в неформальной обстановке с гражданскими, узнать из первых уст вести из тыла и т. д.

Командир бригады подводных лодок СФ И.А. Колышкин в своих воспоминаниях уделяет особое место именно людям, сражавшимся с фашистами словом: «Нельзя не сказать о том большом вкладе, который внесли в нашу общую победу над врагом люди искусства, вооружавшие нас острым и действенным идейным оружием... Их произведения помогали нам воевать, согревали нас в трудную минуту душевным теплом, звали на отличное выполнение воинского долга...» [2, с. 318].

За годы Великой Отечественной войны на Северном флоте в разное время работали писатели Юрий Герман, Николай Панов, Александр Зонин, Владимир Рудный, Макс Зингер, Борис Яглинг, Евгений Петров, Вениамин Каверин, Владимир Ставский, Александр Марьямов, Борис Лавренев, Константин Симонов; поэты и поэты-песенники Василий Лебедев-Кумач, Сергей Алымов, Николай Флеров, Александр Ойслендер, Александр Жаров; художники Александр Меркулов, Алексей Кольцов и Наум Цейтлин и многие др. [2, с. 318–320].

Особым уважением у военных моряков пользовались корреспонденты различных газет и журналов, которые по долгу службы не раз сопровождали североморцев в боевых походах, находились на позициях береговых батарей, на передовой, в расположениях морской пехоты. Так, в боевых походах подводных лодок принимали участие журналисты Николай Ланин, Алексей Петров, Николай Букин, Михаил Величко, Андрей Петров, фотокорреспондент Николай Веренчук. А журналист Александр Мацевич погиб вместе с экипажем на гвардейской подводной лодке «К-22» в феврале 1943 г. [2, с. 319]. Корреспондент газеты «Правда», находившийся на Северном флоте с 1942 по 1943 гг., Н.Г. Михайловский оставил после себя фронтовые записи «Этот долгий полярный день», содержащий богатый материал о повседневной жизни и боевом пути личного состава Северного флота в годы войны [3, с. 7–115]. В частности, автор описал похороны своего коллеги – поэта и журналиста Ярослава Родионова, погибшего при авианалете. Свидетельство современника тех событий наглядно демонстрирует, насколько высоко было уважение у североморцев к людям искусства: «В ясный, солнечный вечер мы хороним своего друга... Все население – военное и гражданское, от командующего до трехлетних ребятишек – в скорбном молчании идет за гробом...» [3, с. 79]. Именно произведения, созданные благодаря труду писателей, поэтов, композиторов, постоянно вдохновляли военных моряков на боевые подвиги, поддерживали их в минуты отдыха.

Таким образом, межличностные контакты моряков-североморцев и советского гражданского населения выступали, с одной стороны, позитивным фактором, содержащим огромный мотивационный потенциал, который при условии его грамотного использования мог послужить весьма ощутимым средством мобилизации личного состава на самоотверженную службу. С другой стороны, межличностная коммуникация в некоторых случаях выступала и психотравмирующим фактором, несущим негативное воздействие на личный состав. В данном случае основная ответственность ложилась на политработников, офицеров, а порой и про-

сто сослуживцев, которые должны были поддерживать товарищей, выводить их из депрессивного состояния, не позволять личным переживаниям отдельных моряков стать причиной ухудшения общего морально-психологического климата в коллективе.

Список литературы

1. Анисимов Н.И., Богданов П.П., Богун Е.Ю. и др. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. – М., 1984.
2. Колышкин И.А. В глубинах полярных морей. – М., 1964.
3. Михайловский Н.Г. Только звезды нейтральны...: Художественные и документальные повести. – М., 1981.
4. Николаев Б.Д., Петрухин П.А. Мы с «Гремящего». – М., 1961.
5. Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 11. Оп. 2.
6. ЦВМА. Ф. 795. Оп. 3.
7. Щедрин Г.И. На борту С-56. – М., 1959.

Государственная политика России в отношении податного обложения дальневосточного казачества во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматривается государственная политика России в отношении натуральных повинностей, применяемых к населению трех дальневосточных казачьих войск (Забайкальское, Амурское, Уссурийское), в период существования данных войск (вторая половина XIX – начало XX вв.). Особое внимание уделяется государственному курсу на постепенное снятие данных натуральных повинностей с дальневосточного казачества.

In this article the public policy of Russia in relation to the duties paid in kind applied to the population of the three Far Eastern Cossack armies (Zabaykalskoye, Amurskoye, Ussuriyskoye) in the period of the existence of the mentioned armies (the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries) is considered. Particular attention is paid to the state policy towards the gradual removal of the mentioned duties paid in kind from the Far Eastern Cossacks.

Ключевые слова: казачество, Дальний Восток, Забайкальское казачье войско, Амурское казачье войско, Уссурийское казачье войско, государственная политика, натуральные повинности.

Key words: Cossacks, Far East of Russia, Zabaykalskoye Cossack army, Amurskoye Cossack army, Ussuriyskoye Cossack army, public policy, duties paid in kind.

Казачество как феномен российского дореволюционного общества, по большинству концепций, появилось в XV–XVI вв. и в последующие столетия заселило границы Российского государства вплоть до Тихого океана. Составив во второй половине XIX в. три войска на Дальнем Востоке России (Забайкальское, Амурское и Уссурийское), казачество окончательно сформировало непрерывную цепь из 11 самостоятельных войск вдоль границы государства, став их основным защитником. Характеризуя казачество, достаточно сложно однозначно отнести его к податным или неподатным условиям.

Не относясь в полной мере к податному сословию, казачество в России было освобождено от уплаты разного рода денежных податей. Однако казачье население, помимо военной службы, несло обязанность по поддержанию в порядке и исправности всей инфраструктуры на войсковых землях. Данные повинности, исполнение которых было обязательным для каждого казака, закреплялись общим Положением о земских повинностях и правилами, определенными для войска Донского. По этим положениям повинности разделялись на три разряда:

1) общие по войску, с постоянной оседлостью сопряженные: содержание в исправности дорог, мостов, гатей, постоянно-квартирная, воинский постой и препровождение полков и команд, ремонтов и казенных транспортов через войсковые земли, устройство дорог;

2) собственно станичные: содержание подводной повинности, почтовой гоньбы натурой или наймом и летучей почтой, препровождение арестантов, караулы при станичном доме, при запасном хлебной магазине, у лесов и пр.;

3) хозяйственные: устройство поскотин, дорог в пределах поселкового надела, общественных запашек, поставка дров для отопления школы, содержание и постройка паромов и лодок, выгрузка оных и прочее, все, что только составляет общую пользу и нужду. В исправлении повинностей 1 и 3 разрядов должны были участвовать все без исключения обыватели поселков от 17 до 55 лет от роду [1, с. 28–29].

Такие повинности, как дорожная, караульная, почтовая, были особенно тяжелыми для казачьего населения. Например, уссурийские казаки на выполнение таких обязанностей тратили в год 34442 чел.-дня. Поэтому поселковые и станичные правления весьма строго относились к тем, кто пытался уклониться от выполнения общественных повинностей. Так, казак поселка Фадеевского А. Гагарин «без разрешения местных властей выбыл неизвестно куда», в связи с чем станичное правление просило Никольско-Уссурийское городское полицейское правление произвести розыск, «чтобы оный казак явился в поселок ввиду выбора его на должность сторожа с 1 января 1913 г. Если он не явится – сторожа нанять за его счет» [9, с. 37–38].

Снаряжение казака на военную службу происходило также за свой счет, что обходилось в начале XX в. около 330 руб. на человека, считая стоимость строевого коня (около 50 руб.). Во время лагерных сборов казаки довольствия от казны не получали и были вынуждены приходить со своими припасами. Следует отметить, что расходы на военную службу и связанные с нею издержки поглощали почти половину доходов среднего казачьего хозяйства. Например,

средний доход на 1 мужскую душу казачьего населения составлял 33 руб. 58 коп., а средний расход и потери в хозяйстве, связанные с отбыванием военной службы в расчете на одну мужскую душу – 16 руб. [9, с. 37].

Таким образом, казаки, помимо несения воинской повинности и покупки снаряжения за свой счет, несли еще и многочисленные натуральные повинности, которые были весьма тяжелым бременем для казака и надолго отрывали его от хозяйства. Все это особенно тяжело ложилось на плечи дальневосточных казаков, которые проживали в тяжелых условиях малозаселенного и необжитого края с малоблагоприятным для хозяйства климатом. Ввиду всех этих причин дальневосточное казачество находилось по сравнению с казаками других регионов России, а также с соседними маньчжурами и китайцами, в значительно худшем положении.

Государство, пытаясь решить данную проблему, ежегодно выделяло Забайкальскому казачьему войску значительные суммы на покрытие дефицита по войсковой смете: в 1904-1908 гг. по 46 тыс. руб. в год, в 1909 г. – 66 тыс. руб., в 1910 г. – 67 тыс. руб., в 1911 г. – 50 тыс. руб., 1912 г. – 43 тыс. руб., 1913 г. 35 тыс. руб. [4. Л. 3]. В тяжелом положении находились и казаки Амурского и Уссурийского войск, что отмечалось специально созданной в 1874 г. комиссией для изучения быта казаков Дальнего Востока: «экономическое положение казачьего населения здесь до крайности неблагоприятно» [8. Л. 4]. 72 % всего населения Амурского войска на 1876 г. имели менее 2/3 десятины земли на душу под посевом, и из них у 30 % было менее 1/2 десятины на душу, 55 % населения собирали недостаточное количество хлеба для продовольствия. Уссурийское казачество проживало еще хуже – 60 % казачьего населения засеивали менее 1/2 десятины на душу, в ряде станиц собирали урожай, которого не хватало даже для посева на следующий год [8. Л. 4–5]. В связи с этим за казаками накапливались значительные долги, так как государство было вынуждено выдавать им хлеб, продукты питания и просто денежные средства. В итоге, на амурских казаках к 1878 г. лежало долгов на 392098 руб. 63 коп. [8. Л. 6], что являлось для небольшого по численности войска колоссальной и неподъемной суммой. Государство было вынуждено списать и их.

Осознавая бедственное экономическое положение дальневосточного казачества, правительство России искало различные пути для облегчения его положения. Ввиду невозможности сложения с них воинской повинности, так как эти войска создавались во многом с целью усиления воинского контингента на востоке страны, государство периодически помогало казакам финансово и проводило политику по снятию с них натуральных повинностей, которые отни-

мали у них много сил, времени и денежных средств. По мнению Комиссии по улучшению быта Амурского казачьего войска, проводившей экспертизу в 1874 г., данные натуральные повинности были одной из основных причин тяжелого экономического положения казаков региона [8. Л. 5].

Начальным этапом проведения данной политики стал 1872 г., когда ряд повинностей, отбываемых натурально, был обращен в денежные сборы – содержание почтовой обывательской гоньбы и перевозов на главных трактах. Обывательская подводная гоньба являлась самой значительной из всех войсковых повинностей. Она отбывалась следующим образом: на станциях больших почтовых трактов, пролегающих по войсковой земле и на трактах, служащих для сообщения между бригадными, батальонными, полковыми и сотенными штабами, содержались от 2 до 6 пар казачьих лошадей на каждой. Но под словом «пара» подразумевалось не две лошади, а один подводчик с таким числом лошадей, которое было необходимо для поддержания сообщения по войсковой земле – т. е. на пару содержалось 4-6 лошадей и более. Таким образом, на каждой станции могло содержаться до 36 казачьих лошадей с казаками и пропитанием на неделю. Казаки отбывали данную повинность очередно по одной неделе, в год же таких очередей могло быть до шести, т. е. полтора месяца в год все казаки проводили на почтовых станциях, отбывая данную повинность, при этом отрываясь от труда, забирая с собой лошадей и провизию для себя и корм для лошадей. Это было огромной нагрузкой на казачьи селения, приписанные к каждой станции. В итоге большинство казачьих селений предпочитало нанимать специальных подрядчиков, которые отбывали повинность за них со своими лошадьми на постоянной основе. Содержание одной станции при оплате подводной повинности деньгами специальным ямщикам составляло 400–1200 руб. в год, что в пересчете на душу населения составляло 4–15 руб. в год. В итоге для улучшения данной ситуации правительство приняло решение о переводе обывательской подводной гоньбы в денежную общевойсковую повинность, что составляло 70 тыс. руб. в год на войско. Одновременно из натуральной в денежную повинность было переведено содержание перевозов на главных почтовых трактах, пролегавших по войсковой территории, что составило 1500 руб. в год [5. Л. 36–37].

Кроме этого, денежный сбор с казаков на ремонт войсковых зданий, их отопление и оснащение, на аренду помещений для войсковых учреждений составлял 6500 руб. в год с населения Забайкальского войска. Все же расходы на войсковые земские денежные повинности составляли 78 тыс. руб. в год, что составляло 2 руб.

5 коп. в год на одного казака [5. Л. 41], что уже не являлось неподъемным бременем для бюджета казачьей семьи.

В 1879 г. по инициативе наказного атамана Приамурских казачьих войск барона Фредерикса с казаков Дальнего Востока была снята повинность по заготовлению материалов для постройки казенных зданий [9. Л. 6]. По §128 положения об Амурском войске [3, с. 41] казаки обязаны были: а) заготавливать дрова и каменный уголь для казенных пароходов и б) заготавливать лесной и другие материалы для постройки войсковых зданий. С прекращением казенного пароходства по р. Амур первая повинность была упразднена в 1871 г., вторая же повинность, весьма тяжелая для казаков за отсутствием путей для доставки строительных материалов, не приносила существенной пользы, потому что из материалов, собранных таким путем, было построено только несколько зданий [8. Л. 6].

В 1904 г. население Амурского и Уссурийского казачьих войск было освобождено от повинности по заготовлению и поставке дров и каменного угля на пароходы Амурско-Уссурийской казачьей флотилии (АУКФ) [6. Л. 3].

Согласно Положению об Амурском казачьем войске от 1 июня 1860 г. (§128 и §130) [3, с. 41–43] и Положению Военного совета об Управлении Уссурийским казачьим войском от 14 июля 1889 г., на казачье население Амурского и Уссурийского войск возлагалась обязанность заготавливать по распоряжению местного начальства в определенных пунктах дрова и каменный уголь для казенных и приписанных к войскам пароходов. Причем за дрова и каменный уголь, заготовленные для казенных пароходов, не приписанных к войскам, казаки получали плату по ценам, утвержденным Приамурским генерал-губернатором, а для пароходов, приписанных к войскам, казаки заготавливали бесплатно, в качестве несения натуральной повинности [3, с. 41–43].

Повинность эта возникла при первом заселении Амура для немногих казенных пароходов, когда другой способ заготовки дров был невозможен и когда казачье население не отбывало строевой службы. Но сами казенные пароходы были упразднены с образованием в 1871 г. Товарищества Амурского пароходства, и повинность эта стала формальностью и в реальности перестала выполняться, так как пароходов, приписанных к войскам, больше не имелось [6. Л. 3–4].

С учреждением в 1897 г. Амурско-Уссурийской казачьей флотилии закон об обязанности казачьего населения поставлять топливо для казенных и приписанных к войскам пароходов стал применяться снова. Вначале казаки поставляли дрова для АУКФ бесплатно, но по журналу Военного совета 20 августа 1898 г. было разрешено войсковому наказному атаману Приамурских казачьих войск отчислять

20 % из выручки от частных заработков судов флотилии на плату казачьему населению за дрова при совершении пароходами рейсов.

Но войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск отмечал, что данная повинность, даже при учете платы за дрова, была крайне обременительной, и считал, что «едва ли справедливо» налагать на казачье население обязанность по поставке дров и угля для АУКФ, суда которой выполняли не только казенные, но и коммерческие перевозки. Ввиду этого он возбудил ходатайство об отмене положения об этой повинности с предложением отнести расход на дрова и уголь для АУКФ на средства общих капиталов войск (2156 руб. на Амурское и 4724 на Уссурийское казачьи войска), что и было утверждено Государственным советом 1 мая 1904 г. [6. Л. 3–3 об., 30].

Казачье население всех казачьих войск России было свободно от уплаты подушной подати, а зачисление в казачье сословие являлось одним из случаев освобождения лиц податного сословия от платежа этого сбора. Казачье население Забайкальского войска наравне с другими казачьими войсками, также было освобождено от подушного земского сбора уже при самом образовании этого войска по закону от 17 марта 1851 г. [7. Л. 3–4]. Право освобождения войска от платежа подати было установлено ст. 87 Положения о Забайкальском казачьем войске от 17 марта 1851 г. и ст. 35 Положения о пеших батальонах войска от 21 июня 1851 г., где было определено, что и причисленные к Забайкальскому войску крестьяне, приписанные к Нерчинскому заводу, также освобождаются от подати и пользуются правами и преимуществами, предоставляемыми всем чинам войска [2, с. 28].

Между тем казачье население данного войска оказалось привлеченным к уплате подушной подати после 1875 г. ввиду недосмотра и ошибки, в результате которой казаки Забайкальского войска были включены в ведомость о смете и раскладке земского подушного сбора [7. Л. 3].

В 1904 г. Военный совет после ходатайства войскового хозяйственного правления Забайкальского войска признал несправедливость привлечения забайкальских казаков к подушному сбору. Однако вскоре Министерство финансов постановило, что привлечение казаков Забайкальской области к платежу подушной повинности было вполне правильным и законным, и не нашло в связи с этим возможности сделать распоряжение о прекращении взимания этого сбора с забайкальских казаков [7. Л. 9]. И только после заключения бывшего министра финансов В.Н. Коковцова данное дело было рассмотрено вновь, и было признано, что уплата проходила по ошибке и «какому-то недоразумению», в результате чего 3 декабря 1905 г. Государственный совет постановил отменить взимание подушной

подати с войска и списал недоимки по ее уплате [7. Л. 9–11, 33]. Получается, что Забайкальское казачье войско, в отличие от других войск России, в результате ошибки платило подушную подать в течение 30 лет.

Итак, несмотря на то, что дальневосточные казаки по сравнению с местными крестьянами были несколько лучше обеспечены землей и не несли денежных повинностей, их экономическое положение зачастую было значительно хуже ввиду отбывания воинской повинности, а также целого ряда натуральных повинностей, которые отрывали казаков от хозяйства и требовали значительных затрат времени, сил, продовольствия и денежных средств. Государство, видя бедственное экономическое положение дальневосточных казачьих войск и заинтересованное в их военной и колонизационной силе, взяло курс на постепенное снятие наиболее обременительных натуральных повинностей. С течением времени часть повинностей была отменена, что, несомненно, несколько облегчило их положение. Однако основная часть повинностей была сохранена, некоторые повинности были просто переведены из натуральных в денежные, отмененными же оказались в основной своей массе те повинности, которые применялись только к дальневосточным казакам, тогда как остальные казачьи войска России их не несли.

Таким образом, политика, направленная на сокращение количества натуральных повинностей, несколько облегчила положение дальневосточных казаков, но ввиду вышеописанных причин не смогла кардинально изменить их экономическое состояние, которое в начале XX в. характеризовалось как бедственное. Одновременно, на это наложились тяготы Русско-китайской войны (1900–1901 гг.), Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и Первой мировой войны, что окончательно привело хозяйства казаков данных войск к 1917 г. к полному экономическому разорению, что непосредственным образом сказалось на революционных настроениях части дальневосточного казачества.

Список литературы

1. Иванов В.Д., Сергеев О.И. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ). – Владивосток, 1999.
2. Положение о Забайкальском казачьем войске. – СПб., 1851.
3. Положение об Амурском казачьем войске. – СПб., 1860.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 9. Д. 31297.
5. РГИА. Ф. 1149. Оп. 8. Д. 24.
6. РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 89.
7. РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 128.
8. РГИА. Ф. 1152. Оп. 9. Д. 195.
9. Титлина Е.Ю. Власть и казачество Дальнего Востока (взаимоотношения Российского государства и дальневосточного казачества в период с 50-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в.). – Благовещенск, 2006.

**Создание и деятельность новой системы
таможенных органов на Дальнем Востоке России
после отмены действия системы беспошлинной торговли (1909 г.)**

В статье рассмотрена проблема создания таможенных органов на Дальнем Востоке России после окончания Русско-японской войны (1904–1905), особенности становления, специфика их развития. Как известно, на территории дальневосточной окраины на протяжении длительного времени существовала система беспошлинной торговли. Однако к началу XX в. она исчерпала себя и возникла необходимость включения региона в единое таможенное пространство Российской империи. Стали создаваться новые таможенные органы, целью которых стало обеспечение государственных интересов России.

The article is devoted to the problem of creation of the customs authorities in the Far East of Russia after the Russo-Japanese war (1904–1905), peculiarities of formation, the specifics of their development. As it is known, in the territory of the Far Eastern outskirts there was a system of free trade for a long time. However, to the early twentieth century it had exhausted itself and it became necessary to include the region in the common customs space of the Russian Empire. New customs authorities began to create; their purpose was to ensure the state interests of Russia.

Ключевые слова: таможенная политика, протекционизм, фритредерство, таможенные органы, Дальний Восток, пошлины, Государственная Дума.

Key words: customs policy, protectionism, free trade, the customs authorities, the Far East, duties, the State Duma.

Российский Дальний Восток, официально ставший составной частью Империи лишь с середины XIX в., всегда имел особое геополитическое значение связующего звена между Европой и Азией. После окончания Русско-японской войны (1904–1905) перед правительством России стояла важная и сложная задача – включение своей дальневосточной окраины в единую государственную таможенную систему. Главным препятствием в её осуществлении являлась система беспошлинной торговли – «порто-франко», действовавшая в Приамурском крае. Вследствие удаленности Дальнего Востока от политического центра страны решение таможенных проблем здесь проходило с особой остротой. Основная сложность заключалась в том, что в рассматриваемый хронологический период таможенная политика стала здесь предметом столкно-

вения интересов не только органов центральной и региональной власти, но и различных социальных групп.

Законом, одобренным Государственной думой и Государственным Советом, 16 января 1909 г. Система «порто-франко» на юге Дальнего Востока была отменена. Согласно Постановлению Совета Министров, решение вступало в силу с 1 марта 1909 г., а 28 февраля 1909 г. Департамент таможенных сборов внес на рассмотрение Государственной думы законопроект об установлении и организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства. Новый закон был более полным и развернутым по сравнению с законом от 10 июня 1900 г. Таможенные пошлины в регионе теперь взимались в размере, установленном Общим таможенным тарифом по европейской торговле. Исключение составили товары, включенные в особый список: жизненные припасы, животные, хлеб в зерне и некоторые другие, ввозившиеся по-прежнему без уплаты пошлин [5. Д. 945. Л. 2–3].

Согласно закону от 16 января 1909 г. на Приамурский край и Забайкальскую область распространялись и другие положения общего таможенного тарифа и Таможенного устава. Однако закон предусматривал и особый порядок, постепенность распространения протекционистских мероприятий на дальневосточной окраине. Некоторое удивление вызывали чрезвычайно краткие сроки его реализации. Хотя многие косвенные источники объясняли подобную «поспешность» влиянием сильных торгово-промышленных кругов Европейской России, в частности, московских и лодзинских мануфактуристов, заинтересованных в сбыте своих товаров на Дальнем Востоке.

Таким образом, таможенной и пограничной службам предстояло в краткие сроки установить надзор за обширной территорией на материке и морском побережье. 2 мая 1909 г. правительством были отпущены кредиты на установление таможенного дела на Дальнем Востоке. К этому времени в регионе действовали Владивостокская, Николаевская-на-Амуре и Хабаровская таможни. В ноябре 1910 г. таможенные заставы были открыты в Петропавловске-на-Камчатке и в посту Александровском на Сахалине. В то же время ввоз иностранных товаров по сухопутной границе с Китаем оставался по-прежнему свободным, а создание таможенных застав лишь в отдельных портах не означало охраны всей территории от бесконтрольного товарообмена [5. Д. 945. Л. 8].

Для укомплектования вновь образованных таможенных учреждений необходимым числом служащих и усиления Владивостокской и Маньчжурской таможен и Пограничной заставы было предписано

прикомандировывать к ним таможенных чинов из других учреждений Империи. Причём особо оговаривалось, что это должны быть не случайные люди, а чиновники, зарекомендовавшие себя с положительной стороны, заблаговременно проинформированные о том, что они «предназначены к переводу» или «намечены к переводу». Всего, согласно спискам, первоначально было откомандировано 12 штатных чиновников и до 40 человек досмотрщиков [5. Д. 945. Л. 11].

В Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области учреждался один таможенный округ, а на соседнем участке границы создавался Иркутский таможенный район. В Приамурском таможенном округе учреждались несколько таможен 1-го класса 2-го разряда (Владивостокская, Сретенская, Маньчжурская), несколько таможен 2-го класса (Пограничная, Благовещенская, Кяхтинская), 23 таможенные заставы, Пограничный переходный пункт, 37 таможенных постов и таможенная брандвахта в устье реки Сунгари [6. Д. 531. Л. 3 об.]. Согласно принятому закону на обязанности вновь учрежденных таможенных постов было возложено наблюдение за тем, «чтобы ничего мимо таможенных мест провозимо не было» [5, с. 102]. Одним из преимуществ, которое было предоставлено дальневосточной таможне, стало предоставление права разрешать пропуск через таможенные посты привозимых из-за границы товаров, предназначенных для местного потребления, согласно особому списку, утвержденному министром финансов. Помимо этого, министру финансов предоставлялось право определять оклады содержания досмотрщиков в таможенных учреждениях, расположенных в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской и Якутской областях Иркутского генерал-губернаторства, «не стесняясь нормами, установленными статьею 70 Устава Таможенного, но не выходя из предела ассигнуемых на содержание досмотрщиков кредитов» [6, с. 239–241].

Несмотря на интерес, проявляемый со стороны правительства к устройству таможенной службы в этом регионе, в установленные сроки не удалось создать сплошной охраны границы из-за нехватки денежных средств. В 1909 г. окружной таможенный инспектор Заамурского района писал: «...в видах соблюдения возможной экономии для Государственного казначейства не устанавливается дорогостоящая сплошная охрана границы, а лишь учреждается некоторое количество таможенных застав и постов для оплаты пошлиною легально к ним доставляемых заграничных товаров, с возложением на чинов таможенной службы и надзора за непроникновением, минуя таможенные учреждения, контрабанды» [7, с. 104].

Любопытным представляется факт, что вскоре после принятия закона об окончательной отмене порто-франко на Дальнем Востоке,

министр финансов утвердил свод льготных постановлений для таможенных учреждений Приамурского края и Забайкальской области, в соответствии с которым таможенным учреждениям этих районов предоставлялся ряд льгот в осуществлении таможенных обрядностей. В Приамурском крае были сделаны существенные уступки, значительно упрощающие деятельность таможенных чиновников по приему и отправке грузов. Многие из этих льгот шли в разрез с Уставом таможенным, а следовательно таможенное регулирование в крае даже после окончательной отмены порто-франко имело свои региональные особенности [8, с. 15].

Для упрощения формальностей по приему и выпуску грузов, привозимых во Владивосток и Николаевск из портов Европейской России, а также некоторых местных грузов, доставляемых из российских северных портов, во Владивостокской и Николаевской таможнях были введены следующие правила:

а) товары, доставленные большим каботажом из российских портов, при выгрузке подвергались таможенной сверке с документами, выданными таможеню отправления, в отношении числа мест, знаков и номеров, причем без вскрытия выпускались таможеней все места, прибывшие с ненарушенными пломбами и амбалажем или в опломбированных трюмах и других судовых помещениях;

б) доставленные во Владивосток и Николаевск на пароходах, приходящих с северных морей из пунктов, где не имелось таможенных или полицейских властей, продукты местного происхождения, составлявшие «исключительно произведения Севера», как то: рыба, шкуры морских животных, северных оленей, пушнина, мамонтовая и моржовая кость, продукты морских промыслов и охоты, изделия из оленьей кожи, ягоды и прочее, разрешались к выгрузке и принимались таможеней на основании письменного заявления шкипера о месте погрузки товара, именах адресатов и владельцев, общего числа мест и с показанием их номеров и знаков; в прочих же случаях – на основании свидетельств указанных властей [9, с. 120–121].

Еще одной особенностью таможенной политики правительства на Дальнем Востоке стала отмена пункта об обязательном клеймении товаров, которое являлось неотъемлемой частью деятельности таможенных органов во всех таможенных округах Империи. Для таможен Приамурского края утверждались правила, в соответствии с которыми на иностранные товары, подлежащие клеймению, но такового не имеющие, могли выдаваться особые свидетельства о легальном их происхождении [10, с. 68].

Подобные примеры являлись ярким свидетельством того, что Приамурское генерал-губернаторство, будучи официально включенным в общероссийскую систему таможенных органов, оставалось особой территорией, где продолжали действовать, как и прежде, многочисленные временные циркуляры, правила,

распоряжения. Провозгласив окончательную ликвидацию порто-франко на Дальнем Востоке, правительство не было в силах в короткие сроки установить на столь огромной по площади и отдаленной от центра территории эффективную систему таможенного регулирования, следствием чего стала непоследовательная таможенная политика, которая сочетала в себе протекционистские тенденции с вынужденными фритредерскими чертами.

Каким же образом в условиях крайне скудного финансирования была устроена новая система таможенных органов на далёкой окраине? «Уставом Таможенным 1910 года» охрана границы в Приморском таможенном округе возлагалась на таможенные посты из таможенных досмотрщиков, состоявших в управлении особых надзирателей. Кроме того, на границу с Маньчжурией в Забайкальской и Приморской областях были командированы три конных сотни Заамурского военного округа. Таможенные досмотрщики вооружались винтовками кавалерийского образца, получали от казны форменное обмундирование, шашки и револьверы. «Инструкция таможенным постам Забайкальской, Амурской и Приморской областей», утвержденная министром финансов 18 февраля 1910 г.», предписывала делать ежедневные разъезды не менее двух человек, вооруженных винтовками [4. Д. 73. Л. 7]. При наличии агентурных сведений выставлялись секреты, числом не менее трех человек. Переход линии границы таможенным досмотрщикам запрещался, задерживать нарушителей было приказано лишь на русской территории, и сразу после этого составлять протокол [4. Д. 73. Л. 9].

По закону 24 февраля 1911 г. в Приморской и Амурской областях была учреждена специальная корчемная стража. Её штат насчитывал 200 кормчих объездчиков и 50 акцизных контролеров. Объездчики получали форменную одежду с медным знаком на груди, вооружены они были винтовкой, револьвером и шашкой, среди средств передвижения имелись две моторные лодки. В «Положении о кормчей страже в Амурской и Приморской областях» говорилось, что кормчая стража, в частности, создавалась «...для предотвращения ввоза из-за границы контрабандных предметов, подлежащих акцизу» [4. Д. 222. Л. 37]. Посты ее были размещены позади таможенной линии. Пограничный комиссар Амурской области в 1915 г. докладывал: «Правительственный надзор за контрабандой невозможен – посты кормчей стражи находятся на расстоянии 50–100 и более верст друг от друга, состав поста – 3–5 человек» [4. Д. 222. Л. 39]. Создание кормчей стражи было вызвано тем, что жители приграничных регионов почти все подакцизные товары получали из Китая, однако эта стража, как и прежние пограничные и таможенные институты, не смогла перекрыть поставки этих товаров и в первую очередь водки. Можно говорить о том, что по-прежнему охрана границы была частично возложена и на военно-полицейские институты,

штат и функции которых расширялись. Все это свидетельствует о понимании важности защиты данного региона и все большем возрастании интереса к нему со стороны правительства.

Специфика работы таможенников на дальневосточной границе была и в том, что Правилами таможенного тарифа 1901 г. предусматривалось для Приамурского края товары «китайского происхождения», кроме чая, серебра и запрещенных к ввозу товаров, пропускать по внешней границе, «не подвергаясь никаким таможенным формальностям», если нет подозрений [5. Д. 945. Л. 2–3]. Таким образом, здесь, по сути, сохранялась система свободной торговли.

Процедура проверки грузов происходила следующим образом. Купеческие обозы заезжали по очереди в таможенные дворы. Досмотрщики, набравшиеся в таможню «предпочтительно из запасных воинских чинов в возрасте от 21 до 30 лет, безупречного поведения, грамотные, вполне здоровые», щупами и совками осматривали купеческий товар и взвешивали его. После этого канцелярские чиновники вносили сведения о товаре в специальные книги, принимали его на хранение в склады, налагали печати и пломбы, исчисляли и принимали пошлину, спорные вопросы по применению тарифа, хранению товара, сроков уплаты пошлины решало присутствие таможни – управляющий и члены таможни. По уплате пошлины товар пломбировался или обклеивался таможенными бандеролями, о чем хозяину выдавался новый ярлык. Если у хозяина не было средств уплатить пошлину на месте, ему разрешали оставить в таможне в залог до 1/3 всего товара. Не позднее 8–12 месяцев купец обязан был уплатить пошлину в казенной палате своего города, залог возвращался после уплаты сборов за хранение. Хозяин товара мог просить отсрочку платежа, но если срок истекал, то таможня продавала товар, из вырученной суммы удерживались пошлины и сборы за хранение, а остальное высылали хозяину [5. Д. 945. Л. 6].

Министерство финансов тщательно следило за поступлением таможенных пошлин в казну, периодически посылая с ревизиями из Петербурга ответственных лиц в ранге статских советников с помощниками.

Департамент таможенных сборов стремился контролировать деятельность местных таможенных органов, пресекать злоупотребления. Был разослан циркуляр о злоупотреблениях управляющих таможенными учреждениями и о последующих наказаниях [5, с. 132]. Безусловно, что таможенное регулирование всегда было делом очень сложным, в котором во все времена имели место взяточничество и злоупотребление своим служебным положением со стороны таможенных чиновников, а государство пыталось этому противодействовать.

Характеризуя в целом таможенную политику России конца XIX – начала XX в., следует согласиться с известным экономистом Н.Н. Шапошниковым, который отмечал, что в этот период страна заметно продвинулась вперед «по пути национального построения таможенного протекционизма» [10, с. 34]. Однако сохранялись серьёзные проблемы и противоречия. О затруднительности и даже невозможности разграничения фискальных, покровительственных (охранительных) и политических целей таможенной политики России этого времени писали многие дореволюционные авторы. Так, например, Д.И. Менделеев указывал, что для таких обширных и еще не развивших своей промышленности стран, как Россия, этого делать не следует. «Во многих случаях, – писал он, – таможенные пошлины, нося сперва характер чисто фискальный, становятся со временем протекционистскими, ибо таково свойство таможенных окладов» [5, с. 182].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. продолжалась эволюция в формировании и развитии таможенных институтов на Дальнем Востоке. Решению этой задачи придавалось огромное значение со стороны правительства Российской Империи. Свидетельством чего стало появление многочисленных законодательных актов, постановлений, имеющих целью улучшить таможенную систему региона. При решении данной проблемы сталкивались со многими трудностями, такими как нехватка квалифицированных служащих, неустроенность таможен для осуществления контроля и проверки грузов, недостаточность финансирования.

Список литературы

1. Беляева Н.А. 100 лет таможенной службе на Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 1999. – № 2.
2. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1896–1899 гг. – Владивосток, 2007.
3. Печерица В.Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. 1899–1945. – Владивосток, 2002.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 21. Оп. 9.
5. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 2.
7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. – М., 1991.
8. Владивостокская таможня. 1901–2001: Краткий очерк истории. – Владивосток: Ворон, 2001.
9. Таможенное дело в России в X – начале XX в. / под ред. А.Н. Мячина. – СПб., 1995.
10. Шапошников Н.Н. Протекционизм и свобода торговли. – М., 1921.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(47+57) «1874/1917»:343.97-053.2

Л. В. Шевнина

Исследование проблемы детской преступности конца XIX – начала XX в. в России в отечественной историографии

В статье рассмотрены исследования проблемы детской преступности конца XIX – начала XX в. в отечественной историографии, исследования дореволюционного, советского и современного периода, проанализированы основные работы по проблеме детской преступности в Российской империи. Анализу подвергаются мнения специалистов о причинах преступности несовершеннолетних, методах и способах перевоспитания малолетних правонарушителей.

This article is devoted to a question of research of a problem of children's crime the end of XIX – the beginning of the XX centuries in a domestic historiography.

In article researches of the pre-revolutionary, soviet and modern period are considered, the main works on a problem of children's crime in the Russian Empire are analysed. Also in work the various points of view of researchers about the reasons of crime of minors, methods and ways of re-education of juvenile offenders are stated and analysed.

Ключевые слова: историография, детская преступность, несовершеннолетний, статистические сведения, исследование, динамика, воспитательно-исправительные заведения, принудительное воспитание.

Key words: historiography, Children's crime, minor, Statistical data, research, changes, Educational penal institutions, Compulsorily education.

В дореволюционной историографии проблема детской преступности внимательно изучалась многими исследователями, а работы в основном поднимали вопросы, касавшиеся причин нравственного падения малолетних преступников.

Огромный вклад в изучение данной темы внес М.Н. Гернет, изучавший, главным образом, причины детской преступности. В работе «Общественные причины преступности» [8, с. 7]. М.Н. Гернет привел статистические данные, свидетельствовавшие о росте детской преступности. В данном исследовании автор выделял такие причины этого явления, как политические, экономические и социальные. Наряду с «моральной статистикой» М.Н. Гернет особое внимание уделял условиям воспитания самих детей, их жилищным условиям, занятиям, профессиям родителей и т. п.

М.Н. Гернет достаточно критично относился к идее Ч. Ломброзо о том, «что ребенок должен быть преступником по самой своей природе, так как между ним и дикарем наблюдаются черты внешнего и внутреннего сходства, особенно в отношении сильно развитого эгоизма и вообще отсутствия развитого нравственного чувства» [8]. Отечественный исследователь объяснял свое мнение тем, что «если бы возраст был причиной преступлений, то следовало бы ожидать, что каждая возрастная группа будет давать из года в год одно и то же число осужденных, что каждый класс и сословие, каждая профессия одной и той же возрастной группы будет поставлять одинаковое число преступников, что в принципе само по себе невозможно» [6, с. 243]. М.Н. Гернет обозначил в своих трудах три классификации преступности: физические, антропологические и социальные.

Е.Н. Тарновский дал характеристику преступлений, совершаемых детьми в европейской части Российской империи. Автор, как и другие специалисты, рассмотрел ряд причин преступности несовершеннолетних, выделяя экономические причины как первостепенные: «по отношению к России можно сказать, что преобладающим моментом в определении уровня преступности являются причины экономического характера, и для детского возраста причины эти играли еще большую роль, чем для взрослого населения». Для подтверждения своих выводов о динамике и росте детской преступности автор привел различные таблицы с данными о числе осужденных мировыми и судебными учреждениями.

Продолжая исследование проблемы детской преступности, Е.Н. Тарновский в своей статье «Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.)» [23] подробно изложил сведения о производстве дел в общих судебных и мировых судах, данные о подсудимых и осужденных в этих судах. В работе также приведены сведения об уровне образования осужденных малолетних, законности их рождения, занятии родителей, рецидивах и т. п. Проанализированные Е.Н. Тарновским статистические данные по уголовным делам в статье «Движение числа несовершеннолетних (10–17 лет), осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг.» [24], показали как распределялась детская преступность за данный период по регионам. Особо были выделены такие территории, как северная и Северо-западная части Европейской России (московский промышленный район, Южная степная полоса, Полтавская губерния и Южное Поволжье). Исследуя динамику преступности малолетних и несовершеннолетних за 1901–1910 гг., Е.Н. Тарновский обращал внимание на ее значительный рост, приводя в доказательство ряд таблиц. Таким образом, в своих работах

автор проводил тщательный и глубокий анализ динамики и структуры детской преступности и ее важнейших причин. Исследования Е.Н. Тарновского, на наш взгляд, можно считать одними из важнейших в дореволюционной историографии.

В работах Е. Альбицкого и А. Ширгена [1, с. 105], Л. Сабина [21, с. 106], Н. Верещагиной [4, с. 132] авторами было уделено наибольшее внимание деятельности исправительно-воспитательных заведений на территории Российской Империи данного периода. В исследовании Е. Альбицкого, А. Ширгена «Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей, заброшенных в связи с законодательством о принудительном воспитании» [1] подробно излагались вопросы организации приютов и колоний, был дан анализ их внутреннего устройства и практиковавшейся в них системы воспитания. Те же проблемы рассматривались в исследовании Д. Тальберга «Исправительные приюты и колонии в России» [22].

Вопрос о возможности достижения перевоспитания детей-преступников был затронут в работе С.А. Завражина «Очерк развития арестантского труда в русских тюрьмах 1885–1888» [13, с. 243]. Для аргументации своей позиции автор привел статистические данные, касавшиеся внутреннего устройства российских приютов (состав, количество воспитанников, денежные затраты и пр.).

Проблемы перевоспитания и исправления малолетних преступников также были рассмотрены в монографии И.С. Миклашевского «Несколько слов о несовершеннолетних преступниках» [17]. Утверждая, что вопрос о малолетних преступниках стал в его время одним из наиболее важных вопросов уголовного права, автор обращал внимание на необходимость создания исправительных заведений для несовершеннолетних, считая это наиболее оптимальным вариантом перевоспитания «нравственно-испорченных» детей.

Особый интерес для исследователей детской преступности представляет работа В.О. Михневича «Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения» [18], где автором значительное внимание было уделено нравственным качествам, свойственным малолетнему преступнику. В историко-публицистическом труде В.О. Михневича раскрывалась «неприглядная изнанка» повседневной жизни Петербурга второй половины XIX в. В своей работе автор рассказал о быте и нравах петербургского дна, об уголовных преступлениях, нищенстве и других социальных язвах, опираясь на данные полицейской статистики, тексты судебных уставов и материалы прессы.

В целом необходимо отметить что, во второй половине XIX – начале XX в. вопрос, касавшийся наказания и перевоспитания ма-

лолетних преступников, был крайне популярен в литературе и периодической печати.

Несравнимо реже обращались к данной тематике советские исследователи. Вопросы истории детской преступности не являлись предметом столь глубокого изучения, как в дореволюционное время.

Нельзя, конечно же, считать, что исследования детской преступности прекратились совсем. В 1920-е вышли в свет работы В.И. Куфаева [14], Л.М. Василевского [3]. Авторами изучались меры борьбы с детской преступностью. В.И. Куфаев отмечал необходимость социальной помощи несовершеннолетним преступникам. Исследователь отмечал важность таких практических мероприятий, как материальная и моральная поддержка ребенка, отвлечение от дурных занятий, всяческая помощь в нахождении полезной деятельности, обеспечение работой.

В эти же годы вышла работа М.Н. Гернет «Моральная статистика» [7], где автором были рассмотрены факторы детской преступности, влияние семейного положения, занятия детей и родителей, условий жизни на динамику детской преступности в России. В монографии приведены таблицы с данными о росте или снижении преступности несовершеннолетних. В работе «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» [9] М.Н. Гернетом были проанализированы материалы о росте преступности в годы Первой мировой войны. В 1922 г. был опубликован сборник М.Н. Гернета «Избранные произведения» [6]. Работа включала уже ранее изданные произведения автора.

В период 1930–1950-х гг. вышли в свет труды таких исследователей, как Б.С. Утевский [26], Л.В. Занков [11], М.С. Певзнер и В.Ф. Шмидт, Е.Н. Медынский [16].

Среди работ 60–80-х гг. XX в. необходимо отметить исследование Ю.В. Гербеева, который детально проанализировал историю возникновения и создания исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России [5].

В 1980-х гг. продолжалось изучение проблем преступности несовершеннолетних. В данный период вышла работа С.С. Остроумова «Преступность и ее причины в дореволюционной России» [20, с. 45–49]. Автором сделан анализ структуры, динамики и причин преступности в дореволюционной России. При изучении данных, характеризующих преступников, С.С. Остроумов обратил пристальное внимание на пол, возраст, образование, рецидив. Рассматривая динамику и причины преступности малолетних, автор отметил систематическое и относительное возрастание преступности среди детей и молодежи. С.С. Остроумов дал подробный анализ преступности малолетних и несовершеннолетних в дореволюцион-

ной России, опираясь в своем исследовании на материалы статистических сводов, судебные уставы, а также на работы Е.Н. Тарновского и М.Н. Гернета. Говоря о причинах детской преступности, С.С. Остроумов указывал, что «рассадником преступности» являлось «буржуазное общество», что неудивительно для исследования советского периода.

Среди исследований 80-х гг. XX в. по данной проблеме следует также выделить труд А.И. Чернышова [28]. Автор затронул такие вопросы, как причины преступности среди несовершеннолетних в СССР, особенности совершаемых ими преступлений, общие и специальные меры предупреждения преступлений среди несовершеннолетних, а также проанализировал советское законодательство об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних.

В последнее двадцатилетие наблюдается подъем интереса к изучению проблем детской преступности в России конца XIX – начала XX в. Так, известным ученым Б.И. Мироновым, специалистом по социальной истории России периода империи, в статье «Преступность в России в XIX–XX вв.» [19, с. 65–67] была представлена общая характеристика развития преступности среди малолетних и несовершеннолетних. В частности, Б.И. Мироновым исследован широкий круг проблем: источники о преступности и методы их обработки, факторы преступности, структура и динамика преступности.

В 1995 г. вышло интересное исследование Л.И. Беляевой «Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.)» [2]. В работе автором был проведен четкий и глубокий анализ развития исправительных заведений для малолетних преступников, дана оценка их организации и деятельности. Нужно отметить, что историк в своей работе уделила большое внимание организации исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников на Западе в связи с тем, что при открытии таких учреждений в России за образец был принят иностранный опыт.

В работе Л.И. Беляевой подробно и последовательно охарактеризовано внутреннее устройство воспитательно-исправительных заведений в России, а именно: как был устроен их быт, личный состав служащих, на какие средства существовали исправительные заведения, системы воспитания, виды наказаний и поощрений и т. п. Л.И. Беляева в своей работе рассмотрела отдельный вопрос, касающийся, прежде всего, открытия в России мест перевоспитания несовершеннолетних заключенных, однако выявлению причин детской преступности внимание уделялось мало.

Среди исследований современного периода также необходимо отметить совместную работу Б.К. Тебиева и О.А. Коркищенко «Го-

сударство и общество и "трудные дети" в досоветской России» [25]. Работа примечательна тем, что авторами был подробно исследован огромный ряд проблем. В частности, вопрос о роли государства и общества в жизни детей-преступников, профилактике преступности и деятельности общественных и благотворительных организаций в социализации несовершеннолетних правонарушителей.

В работе современного исследователя Я.И. Гилянского «Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление» [10, с. 17–21] также характеризуется состав малолетних правонарушителей и приведены статистические сведения с 1871 по 1912 гг. о росте преступности в России на данном этапе. В большей степени эта работа носит статистический характер.

Помимо уже указанных, среди работ начала XXI в. следует выделить историко-правовые исследования В.В. Захарова [12], Е.А. Локтионовой [15], О.В. Харсеевой [27].

Таким образом, в исследованиях конца XX – начала XXI в. наблюдается возрождение интереса к данной проблематике, желание современных авторов обратиться к опыту прошлого. Но, однако, в работах различных исследователей рассматриваются, как правило, отдельные вопросы (например, причины детской преступности, проблемы создания исправительных заведений, становления ювенальной юстиции и т. д.). Все это открывает перспективы дальнейшего плодотворного исследования вопроса во всем комплексе его сторон.

Список литературы

1. Альбицкий Е., Ширген И. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей, брошенных в связи с законодательством о принудительном воспитании. – Саратов, 1893.
2. Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.). – М., 1995.
3. Василевский Л.М. Детская преступность и детский суд. – Тверь, 1923.
4. Верецагина Н.Н. Трудовые колонии (кооперация в деле воспитания). – СПб., 1906.
5. Гербеев Ю.В. Об исправительных учреждениях для несовершеннолетних. – М., 1964.
6. Гернет М.Н. Избранные произведения. – М., 1974.
7. Гернет М.Н. Моральная статистика. – М., 1922.
8. Гернет М.Н. Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права. – М., 1906.
9. Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. – М., 1927.
10. Гилянский Я.И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. – СПб., 2000.

11. Занков Л.В., Певзнер М.С., Шмидт В.Ф. Трудные дети в школьной работе: метод. пособие для педагогов и учителей. – М.; Л., 1933.
12. Захаров В.В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.
13. Исправительные заведения для несовершеннолетних. Россия и Финляндия // Очерк развития арестантского труда в русских тюрьмах 1885–1888. – СПб., 1890.
14. Куфаев В.И. Борьба с правонарушениями несовершеннолетних. – М., 1924.
15. Локтионова Е.А. Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004.
16. Медынский Е.Н. История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции. – 2-е изд. – М., 1938.
17. Миклашевский И.С. Несколько слов о несовершеннолетних преступниках. – Ярославль, 1896.
18. Михневич В.О. Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. – СПб., 2003.
19. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 65–67.
20. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М., 1980.
21. Сабинин Л.Х. Преступные дети и исправительные заведения. – Ровно, 1898.
22. Тальберг Д. Исправительные приюты и колонии в России. – СПб., 1882.
23. Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) // Журн. М-ва юстиции. – 1899. – № 1.
24. Тарновский Е.Н. Движение числа несовершеннолетних (10–17 лет), осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901–1910 гг. // Журн. М-ва юстиции. – 1913. – № 10.
25. Тебиев Б.К., Коркищенко О.А. Государство, общество и «трудные дети» в досоветской России: государственно-правовая мысль, социальная политика и общественно-благотворительная деятельность по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних в России XVIII–XX вв. – М., 2002.
26. Утевский Б.С. Несовершеннолетние правонарушители. – М., 1932.
27. Харсеева О.В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в России в середине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование (на материалах Курской губернии). – М., 2007.
28. Чернышов А.И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. – Томск, 1980.

А. С. Романов

**К вопросу об отечественной историографии
изучения советской пропаганды и агитации
в блокадном Ленинграде (1941–1944 гг.)**

В статье содержится обзор работ, посвященных различным аспектам действий советской агитации и пропаганды в блокадном Ленинграде в 1941–1944 гг. В ней отмечены основные этапы становления историографической традиции. При рассмотрении данной традиции указаны характерные черты книг советской и современной историографии.

This article contains the review of papers devoted various aspects of action of the Soviet propaganda in the besieged Leningrad in 1941–1944. It marks the main stages of the historiographic tradition. The consideration of this tradition specifies the characteristic features of the books of the Soviet and modern historiography.

Ключевые слова: историография, блокада Ленинграда, пропаганда, агитация, идеологическое воздействие, политико-массовая работа.

Key words: historiography, the siege of Leningrad, propaganda, agitation, ideological influence, political and mass work.

В работах исследователей блокады в разные годы рассматривались многообразные вопросы истории осаждённого города: бытовые сложности, военные вопросы, проблемы снабжения, голода и др. Актуальной для исследований была также и тема, касающаяся различных аспектов действий в Ленинграде советской агитационно-пропагандистской машины. Тем не менее за всё время, прошедшее от блокады до наших дней, по данной теме была опубликована лишь одна статья с историографическим обзором [15]. В свете этого необходимо рассмотреть, как развивалась историография вопроса с учётом нового подхода к оценке материала и с учётом тех книг, которые были опубликованы позднее упомянутой статьи.

Представляется возможным разделить историографию блокады на два этапа: советский и современный. Содержание литературы о блокаде до конца существования СССР определялось господствовавшей коммунистической идеологией с той или иной степенью либеральности. Соответственно, такие темы, как система политического контроля, негативные настроения жителей города или система идеологического воздействия советской пропаганды и

агитации, длительное время были либо рассмотрены недостаточно, либо вовсе не подвергались изучению.

Первые исследования, посвящённые истории пропаганды и агитации в осаждённом городе, появились ещё во время войны. Как отмечает проф. А.Н. Цамутали, «печатные издания обкома и горкома ВКП (б) помещали статьи, которые имели и пропагандистскую направленность, и вместе с тем несли на себе черты исторических очерков. На страницах журнала "Пропаганда и агитация", издававшимся ленинградским обкомом и горкомом ВКП (б), выступали партийные советские и комсомольские работники» [35, с. 149]. В указанном журнале подобные статьи начиная с 1941 г. помещались в разделах «Агитацию – на службу отечественной войне» [23] и «Обмен опытом» [4; 13; 17; 28; 31; 32]. В данных публикациях рассматривалась методика ведения пропаганды, а также использование различных приёмов в массово-политической работе, приводились примеры как успешной, так и неудачной агитации.

Кроме журнала «Пропаганда и агитация», статьи подобной направленности с 1942 г. публиковались в журнале «Блокнот агитатора» [5; 26; 37] и также имели методическую «окраску». Это были советы докладчику о темпе и ритме выступления, анализ опубликованных материалов, необходимых для выступления, проводились исторические аналогии, помогающие агитатору чётче понять свои задачи, и иные схожие материалы¹. Данные статьи не являлись историческими очерками, носили прикладной характер, и их задачей было распространение и обобщение опыта массово-политической работы. Несмотря на это, используемая в них риторика, а также система аргументации во многом определили логику исторических работ по работе в Ленинграде советской пропаганды и агитации.

Особую роль в становлении историографической традиции, на наш взгляд, сыграла статья С.И. Аввакумова, опубликованная в сборнике «Героический Ленинград. 1917–1942» [1]. В этой работе были кратко освещены цели и задачи пропаганды и агитации до конца 1942 г. включительно, численность и функции политорганизаторов домохозяйств, изменение форм и методов политико-массовой работы в указанный период. Во многом, однако, изложение материала сводилось к общим словам о работе агитаторов, воспитывающих у населения «стойкость, мужество, бесстрашие в борьбе с врагом <...> любовь к родине, жгучую ненависть к врагу» [1, с. 225].

¹ Следует отметить, что публикации журнала «Блокнот агитатора» чаще включали в себя общие рекомендации по методике работы агитатора, в отличие от журнала «Пропаганда и агитация», в котором рассматривались вопросы, имевшие непосредственное отношение к Ленинграду (работа красных уголков, политорганизаторов домохозяйств, и др.).

Подобная схематичность рассмотрения деятельности устных агитаторов и пропагандистов, на наш взгляд, оказала заметное влияние на дальнейшие исследования по данной теме.

Первая послевоенная работа, в которой была предпринята попытка комплексно рассмотреть различные стороны жизни в осаждённом Ленинграде, появилась лишь в 1959 г. [11]. Этот пробел отечественной историографии объясняется тем, что с 1949 г., после «Ленинградского дела», в ходе которого были арестованы и расстреляны руководители Ленинграда во время блокады – А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, – темы, связанные с Ленинградом в Великой Отечественной войне, оказались под негласным запретом. Агитационно-пропагандистская работа была рассмотрена кратко и в известной мере схематично: в частности, были упомянуты такие сюжеты, как перестройка массово-политической работы, участие политорганизаторов и агитаторов в различных кампаниях, проводимых горкомом, проведение митингов в городе, но подробного рассмотрения форм и методов не проводилось. Тем не менее начиная с этой книги в отечественной историографии наметился курс на углублённое изучение различных сторон жизни блокадного Ленинграда.

Особый интерес в свете этого представляет статья С.И. Мокшина, посвящённая вопросам взаимодействия Ленинградской партийной организации и периодической печати [22]. Впервые были приведены цифры развозки газет по районам города, отмечен, пусть и крайне осторожно, ряд недостатков в работе печати на первом этапе блокады, в частности, указание на неудовлетворительную работу почтамта [22, с. 73]. Тем не менее роль партийной организации была показана как исключительно положительная, а содержание газет не было, на наш взгляд, исследовано с достаточной глубиной, и ограничилось лишь перечислением тем и общими словами о связи материала с «текущим моментом».

К одной из первых попыток системно рассмотреть работу органов пропаганды и агитации в блокадном Ленинграде относится и статья М.И. Лихоманова о массово-политической работе Ленинградской партийной организации [19]. В ней по уже сложившейся традиции кратко отмечалась специфика содержания и форм агитационно-массовой работы, вопросы кадров агитаторов. Для лучшей иллюстрации перестройки работы было проведено (правда, на основании ограниченного фактического материала) сравнение с агитацией довоенного времени. Освещались и задачи пропагандистов, характерные для того или иного момента войны; был приведён ряд данных по количеству проведённых лекций и докладов, выпущенных плакатов и листовок. В этой статье наиболее отчётливо видны особенно-

сти советской историографии, присущие и другим исследованиям, опубликованным позднее, а именно: описательность без глубокого анализа, тяготение к цифрам, большое количество одиночных примеров (иллюстраций) действий агитаторов, но практически полное отсутствие использования дневников и иных источников личного происхождения¹. Схожая тенденция сохранялась и в других статьях, вышедших в 1960-е гг. – как по общим вопросам пропаганды и агитации [21], так и в статьях, посвящённых отдельным вопросам идеологической работы в Ленинграде [25; 30; 34].

Вехами отечественной историографии блокады в 1960-е гг. представляется возможным считать две книги² – коллективный труд «На защите Невской твердыни» [12], и пятый том «Очерков истории Ленинграда» [24]. Авторы первой книги, используя опыт своих предшественников, а также богатый архивный материал, впервые предприняли попытку более полно и системно подойти к рассмотрению вопросов политико-массовой работы. Был произведён анализ наиболее распространённых тем для докладов и выступлений, многие положения, вошедшие в канон блокадной литературы (о перестройке пропаганды с мирного на военный лад, источниках тем для выступлений, особенностях работы политорганизаторов и др.), были сведены вместе, в хронологическом порядке. Впервые были составлены также графики роста партийной организации Ленинграда в годы войны, и выдвинут тезис о взаимосвязи этого с лекционной пропагандой. Тем не менее, несмотря на свои достоинства, работа не лишена ряда недостатков – время от времени в книге можно видеть популярное, ненаучное изложение материала, а также общие пробелы советской историографии – недостаточное использование источников личного происхождения, общие слова о наступательном характере агитации и неполное рассмотрение собственно самого материала докладов, статей и выступлений. Эти же особенности сохранились и в коллективной монографии «Непокорённый Ленинград» [10].

В пятом томе очерков истории Ленинграда [24], фундаментальном труде коллектива авторов, также кратко рассматривались вопросы пропаганды и агитации, однако большее внимание уделялось всё же различным сторонам повседневной жизни, нежели деятель-

¹ Источники подобного рода если и использовались, то крайне редко и выборочно, с целью подтверждения исходной точки зрения об исключительно положительной роли Ленинградской партийной организации как в вопросах пропаганды и агитации, так и в любых иных.

² В других крупных работах, относящихся к 1960-м гг. [напр., 6], вопросы пропаганды либо не рассматривались, либо им уделялось несколько абзацев краткого описания, не содержащих какой-либо научной новизны.

ности партийной организации. В данной книге, тем не менее, помимо цифр и описания функций и задач различных средств пропаганды, был впервые представлен подробный анализ собственно содержания газетных статей и радиопередач, созданных профессиональными литераторами (этому была посвящена глава «Литературная жизнь»). Впервые было показано разнообразие жанров публикуемого в газетах и передаваемого по радио материала, показаны изменения форм литературной публицистики¹. Кроме того, была впервые предпринята попытка показать, как именно те или иные материалы влияли на формирование патриотизма горожан. Литературный анализ содержания средств пропаганды и агитации был новой и важной страницей в историографии.

Подобный подход к анализу отдельных средств пропаганды и агитации сохранился в вышедшей в 1973 г. коллективной монографии «Литературный Ленинград в дни блокады» [18]. Авторы продолжили начатую в 5-м томе «Очерков...» работу по анализу содержания газетных статей и радиопередач. В исследовании были подробно освещены все литературные жанры, деятельность газет и радио, проведён филологический анализ стихов и прозаических очерков, публиковавшихся в Ленинграде, особенности стилей выступлений по радио разных писателей. Были сделаны попытки критически подойти к оценке материала газет и радио, в частности, указывалось, что не все произведения писателей были одинаково сильным и эффективным средством пропаганды, существовали и проблемы формирования материала. Кроме того, было показано, как изменялось содержание подобных материалов на различных этапах блокады. Данная работа, на наш взгляд, и в настоящее время не утратила научной ценности, поскольку остаётся одной из немногих, анализирующих качественную, а не количественную составляющую советской пропаганды.

В 1970-е гг. появляется ряд трудов, в которых широко рассматривались и анализировались отдельные средства пропаганды и агитации, в противоположность крупным работам прошлых лет, авторы которых старались как можно более обще рассмотреть вопросы идеологической работы. Так, в 1975 г. была опубликовано исследование А.И. Рубашкина, посвящённое истории радио в блокаду [29]. Книга является наиболее полным исследованием ленинградского блокадного радио в советской историографии. В работе автор использовал материалы архива ЦГАЛИ СПб (в книге – ЛГАЛИ) и воспоминания участников обороны Ленинграда, что позволило ему подробно рассмотреть как сами материалы радио, так

¹ Например, рассмотрено значение и недостатки литературного очерка в газетах и радиопередачах [24, с. 677].

и их общее значение. Автор строго придерживается хронологического принципа изложения и в целом объективен в своих выводах, несмотря на цензурные условия советского времени и необходимость только положительно, не критически оценивать руководящую роль партии. Кроме того, А.И. Рубашкин не ограничился приведением цифр и общих слов о радиопропаганде и, продолжая традицию, заложенную в 5-м томе «Очерков...» и «Литературном Ленинграде», проанализировал содержание радиопередач и особенности стилей выступлений различных дикторов. Подобная информация представляется ценной для исследователей даже с учётом того, что собственно пропаганда и агитация не была основным предметом рассмотрения в данной монографии, поскольку автор старался так или иначе охватить все вопросы, связанные с блокадным радио. Стоит, однако, отметить, что источники личного происхождения, как и в предшествующих работах других авторов, использованы крайне выборочно, и никак не отмечено то, что помимо положительной тенденции восприятия пропаганды, могла существовать и негативная.

Другое исследование одного из средств пропаганды посвящено периодической печати осаждённого города [36]. Автор рассматривает особенности работы газет и журналов, выходивших в Ленинграде, указывает на изменение характера публикаций в связи с войной, приводится большое количество цифр, иллюстрирующих действия в городе низовой печати. Тем не менее материал периодической печати проанализирован не слишком глубоко; чаще анализ сводился к выдвиганию того или иного тезиса (например, о популяризации в печати традиций ленинградского пролетариата [36, с. 19]) и приведению в его подтверждение нескольких цитат из газеты¹. Можно сказать, что исследователь в стремлении охватить все стороны рассматриваемого предмета мог упустить отдельные немаловажные моменты, нуждающиеся в более подробном изучении.

Подобный подход, берущий начало в 1960-х гг., ярко проявляется и в работах, относящихся к 1980-м гг. В некоторых из них авторы следовали привычной канве изложения, ограничиваясь краткой общей описательностью [2; 8; 33]. В других трудах, таких как коллективная монография «Идеи партии – в массы. Из опыта организации партийно-политической пропаганды в Ленинграде и Ленинградской области, 1917–1982» [3], история пропагандистского воздействия на массы рассматривается более системно и подробно, даже с учётом того, что многое из приводимых сведений уже было опубликовано ранее. Другая коллективная монография «В годы суровых испытаний» [9] в своём рассмотрении агитационно-пропагандистской рабо-

¹ В исследовании давался ответ на вопрос, что писали. Вопрос как писали, подробно не рассматривался.

ты в Ленинграде повторяет, с некоторым сокращением, положения из исследований того же периода.

Обобщающей работой по вопросам пропаганды и агитации, как в 1980-е гг., так, возможно, и за весь советский период, представляется книга А.П. Крюковских «Во имя победы» [14]. Этот труд в значительной степени является суммированием опыта предшественников и личных изысканий автора. В монографии были рассмотрены вопросы перестройки агитации и её действия с соблюдением хронологического принципа изложения. Кроме того, отдельно были рассмотрены вопросы литературы и искусства, печати и радио. Можно видеть, что автор рассмотрел всё, что могло служить средством пропаганды и оказывать идеологическое воздействие на население. Необходимо, однако, отметить, что книга также не свободна от устоявшихся штампов о руководящей роли партии. В исследовании по-прежнему не нашли своего места источники личного происхождения. Кроме того, указания на какие-либо сложности в работе были редкими и не подвергались подробному рассмотрению¹.

Современная историография вопроса, несмотря на свободу от политической конъюнктуры и прямого государственного воздействия, крайне малочисленна. Однако свобода от цензуры открыла возможность нового подхода к исследованию тех или иных вопросов блокады. Новую веху исследований начинает вышедшая в 2000 г. монография О.Ю. Куликовой «Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения» [16]. В работе рассматривается деятельность органов пропаганды и агитации как важный фактор формирования патриотического сознания ленинградцев. Автор выдвигает новые положения, в историографии ранее не рассмотренные. Так, указывается, что в постановке работы по формированию патриотизма в стране и в Ленинграде имелось много общего, но в Ленинграде были свои специфические особенности, обусловленные блокадой.

Характерной чертой историографии нового времени можно считать прямое указание на жёсткость и требовательность партийного руководства, не считавшего возможным, в частности, в различных кампаниях полагаться на одну лишь добровольность [16, с. 45]. Кроме того, на конкретных примерах показано, что агитация и пропаганда могли сделать приоритетными отстаивание патриотических, а не классовых ценностей. Тем не менее сохраняется присущая со-

¹ Следует отметить, что годом позже автор указывает на это в своём историографическом обзоре, говоря о необходимости глубокого анализа не только положительных, но и негативных моментов в идеологической деятельности партии и её местных партийных организаций, включая Ленинградскую [15, с. 90].

ветской историографии традиция описательности с использованием большого количества цифр, а также недостаточно полное использование источников личного происхождения. Подобные явления могут служить ярким подтверждением существования определённой историографической тенденции, отойти от которой удаётся не всем исследователям.

В числе работ современного этапа следует назвать построенную на богатом архивном материале монографию Н.А. Ломагина «Неизвестная блокада» [20]. Несмотря на то, что вопросы политико-массовой работы не являются основным предметом исследования, приведённая в монографии информация представляется крайне важной для исследователей. Так, автор сумел отойти от описательной традиции советской историографии, показывая, в чём именно заключалась перестройка агитации на военный лад. Приводились ранее неизвестные свидетельства руководителей города о необходимости острых политических фельетонов в газетах [20, с. 119], о партийной учёбе и проблемах в изучении теории марксизма [20, с. 120]. Кроме того, была показана роль органов пропаганды и агитации в учёте и влиянии на настроения горожан, а также борьба советской и немецкой пропагандистских машин. Положения автора представляют собой новую веху в отечественной историографии как по изложенным фактам, так и по их интерпретации.

Исследования отдельных вопросов политико-массовой работы в блокадном Ленинграде в современной историографии относятся в основном к изучению радиовещания осаждённого города, но также не отличаются многочисленностью [7; 27]. Во многом эти книги являются обобщением накопленных данных по работе радио, следуя советской историографической традиции. В них кратко показаны содержание радиопередач, особенности дикторского искусства в общении с той или иной аудиторией, стилистические особенности выступлений различных дикторов, но во многом подобная информация излагалась ранее, что снижает ценность данных книг как самостоятельных исследований. Основной упор в выводах, даже при отсутствии партийной тенденциозности, также сделан на массовый героизм и мужественное преодоление трудностей.

В заключение необходимо отметить, что на настоящий момент в отечественной историографии отсутствуют работы, сочетающие в себе анализ содержания материала, который использовался различными средствами пропаганды и агитации, с количественной оценкой этого материала, а также с новыми данными о тенденциях его восприятия жителями Ленинграда. В свете этого исследования, направленные на синтез имеющихся многочисленных источников по теме с недавно опубликованными данными госучреждений, представляются особенно актуальными.

Список литературы

1. Аввакумов С.И. Большевики – организаторы обороны Ленинграда // Героический Ленинград. 1917–1942 / под ред. С. И. Аввакумова. – Л., 1943. – С. 214–229.
2. Акулов М.Р., Бредков В.Н., Васильев А.Ф. и др. Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу: 1941–1945 гг. – Л., 1980.
3. Аминина М.М., Воронцов Г.В., Крюковских А.П. и др. Идеи партии – в массы. Из опыта организации партийно-политической пропаганды в Ленинграде и Ленинградской области, 1917–1982. – Л., 1984.
4. Богуславский В. Боевая наглядная агитация // Пропаганда и агитация. – 1943. – № 6. – С. 34–35.
5. Борьба за экономию топлива и электрической энергии // Блокнот агитатора. – 1942. – № 22. – С. 3–48.
6. Василенко В.Е., Свиридов В.П., Якутович В.П. Битва за Ленинград 1941–1944. – Л., 1962.
7. Васильева Т.В., Ковтун В.Г., Осинский В.Г. Позывные мужества. Опыт Ленинградского блокадного радио. – СПб., 2009.
8. Волков В.С., Дзенискевич А.Р., Зубарев В.И. и др. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. 1918–1945. Т. 2. – Л., 1980.
9. Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Крюковских А.П. и др. В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. – Л., 1985.
10. Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград. – Л., 1970.
11. Карасёв А.В. Ленинградцы в годы блокады: 1941–1943 гг. – М., 1959.
12. Князев С.П., Стрешинский М.П., Франтишев И.М. и др. На защите невиской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1965.
13. Кожемякин Т. Политорганизаторы в домохозяйствах учреждениях // Пропаганда и агитация. – 1943. – № 1. – С. 33–36.
14. Крюковских А.П. Во имя Победы. Идеологическая работа Ленинградской партийной организации в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1988.
15. Крюковских А.П. Идеологическая работа Ленинградской партийной организации в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // Вопр. истории и историографии Великой Отечественной войны / под ред. И.А. Росенко, Г.Л. Соболева. – Л., 1989. – С. 81–91.
16. Куликова О.Ю. Формирование патриотического сознания в блокадном Ленинграде: проблемы и решения. – СПб., 2000.
17. Лебедев И. Политорганизаторы в домохозяйствах // Пропаганда и агитация. – 1943. – № 15. – С. 50–51.
18. Литературный Ленинград в дни блокады / под ред. В.А. Ковалёва, И.А. Павловского. – Л., 1973.
19. Лихоманов М.И. Массово-политическая работа Ленинградской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны // Учён. зап. Ленингр. ун-та. – 1960. – Вып. 33. – № 289. – С. 3–41.
20. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. – СПб., 2002.
21. Малкин Б.Г. Агитационно-пропагандистская работа Ленинградской организации КПСС в период обороны города (декабрь 1941 – март 1942 г.) // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1964. – Вып. 1. – № 2. – С. 18–28.

22. Мокшин С.И. Ленинградская партийная организация и её печать в годы Великой Отечественной войны // *Вопр. журналистики*. – 1960. – Вып. 2. – Кн. 1. – С. 63–88.
23. Некрасова А. О работе с населением в бомбоубежищах // *Пропаганда и агитация*. 1941. №17-18. – С. 57-58.
24. Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Период Великой Отечественной войны / под ред. В.М. Ковальчука, и др. – Л., 1967.
25. Погодина Е.Н. Коммунисты – организаторы трудовых подвигов ленинградских женщин на производстве (июнь 1941–1942 гг.) // *Вестн. Ленингр. ун-та*. – Вып. 3. – 1967. – №14. – С. 44–51.
26. Работа агитатора с газетой // *Блокнот агитатора*. – 1943. – № 33. – С. 3–43.
27. Радио. Блокада. Ленинград: сб. ст. и воспоминаний / под ред. Э.Г. Громовой и др. – СПб., 2001.
28. Роговский М. Из опыта пропагандистской работы заводской парторганизации // *Пропаганда и агитация*. – 1943. – № 23–24. – С. 53–54.
29. Рубашкин А.И. Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. – Л., 1975.
30. Ситникова Т.А. Коммунисты Выборгского района Ленинграда во главе трудового героизма в период блокады города // *Учён. зап. Ленингр. ун-та*. – 1960. – Вып. 33. – № 289. – С. 88–117.
31. Терентьев И. Из опыта работы агитколлектива // *Пропаганда и агитация*. – 1943. – № 6. – С. 36–37.
32. Тимофеева В. О практике политической работы в советских учреждениях // *Пропаганда и агитация*. – 1943. – № 23–24. – С. 50–52.
33. Тишунин В.Н. Публицистика блокадного города // *Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны* / под ред. И.А. Росенко, Г.Л. Соболева. – Л., 1989. – С. 110–120.
34. Хромова Ю.И. Деятельность политорганизаторов среди населения Ленинграда во время Великой Отечественной войны. (1941–1942) // *Вестн. Ленингр. ун-та*. – Вып. 3. – 1967. – № 14. – С. 52–62.
35. Цамутали А.Н. Заметки по историографии блокады Ленинграда // *Нестор: ежекварт. журн. истории и культуры России и Вост. Европы*. – 2005. – № 2. – С. 147–179.
36. Шапошникова А.П. Летопись мужества (Печать Ленинграда в дни войны). – М., 1978.
37. Ярославский Е. Советы агитаторам // *Блокнот агитатора*. – 1942. – № 12. – С. 17–29.

Истоки социального государства в Швеции

Данная статья определяет истоки «народного дома» в Швеции. В основе его лежали как культурно-исторические предпосылки, связанные с автономным общественным развитием и национальной гомогенностью, так и социал-демократическая идеология, базирующаяся на мощном рабочем движении. Как результат модернистские идеи социального переустройства изменили не только мышление, но и образ жизни шведов.

This article defines sources of the «people's home» in Sweden. Both cultural-historical preconditions connected with autonomous social development and national homogeneity and the ideology of social democracy lie in the basis of it. As a result, modernist ideas of social transformation have changed not only thinking, but Swedish way of life.

Ключевые слова: Швеция, СДРПШ, социал-демократия, «народный дом», государство, рабочее движение.

Key words: Sweden, SAP, social democracy, the «people's home», the state, labour movement.

Образ современной Швеции, экономические достижения и социальное благополучие связаны с деятельностью Социал-демократической рабочей партии Швеции (далее – СДРПШ). Её представителям удалось в относительно короткий срок переделать отсталое полуаграрное шведское общество в современное высокотехнологичное информационное государство. Однако власть социал-демократов никогда не была бесспорной. В исторической перспективе им приходилось искать поддержки у либералов и аграриев. В конце 1970-х гг. они уступили руководство «либеральным партиям», а ещё через десять лет, под конец 1980-х гг., было уместно говорить о крахе всей системы переговорного процесса. Тем не менее более чем пятидесятилетнее социал-демократическое правление характеризовалось внедрением уникальной по содержанию модели «народного дома». Модернистские идеи социального переустройства, с одной стороны, изменили мышление и образ жизни шведов, а, с другой – были порождением их же мировосприятия.

Социал-демократические ориентиры и уникальная форма «государства всеобщего благосостояния» являются итогом многовекового строительства политической культуры в этой стране. Почти во всём она носит индивидуалистский национальный характер. А её становление происходило в иных исторических условиях, чем это было в странах Западной Европы.

Решающим фактором, повлиявшим на появление в шведах стремления к социальной организации государства на основе равных возможностей, стало географическое расположение региона. Отдалённость этих территорий послужила естественным препятствием для проникновения сюда культурных и социально-политических европейских порядков. Римское влияние распространялось на Британию, Пиренейский полуостров, территорию между реками По и Рейном, но его не было по другую сторону Балтийского моря, в Скандинавии. Множественные племена, находившиеся под контролем Рима, объединялись культурным наследием империи, на смену которой после её распада пришло государство франков, также оставившее свой отпечаток. В итоге современная Франция, Германия, Великобритания переживали одни и те же исторические процессы – преобладание религии в общественной и политической жизни, жёсткую феодальную систему, Реформацию, эпоху Ренессанса...

Напротив, в Швеции все эти процессы не нашли своего полного выражения. Католическая церковь, проявившаяся здесь только лишь в XI в., была значительно стеснена рамками уложений отдельных шведских областей. Долгое время у неё не было своего епископства на этих землях, что препятствовало распространению богословского учения. Так, религиозная этика и основополагающие идеи христианства о божественном провидении, испытании, любви, смирении и терпении, милосердии и наказании за грехи, о загробной жизни и подготовке к ней в жизни земной не вошли в идеологию обывателей [2, с. 20].

Не было здесь и доктрины «двух мечей». В обычной жизни шведов христианство все ещё сочеталось с языческими представлениями, а многие церковные обряды были встроены в существующий общественный порядок. Например, назначение приходских священников и пономарей происходило вопреки папским указаниям на основе выдвинутых бондами кандидатур. Крестьяне уплачивали церковную десятину и соблюдали церковные каноны, но священнослужитель нёс ответственность перед ними. Все эти факторы позднее оказали существенное влияние на распространение среди населения протестантских идей Олауса Петри, которые выражались

не в форме религиозного противостояния, а нашли отклик среди населения и были приняты при поддержке государства.

Позиции дворянского сословия, как и духовенства, были слабыми. Феодальная система в Швеции начала складываться только в XII в., на несколько веков позже западноевропейских стран. По мере укрепления власти монарха менялась структура общественных отношений. Отдельные территориальные деления со своим законодательством были объединены Ландслагом. На смену старой системе формирования военных отрядов, когда каждый херад поставлял новобранцев из числа бондов, пришло рыцарство. Всё население, таким образом, разделилось на фрельсовых, способных по финансовым возможностям нести службу, и скаттовых, облагавшихся налогом взамен участия в военных походах. Это деление не имело чётких границ, и потому при определённых обстоятельствах пропорциональное соотношение свободных и податных крестьян могло меняться. Появилась также такая категория крестьян, как ландбу. Как правило, это люди, бравшие в найм землю у крупных собственников. Они не находились в личной и поземельной зависимости от них, как во многих странах феодальной Европы, но были юридически свободными. Отношение между ландбу и землевладельцами сводилось к оплате оброка и других платежей. Но ни они, ни остальное податное крестьянское население не ощущали феодальной зависимости. «Досовременная Швеция, – пишет профессор экономической истории Лундского университета М. Рохас, – характеризовалась свободой крестьянства и отсутствием крепостничества и феодальной традиции. Это была страна, испытывающая недостаток сильного дворянства, доминирования городов и буржуазного среднего класса; аграрная нация, основанная на бедном, но свободном крестьянстве» [9, р. 9].

На протяжении веков, предшествовавших образованию современного шведского государства, именно крестьянство было краеугольным камнем шведского общества. Традиционная крестьянская семья, рассматривавшаяся как единица экономического производства, была довольно самостоятельной, хотя и неизменно балансирующей на грани голода и исчезновения ввиду естественных обстоятельств, таких как плохой урожай, с одной стороны, или социальных обстоятельств как, например, высокое налогообложение или война – с другой. Во времена викингов бонды формировали тинг и избирали лагмана, участвовали в военных кампаниях. Во многом это были люди независимые ни от церкви, ни от дворянства, а их самоуправления функционировали и после образования феодальной системы, частично поддерживая закон и порядок, а частично решая экономические разногласия и тяжбы по поводу прав

владения. Сверх того они занимались вопросами налогообложения и взносов и осуществляли или подтверждали выборы доверенных лиц или местных чиновников. Государство признавало местные органы и выборных лиц, но изменяло их посредством управления и контроля в свой послушный инструмент. Бондам, в свою очередь, удалось пожеланиями и требованиями усовершенствовать хёвдунгов, королей и центральные органы власти. В итоге с течением времени в политической структуре Швеции произошло слияние государственных и локальных институтов власти в единую сеть в пределах от местного самоуправления до Риксдага и Королевского совета. А на её основе появились институты, ответственные за такие жизненно важные аспекты, как медицина, образование, социальное благополучие. Поэтому неудивительно, что уже в 1763 г. в Швеции была принята система социальной помощи, ориентированная на так называемых «достойных нуждающихся» (неможных, инвалидов, стариков).

Деревенское население поддерживало тесные контакты с городскими жителями. Объяснялось это, прежде всего, малочисленностью городов, их бедностью и полуаграрным обликом (Стокгольм превратился в большой город и столицу в европейском стиле только в XVII в.). Наличие в деревне рынков, существование там постоянной и значительной прослойки ремесленников-специалистов также сближало городское и сельское населения.

В итоге отсутствие чётко обозначенных границ между четырьмя сословиями избавило Швецию от острых внутренних конфликтов, присущих странам Западной Европы, и подготовило основу для таких социал-демократических ценностей, как свобода, равенство и братство (солидарность). Замечание датского социолога Ё. Эспинг-Андерсена о том, что шведская социал-демократия всегда искала решения в общенациональном масштабе, подтверждает этот факт [3, с. 76]. Действительно, социал-демократия здесь очень сильно связана с национальным мировоззрением и поиском компромиссов как на бытовом уровне, так и на политическом. Однако у такого уклада жизни есть свои противники из числа иностранных исследователей.

Отличное от Европы развитие общественных отношений в Швеции стало основой для критики её современной политической системы. Так, можно отметить, что журналист Р. Хантфорд в своей книге «Новые тоталитаристы», анализируя исторический фон концепта «народного дома», приходит к выводу, что швед слаб перед государственным аппаратом: «изоляция, игнорирование и любовь к иерархии сделали шведов податливыми в управлении, а отождествление церкви и государства подарило политикам выгоду» [7, р. 24]. Отсутствие многих процессов, через которые прошли западноевро-

пейские страны (Реформация, эпоха Возрождения) сказало, полагает Хантфорд, негативно на развитии свободного общества в этой стране. Вместо этого здесь усилился деспотизм при «уникальном превосходстве» бюрократии, что в дальнейшем нашло отражение в модели «народного дома». Сам же швед никогда не выделялся из группы, но был частью чего-то большего, например, клана или партии. Он сохранил нетронутой преданность иерархическому порядку и корпоративной организации. В итоге Швеция XX в. была страной, чуть ли не средневекового мышления.

Его точку зрения опровергают историки Х. Берггрен и Л. Трэгорд. По их мнению, Хантфорд весьма поверхностен в суждениях, а шведский общественный договор рассматривается им со своей специфической культурной точки зрения. В противовес ему они указывают на то, что региональной традиции не свойственно ожесточённое противостояние отдельных политических групп, в то время как в США и Германии данное явление имеет место быть. «Государство, – отмечают Берггрен и Трэгорд, – поддерживалось эффективным, но бессильным служивым дворянством и крестьянством, которое избежало крепостного права и могло защищать свои гражданские права как на местном, так и на государственном уровне» [4, р. 42]. А это означает, что подавляющее большинство населения Швеции обладало социальными и политическими свободами.

Другим фактором, повлиявшим на всеохватность и универсальность социального государства в Швеции, стала относительная гомогенность населения. Вливание иностранной крови, за исключением саамов и финнов на севере, не образовало значительного меньшинства, которое дифференцировалось бы на расовой, религиозной или национальной почве.

И, наконец, успеху модернистского социально-политического курса способствовало то, что уже на ранней стадии были очевидны конфликты интересов между капиталом и трудом. Эти конфликты произрастали непосредственно из положения, в котором оказалось трудовое население Швеции к XX в. Величина среднегодового дохода рабочего при десяти – одиннадцатичасовом рабочем дне и шестидневной неделе не позволяла ему поддерживать достойный уровень жизни. Он был вынужден проживать в крайне стеснённых условиях. Его рацион питания был скудным. Недоедание, разнообразные болезни (туберкулёз, желудочно-кишечные заболевания), тяжёлые условия на производстве провели естественный барьер между капиталом и трудом. Кроме того, большая часть трудового населения не имела права голоса.

В таких обстоятельствах со второй половины XX в. в Швеции зарождается рабочее движение. Оно было частью целой волны на-

родных движений (движения евангелистских церквей, ордена правверных тамплиеров или движения борьбы за трезвость). Все они стремились организовать и обучить население. Ярким тому подтверждением может служить первая независимая рабочая организация, «Типографское объединение» (1846 г.), утверждавшая, что её цель – польза, удовольствие и образование.

Со временем шведское рабочее движение превратилось в единую мощную силу. Это стало возможным, как утверждает профессор кафедры международных отношений университета Билькента (Турция) Д. Тсарухас, по двум причинам. Во-первых, как нигде в Западной Европе одни и те же люди создавали и партию, и профсоюзы. А во-вторых, СДРПШ и ЦОПШ (Центральная организация профсоюзов Швеции) происходили из низов и потому способствовали развитию движения с организационными ячейками по всей стране [10, р. 35].

Одновременно с подъёмом рабочего движения в Швеции активно распространялись социалистические идеи. Значительное место в их популяризации отводится Перу Ётреку, Акселю Даниельссону, Августу Пальму и Яльмару Брантингу. Благодаря переводам сначала работ А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Э. Кабе, а затем «Манифеста коммунистической партии» (1848) массы рабочих смогли ознакомиться с этой идеологией. Появившись как своеобразная революционная утопия, она изначально ставила своей целью замену общества, основанного на принципах частной собственности и рыночной экономики, принципиально иным, опирающимся на коллективную собственность. Со временем внутри неё произошёл раскол на два течения: революционное и реформистское.

Первое, революционное направление, концентрировалось на резком насильственном переходе от капитализма к коммунизму, на национализации средств производства и коллективизации, на гегемонии пролетариата. Самые известные его представители – большевики.

Другое направление, сторонниками которого были Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, придерживалось реформистского пути в достижении социалистических целей. Он подразумевает использование демократических принципов. «Демократия, – заключает К. Каутский, – есть необходимое условие создания социалистического способа производства. И только при влиянии её пролетариат достигает той зрелости, которая необходима ему для ведения социализма» [1, с. 55].

С точки зрения социал-демократов, коллективная собственность должна быть организована через профсоюзные организации.

Такой подход называется «синдикализмом». Рабочие кооперативы должны стать одним из вариантов данной формы собственности.

Государство благосостояния – конечная цель социал-демократов. Оно тщательно построено на принципах универсализма, равенства, социальных гражданских прав и эффективности. Требование обременительных государственных расходов есть неременное условие поддержания его оптимальных стандартов социальных услуг и льгот. И чем богаче общество, тем финансовых затрат становится больше. Чтобы общественный сектор мог поддерживать оба принципа – универсализма и солидарности – необходимо осуществлять маргинализацию рынка. Поэтому государство благосостояния должно удовлетворять не только базисные потребности, но и вкусы рабочего класса, который становится более состоятельным, а также разборчивого среднего класса [3, с. 72].

Шведское рабочее движение выбрало второе направление. Однако в сознании его лидеров социал-демократия приобретала очертания практического действия. Поскольку классового противостояния здесь не наблюдалось, представители СДРПШ были избавлены от абстрактных заявлений. Социализм, согласно Я. Брантингу, – не что иное, как открытие глаз для социального процесса. Важно понять, в каком направлении он идёт и, отталкиваясь от этого, изменить социальные учреждения [5]. Другой видный деятель шведской социал-демократии, А. Пальм, описывает жизнь рабочего в своей речи в отеле «Стокгольм» Мальмё от 6 ноября 1881 г. Отвечая на критику со стороны других партий, он приводит доводы в защиту, соотносясь с существовавшими на тот момент проблемами в Швеции. В них нет лозунгов и призывов к активной борьбе, но есть чёткое осознание необходимости социальных изменений [8].

После выступления А. Пальма был инициирован интенсивный период социалистической агитации, направленный и на мастеров, и на представителей неквалифицированного труда, и на безработных и закончившийся созданием Социал-демократической рабочей партии. Я. Брантинг, чья активная деятельность, в том числе и на посту премьер-министра, долгое время определяла внутривнутрипартийный курс СДРПШ, стал её лидером.

В 1892 г. появились социалистическое молодежное движение и Стокгольмский общественный женский клуб (Stockholms allmänna kvinno klubb), предшественник женской социал-демократической федерации.

Создание Рабочей образовательной организации в 1912 г. способствовало обучению большого числа рабочих экономике, политической науке и новейшей истории. «Посредством обучения, курсов и конференций они (рабочие) приобрели ценные знания о шведском

обществе и об организации социальной помощи. И страсть, которая всегда лежала за помыслами непрерывного социального прогресса, сама получила конкретное направление» [6, р. 1]. Всё же зарождающееся шведское рабочее движение не имело чёткого плана проведения социальной политики.

Тем не менее в Швеции уже во второй половине XIX – начале XX в. происходили существенные изменения в социальной сфере. Например, наиболее остро стоял вопрос о пенсионном страховании. Ещё в доиндустриальной Швеции было обычным делом проживание людей преклонного возраста со своими детьми. По законодательству и традиции они несли ответственность за престарелых родителей и близких родственников-инвалидов. Нуждающиеся старики как неимущие полагались на муниципальные богадельни, рассредоточенные по коммунаам. Их деятельность регламентировалась постановлением о богадельнях от 1878 г.

Однако уже в 1884 г. началось серьёзное обсуждение вопроса о пенсиях. Его инициировал парламентарий Риксдага от либеральной партии С.А. Хедин. Суть предложения сводилась к введению страхования по старости и инвалидности для трудящегося населения. Чуть позже, в 1906 г., состоялся конгресс по проблеме ухода за немощными и бедными. Итогом стало принятие в 1913 г. закона о всеобщих народных пенсиях при активном участии СДРПШ и Я. Брантинга в особенности.

Одновременно с изменениями в пенсионной политике наблюдалось улучшение законодательной базы в области семьи и материнства. Женский труд на производстве был крайне тяжёлым, он не учитывал такого фактора, как рождение ребёнка. И в целом вся моральная ответственность за детскую смертность возлагалась на матерей. Но в 1900 г. вышел новый закон об охране труда, одно из положений которого касалось женщин, имеющих детей. Законом предусматривался четырёхнедельный отпуск по уходу за новорожденным. В 1912 г. он был увеличен до шести недель. В нём, однако, не было места положению о денежных пособиях, так как по умолчанию предполагалось наличие мужчины в семье.

Подводя итог, можно сказать, что идея «народного дома» появилась не случайно. В основе её лежали как культурно-исторические предпосылки, связанные с автономным общественным развитием и национальной гомогенностью, так и социал-демократическая идеология. Рабочее движение здесь отличалось стремлением к самообучению и поиску компромиссов по наиболее острым социально-политическим вопросам. В дальнейшем оно стало мощной силой с отделениями по всей стране. Кроме того, социал-демократия не встретила конкуренции в лице других партий, так

как исторически для Швеции не свойственно классовое противостояние. Возникновение «государства всеобщего благосостояния» шло, таким образом, в условиях общенациональной поддержки. Несмотря на то, что лидеры СДРПШ не представляли полной картины социально-экономических преобразований, в государстве уже была заложена основа для таковых. С 1930-х гг. она получит иной вид у теоретиков шведской модели и станет фундаментальной её частью.

Список литературы

1. Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. – М., 2002.
2. Сванидзе А.А. Вера и приходская церковь в средневековой Швеции // Северная Европа. – 2007. – № 6. – С. 5–41.
3. Эспинг-Андерсен Ё. Создание социал-демократического государства благосостояния // Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции / под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка. – М., 2001. – С. 71–111.
4. Berggren H., Trägårdh L. Är svensken människa? Gemenskap och oberoende i det moderna Sverige. – Stockholm, 2006.
5. Branting H. Hållet första gången på inbjudan af gefle arbetareklubb den 24 okt. 1886.
6. Gårdlund T. Kriget och de sociala reformerna // Tiden. № 1. Stockholm, 1940. – P. 1–8.
7. Huntford R. The New Totalitarians. – London, 1971.
8. Palm A. Speech at Hotel Stockholm, Malmö, 6 November 1881.
9. Rojas M. Sweden after the Swedish Model. From Tutorial State to Enabling State. – Stockholm, 2005.
10. Tsarouhas D. Social Democracy in Sweden. The Threat from a Globalized World. London, 2008.

УДК 94(470.023).081/083:352.075

Ю. Н. Мельникова

Формирование корпуса гласных Олонецкой губернии в период становления земских учреждений

В статье анализируются проблемы становления органов местного самоуправления на территории Олонецкой губернии. Особое внимание уделяется действиям администрации в данный период. Рассматривается состав гласных первых земских учреждений.

Article analyzes problems associated with the period of formation of local governments in the territory of Olonets province. Special attention is paid to the activity of administration during this period. Article describes the structure of the first zemstvos.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, Олонецкая губерния, земские гласные, губернатор, уезд, сословие.

Key words: local governments, Olonets province, member of zemstvo, governor, district, estate.

Согласно Положению 1864 г. о губернских и уездных земских учреждениях в России вводились органы местного самоуправления – земства, в их ведение передавались дела, касающиеся местных нужд губерний и уездов [8]. Введение земских учреждений на территории Олонецкой губернии вызвало определенные трудности. Согласно закону земские учреждения были объявлены всесословными, однако правительство рассчитывало на преобладание дворян в губернских и уездных собраниях и управах, рассматривая представителей данного сословия как основную созидательную силу земских учреждений. В данной губернии практически отсутствовало крупное и среднее дворянское землевладение, поэтому состав гласных не мог соответствовать представлениям правительства, добиться доминирования представителей от дворянства в составе земских гласных не представлялось возможным. Эту особенность подчеркивали в своих трудах многие исследователи [1; 4; 7; 13].

Олонецкий губернатор Ю.К. Арсеньев, политический деятель, закончивший в 1838 г. Царскосельский лицей, сын известного ученого – экономиста и историка К.И. Арсеньева, активно включился в ра-

боту по организации земских учреждений на вверенной ему губернии. Он понимал, с какими проблемами придется столкнуться «юным» земским учреждениям: недобор гласных, отсутствие опыта общественной работы у большинства будущих земских деятелей, нехватка дворян в собраниях и управах. Оценив образ потенциальных избирателей, Ю.К. Арсеньев в 1864 г. отправил в министерство свои соображения по данному поводу. «За исключением уездов Вытегорского и Лодейнопольского, в земских учреждениях Олонецкой губернии приняли бы участие только крестьянство, купечество и духовенство» [3, с. 184].

В своем письме губернатор с недоверием отзывался о будущих избирателях и гласных. Крестьян он характеризовал как людей трудолюбивых, но «на первое время они едва ли станут заботиться о широких уездных и губернских интересах и будут заинтересованы лишь теми, что коснется их деревни, общества, волости» [3, с. 185].

Купечество в общей своей массе, по мнению губернатора, заботится лишь о своих минутных выгодах, не проявляя при этом интереса к нуждам губернии. «Равнодушные ко всему, кроме насущного барыша, торговцы до сих пор проявляли свое усердие к общественным делам только молчанием в комитете о земских повинностях и в подневольном участии в службе по городским выборам... Сколько бывших городских голов, бургомистров, ротманов и главных стояло и стоит под судом за взятки, утайку общественной собственности или растрату ее» [3, с. 185].

Что же касается духовенства, то представители этого сословия также не внушали доверия Ю.К. Арсеньеву, несмотря на образование и опыт руководства приходами. «Местные священники ни о чем не заботятся, кроме своих треб и добывания от них денег, самое знание непосредственно окружающего их края весьма недостаточно. Из всех священноцерковнослужителей, сколько мне известно, только двое или трое занимаются усердно землевладением и принесли примером своего хозяйства пользу окрестным поселянам» [3, с. 186].

Недоверие и критическое отношение к избирателям и их кандидатам заставило либерально настроенного губернатора просить правительство внести ряд изменений, касающихся избирательного ценза, на территории Олонецкой губерний. Он надеялся дать доступ в земство местной интеллигенции и мелкому чиновничеству, «число таких выборных было бы немногочисленно и никак не ослабило бы значения представителей недвижимой собственности, торговли и промышленности; но эти немногие принесли бы с собою привычку к умственному труду. Просвещенное внимание к нуждам края и понятие о гражданской ответственности» [3, с. 187]. Предложения губер-

натора были в министерстве рассмотрены, но никаких изменений в законе специально для Олонецкой губернии сделано не было.

Земские учреждения начали свою работу в 1866 г. Выборы в собрания и управы прошли на общих основаниях. Вот что пишет в своем письме на имя министра внутренних дел губернатор Ю.К. Арсеньев 5 ноября 1866 г.: «смотря на списки гласных, вызывая перед свою мысль личности, которым принадлежат эти имена, невольно испытываю чувство глубокого разочарования и тяжкого опасения за будущее; лучшие люди (за исключением духовенства) почти повсеместно отказались от участия в земских собраниях: в числе избранных от землевладельцев и городов преобладают не способности, ничтожество или же...не добросовестности» [15. Д. 40. Л. 7].

Губернатор высказывал опасения относительно неспособности крестьян и духовенства на самостоятельную деятельность. Он предполагал, что гласные от этих сословий будут подвержены влиянию представителей крупной земельной собственности, торговли и промышленности, при этом избранные от этих элементов, по мнению Ю.К. Арсеньева, «преследуют корыстные интересы, и земскую деятельность рассматривают как средство для обогащения и изменение социального статуса» [15. Д. 40. Л. 8].

Характеризуя гласных от землевладельцев и городов, он подчеркивал, что одни никогда не занимались сельским хозяйством, другие нечисты на руку, «многие составили себе славу искусством брать взятки и никогда не попадаясь» [15. Д. 40. Л. 8].

Серьезные опасения губернатора за будущее хозяйство вполне можно объяснить: с одной стороны, успешной работой местной администрации: строительство дорог, мостов, открытие школ и больниц. С другой стороны, очевидно, что именно это и являлось главной причиной критического отношения к гласным, нежелания передавать отлаженное дело и достаточно крупные суммы в руки представителей недворянских сословий. Подтверждением данному выводу служит письмо Ю.К. Арсеньева: «в Олонецкой губернии, по крайней мере на первое время, администрации будет предстоять совершенно особая и неожиданная задача: оберегать земские интересы от земских деятелей» [15. Д. 40. Л. 9].

Анализ состава первого губернского и уездных земских собраний, демонстрирует существенное отличие Олонецкого земства от большинства земств России, такого слабого представительства дворян в земских учреждениях практически нигде не было. В губернском земском собрании в 1867 г. гласных дворян – 26,6 %, купцов – 13,3 %, мещан – 6,6 %, духовенство – 13,3 %, крестьяне составляли 40 % от общего числа гласных [3, с. 210]. Что же касает-

ся более демократичных уездных собраний, выборы в которые прошли в 1866–1867 гг., то крестьяне получили там большинство – 57 %, дворяне в уездных собраниях составляли лишь 11,8 % от общей численности гласных, представители от купечества набрали 9,7 %, мещане – 5,4 %, а духовенство – 16,1 % [3, с. 202–205].

Реакция со стороны губернатора на состав собраний и выбранных ими управ была незамедлительная. Из конфиденциального отношения господину министру начальнику Олонецкой губернии от декабря 1866 г.: «состав управ везде дурен, а в Вытегре (самом богатом и промышленном уезде) – даже безобразен. Там в председатели и в члены управы избраны крестьяне; из них один вовсе безграмотный, двое горькие пьяницы» [15. Д. 40. Л. 22]. Критика губернатора коснулась не только выбранных крестьян, «местный уездный судья, надворный советник Панафидин – человек лукавый, корыстный и вполне неблагонамеренный. Стоит только побольше личностей подобных г. Панафидину (а их здесь не мало) пустить в земские управы, чтобы водворить в Олонецкой губернии систематическое воровство» [15. Д. 40. Л. 22].

На первом заседании губернского земского собрания, которое состоялось 18 июля 1867 г., губернатор Ю.К. Арсеньев выступил со следующей речью: «Привет и глубокое сочувствие вам, первые представители Олонецкого земства. Если какой-либо край нуждался в просторе земской самодеятельности, так это конечно наш – обширный и обильный минеральными богатствами и лесами, но бедный развитием личной инициативы промышленного труда, сознательной мысли» [3, с. 212]. Горечь разочарования была скрыта в этих словах, губернатор был полностью уверен, что земское дело будет загублено.

На одном из заседаний губернского собрания рассматривался вопрос о сокращении управ, возможность избавиться от лишних расходов и неблагонадежных гласных была радостно встречена губернатором. «Настоящие выборные решительно не понимают высокого своего призвания: одни отказываются вовсе от службы по земству, других прельщает жалование, а третьи (и это большинство) рассчитывают не на устройство хозяйства общественного, а на личные выгоды... Теперь, более чем когда-либо, присмотревшись к начинаниям и прислушавшись к рассуждениям Олонецких земских деятелей, – я готов подтвердить все вышесказанное в конфиденциальных письмах, – не принесет земство пользы краю – управы скоро растратят деньги, с таким трудом собранные, в последние пять лет администрацией (78 тысяч) и ныне переданные уже Казенною палатой в распоряжение Губернской управы, а затем, что будет дальше, покажет близкое будущее» [15. Д. 40. Л. 68].

И вновь в министерстве не согласились с выдвинутыми предложениями. Можно сделать вывод о том, что правительство, понимая всю сложность положения в Олонецкой губернии, боялось создать прецедент для других земств, опасаясь ненужной либерализации данных учреждений. Поэтому попытки олонецкого губернатора сократить управы, ввести в состав земских деятелей местную интеллигенцию и представителей мелкого чиновничества остались не реализованными.

В 1870 г. Ю.К. Арсеньев покидает Олонецкую губернию в связи с высочайшим указом о его назначении тульским губернатором [11, с. 463].

На второе трехлетие гласными губернского собрания были избраны крестьян 50 %, дворян и купцов по 16,6 %, мещан и священников по 8,3 %. При этом состав губернского собрания практически полностью обновился, за исключением купца Е.Г. Пименова и состоявших в первых уездных собраниях дворянина Д.О. Рыгельского, крестьян П.Н. Зайцева, М.И. Максимова, Г.М. Попова [12, с. 1,099–1,100].

С 1870 по 1890 г. Олонецкую губернию возглавил Г.Г. Григорьев, опытный администратор с широкими, демократическими взглядами, за 23 года служебной деятельности прошедший путь от рядового служащего канцелярии военного министерства до действительного статского советника [5]. Г.Г. Григорьев не только общественными заботами был связан с Олонецким земством. Его женой была Е.В. Савельева, сестра потомственного дворянина В.В. Савельева, выбранного в 1879 г. председателем Олонецкой губернской земской управы. Состав земских учреждений за этот период времени не подвергся качественным изменениям, однако серьезной критики, как было при прежнем губернаторе, не вызывал. Возможно, демократические взгляды нового губернатора, его непростая жизнь, семейные узы повлияли на реалистичную оценку корпуса гласных. Г.Г. Григорьев сумел обеспечить конструктивную работу администрации и земства. Земские гласные, в свою очередь, накапливали опыт, что положительным образом отражалось на состоянии дел в губернии.

Постепенно в Олонецкой губернии начали складываться небольшие группы гласных из купцов, дворян и крестьян, которые заняли ведущие позиции в земстве. Для этих людей деятельность в земских учреждениях становилась не только делом общественным, но и семейным. Представители купеческих династий Малоокрошечных – Базегских [8], Пименовых [9], дворян Нееловых, Ратьковых активно участвовали в жизни губерний и уездов. Значительный вклад в развитие земского дела внес петрозаводский купец Н.Ф. Пикин,

его женой была Е.Г. Пименова, сестра городского головы Е.Г. Пименова [14]. Земский долгожитель, потомственный дворянин В.В. Савельев был председателем Олонецкой губернской управы с 1879 г. до добровольной отставки в 1905 г. За многолетний труд он удостоился чести быть избранным членом Государственного Совета от Олонецкой губернии [6, с. 18]. А.Л. Чекалев, новолодожский купец, служивший земскому делу с 1873 г., за полезную и усердную деятельность был награжден званием личного, а затем и потомственного почетного гражданина [17. Д. 2008. Л. 1–2]. В 1892 г. его сын Яков Чекалев также был избран гласным. Крестьянин М.Ф. Воробьев с 1867 г. был постоянным гласным от Вытегорского уезда, он продолжил свою службу и в 90-е гг. XIX в. [16. Д. 2216. Л. 31]. С 1873 г. А.И. Коротяев, крестьянин, в течение 20 лет избирался гласным от Каргопольского уезда [16. Д. 2216. Л. 33]. Благодаря активной работе этих земских деятелей, их связям, финансам и представлениям о благополучии края эффективно решались социально-экономические проблемы Олонецкой губернии. Значительных результатов удалось достигнуть в деле народного просвещения и здравоохранения.

Таким образом, оценив сословный состав гласных земских учреждений в 60–70 гг. XIX в., Олонецкое земство можно назвать земством крестьянским. Однако следует отметить, что крестьянство не сумело реализовать полученное большинство, не стало ведущей силой в земских органах. Да, видимо, несильно и желало, свидетельством тому служит частая смена гласных представителей от сельских обществ, за редким исключением крестьяне не избирались на второй срок. Не обладая ни образованием, ни тягой к общественной деятельности, крестьянство расценивало последнюю лишь как очередную тяжкую повинность. Для Олонецкого земства характерным стало образование семейно-корпоративных групп гласных, которые в конечном итоге возглавили земскую работу, что в целом дало положительные результаты.

Список литературы

1. Баданов В.Г. Земское самоуправление в Олонецкой губернии: организация и деятельность. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agsvologda.ru/download/old/pdf/112010/Badanov.pdf> (дата обращения 16.08.2012).
2. Барышников Н. Несколько цифр о деятельности Олонецкого губернского земства. – Петрозаводск, 1903.
3. Бузин В.И. История Олонецкого земства. – Вып. 1. Дореформенный период и введение земских учреждений. – Петрозаводск, 1917.
4. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. – СПб., 1911. – Т. 3.
5. Вдовинец Е.В. Олонецкий губернатор Григорий Григорьевич Григорьев - [Электронный ресурс] – URL: http://www.rkna.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=313%3A2009-02-24-07-07-41&catid=151&Itemid=1 (дата обращения: 20.08.2012).

6. Деятели России. – 1906. – СПб., 1906.
7. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. – М., 1968.
8. Кораблев Н.А. Пудожское купечество. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/37/811.html> (дата обращения: 16.08.2012).
9. Кораблев Н.А. Династия Пименовых. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://vepsia.ru/ludi/Pimenov.php> (дата обращения: 20.08.2012).
10. Мошина Т.А. Юбилейные даты городских голов города Петрозаводска XIX века. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://library.karelia.ru/kalend2010/kalendar2010/months/html/1820.html> (дата обращения 16.08.2012).
11. Олонецкие губернские ведомости. – 1870. – 3 июня.
12. Олонецкие губернские ведомости. – 1870. – 16 дек.
13. Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. – М., 1977.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 39. № 40457. – СПб., 1867.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 92.
16. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27.
17. РГИА. Ф. 1405. Оп. 88.

**«Поэт в России, больше чем поэт»:
Эзопов язык русских конституционалистов (1880-1904 гг.)**

В статье дан анализ русской стихотворной публицистики конца XIX – начала XX в., в котором содержались прозрачные намеки на необходимость создания в России центрального выборного представительства. Эти стихотворения рассматриваются в связи с конституционалистскими ожиданиями большинства русского общества. Обращается внимание на то, что публикация этих произведений происходила в условиях смягчения цензурного режима и при возрастающей растерянности власти.

This article analyzes the Russian poetic journalism in late XIX – early XX centuries that contained transparent hints about the need of forming of the central electoral representation in Russia. These poems are considered in connection with the constitutionalistic expectations of the most of the Russian society. It is noted that the publication of these works took place in the conditions of mitigation of the censorship regime and the increasing of the loss of power.

Ключевые слова: самодержавие, конституция, интеллигенция, цензура, стихотворение, публицистика, либерализм.

Key words: autocracy, the Constitution, intelligentzia, censorship, poem, essay, liberalism.

Взаимное отчуждение либеральной интеллигенции и самодержавной власти внесло немалую лепту в политическое брожение пореформенной России. Тот факт, что Россия 1870-х – начала 1900-х гг., была (наряду с Османской империей, впрочем, в 1876 г. на короткое время введшей конституцию) единственным европейским государством, лишенным центрального выборного представительства, вызывал особое недовольство не только радикалов, но и сравнительно умеренных общественных сил. Ведь и славянофилы, выступавшие против имитации западных политических образцов, отстаивали «народосоветие» земских соборов, по выражению А.И. Кошелева, ожидая «конституцию в русском платье» [6, с. 78].

Постепенно введение «народного представительства» стало восприниматься как панацея, средство автоматического решения всех насущных государственных проблем. Даже открытый противник форсированного отказа от самодержавия К.Д. Кавелин писал в 1862 г.: «Конституция – вот что составляет теперь предмет тайных и явных мечтаний и горячих надежд дворян; она во всех устах и серд-

цах; об ней толкуется во всех кружках, в столицах и захолустьях» [5, с. 151].

Несмотря на то, что в некоторые периоды истории пореформенной России (например, во второй половине 1860-х гг.) антисамодержавный натиск и ослабевал, все же вера в то, что: «В русской истории за А, т. е. освобождением крестьян, неминуемо должно последовать и Б, т. е. конституция» [7, с. 342], оставалась неизблемой, невзирая на все препятствия. Публицист Г.А. Де-Воллан саркастически писал в 1881 г.: «Русское общество и грезит и бредит конституцией, как ребенок накануне сочельника о елке <...>. Что-то детское, наивное сказывается в этом неудержимом желании» [3, с. 131]. Такая «тоска по конституции» во многом была проявлением недоверия к власти и доверия к самим общественным силам, которым, как казалось многим, надо только дать развернуться – и последует процветание страны. [1, с. 304–333; 2, с. 500–552]. Жалобы на внешние препятствия вообще всегда более распространены, чем призывы к самокритике и самоорганизации.

Разумеется, подцензурная пресса не могла прямо высказывать свою оппозиционность режиму абсолютной монархии. Тем не менее, как показывает исторический опыт, распространенное в обществе настроение все равно проявится в прессе, пусть и в форме прозрачных намеков, подобных заключительной фразе в фельетоне газеты «Русский мир» в начале 1879 г.: «Против болезни конституциональной следует употребить и лекарство конституциональное» [10]. Настоящий текст о том, как стремление интеллигенции к полноценному участию в политической жизни страны выражалось в форме публикации стихов, в которых недвусмысленно намекалось на необходимость переустройства центральных органов власти. Подобная возможность предоставлялась в периоды смягчения цензуры и лихорадочного ожидания важных перемен «сверху» – «Диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова (1880 – начало 1881 гг.) и «весны» П.Д. Святополк-Мирского (рубеж 1904–1905 гг.).

1 января 1881 г. в новогоднем номере популярной и отнюдь не радикальной газеты «Новое время» на видном месте, рядом с передовой статьей, была помещена следующая «Загадка»:

Мое первое – все, что дается земле
Как носитель и двигатель мысли,
И таится в груди и блестит на челе,
Это все не сочтешь, как ни числи!
Труд, богатство, надежда, любовь и права,
Голос родины, жизни основа.
Чем и корни живут, и сияет листва,
И к чему мы давно уж готовы!

А второе мое – генерал от церквей;
Много их, и маститых и славных;
Принимают в себя миллионы людей:
Все-то ближних людей православных.
Жарко молятся в них, кто тихонько, кто вслух.
Под высокими их куполами
На единое стадо, единый пастух светло-синими смотрит очами.

А уж все-то мое, то два слова таких,
Что уж лучше их, право, не будет.
Тем призывом святым из дворцов золотых
Царь-отец непременно разбудит.
Не новы те слова... вспомнит их голова.
В мощь большую они обратятся.
Станет жить, что теперь прозябает едва,
Будут люди и силы родятся! [4].

Читатели сразу поняли, что разгадка проста и актуальна – «Земский собор». Именно он, по мысли редактора газеты А.С. Суворина, давно называвшего себя «земскособорником», должен был оживить и разбудить страну. Отметим, что в этом неуклюжем по форме стихотворении подчеркивается готовность народа к созыву собора и традиционность этого органа для государства – давний мотив славянофильской идеологии, к которой во многом и примыкал тогда Суворин, часто, впрочем, менявший направленность издания.

Значительно искуснее продемонстрировал распространенность конституционных толков среди самых разных общественных кругов – от националиста-англофоба до радикального земца – известный стихотворец-виртуоз Д.Д. Минаев. В начале 1880 г. он поместил в сатирическом журнале «Будильник» стихотворение, смысл которого не угадать было невозможно:

В хаосе толков, мнений, фраз
Найдем связь общую, пожалуй;
Но ловит всюду слух усталый
Разноголосицу у нас,
И в ней, как говорят – в укор нам,
Один есть общий камертон. –
«Нужна нам кон...
Нужна нам кон...
Конечно – жизнь с комфортом полным».

Толкуя про свои права,
Стоят, как будто, за одно все;
А в сущности – того нет вовсе;
Кто в лес идет, кто по дрова.
Дельца текущего столетья
Послушайте: чем бредит он?
«Нужна нам кон...
Нужна нам кон,
Концессия другая, третья».

Тем снится добровольный флот,
Чтоб с ним завоевать полмира,
А этим – ампула кассира!
И ярый псевдопатриот,
Всосавший шовинизм как губка,
В задачу ставит и в закон
«Нужна нам кон... Нужна нам кон...
Константинополя уступка»

Ужасен русский англофоб,
Ему вы «стрижено»
Он – «брито»
И кровно ненавидеть бритта
Зарок дал, кажется, по гроб.
Его любимая проблема
Поддеть коварный Альбион:
«Нужна нам кон...
Нужна нам кон,
Континентальная система».

В искусстве – реализма враг,
Эстетики прямой Манилов
Всех беллетристов и зоилов
Нередко порицает так: « К чему нам голая натура?
К чему насмешка, резкий тон?
Нужна нам кон...
Нужна нам кон
Конфетная литература».

Ума в ученых чудаках
Немало, но их ум престранный,
И в диалектике туманной
Они живут, как в облаках,

Хоть деды слышали и внуки,
Как возвещал их легион
«Нужна нам кон...
Нужна нам кон,
Конкретность в области науки»

Наживы ощущая зуд,
Толпа барышников печати
Хотя приличней бы и кстати
Обзавестись им «кассой ссуд».
Скромна – как «дамы полусвета».
Жужжит одно со всех сторон:
«Нужна нам кон...
Нужна нам кон...
Консервативная газета»

Контроль для многих – острый нож:
«Его бы упразднить нам надо»;
А – цвет и гордость Петрограда
Всю «золотую молодежь»
Быть может, лишь один «проклятый
Вопрос» смущает, гонит сон:
«Нужна нам кон...
Нужна нам кон
Кончина тетушки богатой»

А там в провинции?!... Вот встал
Среди всеобщего молчанья,
Вития земского собранья,
Губернский крайний либерал:
В глазах огонь, в лице тревога....
И громогласно крикнул он:
«Нужна нам кон....
Нужна нам кон...
Конно-железная дорога» [8, с. 311–312].

В этом стихотворении важно не только его содержание, но и место публикации. Журнал «Будильник», как и все иллюстрированные издания, подлежал предварительной, самой тяжелой, цензуре. То, что цензор пропустил этот призыв к конституции, свидетельствует, по нашему мнению, о том, что и в этом охранительном ведомстве были те, кто сочувствовал «перемене образа правления» в России. Это несомненный аргумент в пользу правоты Минаева –

распространенность конституционализма перед 1 марта 1881 г. далеко не преувеличивалась.

Период «контрреформ», по мнению одних, «Консервативной модернизации», как считают другие, не позволял журналистам совершать столь дерзкие стихотворные посягательства на прерогативы монарха. Тем не менее после убийства В.К. Плеве и назначения на пост министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского цензура смягчилась и возобновились конституционалистские разговоры. В самом конце 1904 г. в леволиберальной газете «Наша жизнь», примыкавшей к нелегальному «Союзу освобождения», появился весьма остроумный, по нашему мнению, фельетон О.Н. Михайловой (Чюминой). Само название этого стихотворения «В ожидании» говорит само за себя. Ясно – кого или, вернее, чего ждут герои этого произведения:

«У центрального вокзала ждут ее, имени которой никто не произносит <...> Журналисты (хор):

«Для статей нам тесны гранки,
Упованьям нет границы,
Ждут прекрасной иностранки
И уезды, и столицы.
Нынче с поездом-прогрессом
К нам желанная прибудет
Под цензурным тяжким прессом
Журналист стонать не будет.

Полухор: Увы, как дело наше сложно,
Тебе, чье имя пятисложно, спешу приветствие принести,
Но это имя невозможно вслух произнести

Журналист (соло): Ты, в честь кого передовую
И фельетон
Слагал во сне и наяву я,
Возвысив тон;
Из-за кого – в виду цензуры
Дрожал как лист,
Я – рыцарь горестной фигуры,
Я – журналист
Твой псевдоним, о незнакомка,
Раскрыт давно,
Но молвить имя это громко – воспрещено.
Ужель не снимет карантина
С тебя наш век?
И ты женою Константина пребудешь век.

Оптимисты: Она грядет!
Она рассудит,
Она заснувших от сна пробудит!

Пессимисты: Улита едет, когда-то будет» [9].

Очевидная ирония стихотворения направлена не против конституции как таковой, а по отношению к излишне оптимистическим прогнозам о ее немедленном даровании. Тем не менее предчувствие «пессимиста» из стихотворения О.Н. Чюминой не оправдалось. «Пятисложная» «жена Константина» была дана России менее чем через год после написания фельетона. Наступило время «Думской монархии».

Итак, «эзопов язык» русских конституционалистов находил свое выражение в профессиональных и дилетантских стихотворениях, которые были ровно настолько завуалированы, чтобы быть напечатанными. Тем не менее их смысл оказывался столь прозрачным, что публикация цитированных «загадок» и фельетонов была невозможна без молчаливого сочувствия, по крайней мере, некоторых цензоров. Сами охранители основ не верили в вечность системы бюрократического абсолютизма. Она и оказалась невечной.

Список литературы

1. Гусман Л.Ю. В тени «Колокола». Русская либерально-конституционалистская эмиграция и общественное движение в России (1840–1860 гг.). – СПб., 2004.
2. Гусман Л.Ю. Далеки они от народа... Либерально-конституционалистская эмиграция и русское общество (1840–1860 гг.). LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrucken, 2011.
3. Де Воллан Г.А. Свободное слово о современном положении России. – Берлин 1881.
4. Загадка на новый год // Новое время. – 1881. – № 1. – 1 янв.
5. Кавелин К.Д. Дворянство и освобождение крестьян // Наш умственный строй. – М., 1989.
6. Кошелев А.И. – Аксакову И.С., 6 окт. 1863 г. // Голос минувшего. – 1922. – № 10.
7. Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. – Пг., 1916.
8. Минаев Д.Д. В толпе // Будильник. – 1880. – № 12.
9. Оптимист (Михайлова О. Н.) (Чюмина О. Н.) В ожидании (из святочных сцен) // Наша жизнь. – 1904. – № 51. – 28 дек. (10 янв. 1905 г.).
10. Урсус. Кой о чем // Русский мир. 1879. 1 февраля. № 32.

Е. С. Апанасенок

«Печаль для Государя и Православия»: из истории провинциального российского баптизма в начале XX в.*

В статье рассмотрена история распространения евангелических идей в российской провинции до 1917 г. Опираясь на материалы Курской губернии, автор анализирует особенности восприятия баптизма властями, православными священнослужителями, крестьянами. В работе показано, что принцип свободы вероисповедания утверждался в российском провинциальном социуме достаточно трудно.

The work is devoted to the history of dissemination in Russian province before 1917. Basing on materials of Kursk region, the author analyzes features of perception of Baptism by authorities, Orthodox priests, peasants. It is shown in the work that principle of religion freedom became embedded in Russian provincial society with difficulty.

Ключевые слова: религия, российская провинция, баптизм, евангелические идеи, конфессиональная политика.

Key words: religion, Russian province, Baptism, authority, evangelical ideas, confessional policy.

Становление баптизма в качестве самостоятельной конфессии в России относится к числу малоизученных страниц отечественной истории. Распространение евангелического христианства в Российской империи конца XIX – начала XX в., порой называвшееся современниками «духовной революцией», оказалось обделено вниманием историков в последующие эпохи. И если в столичных «хрониках» еще можно периодически встретить упоминания о «русских протестантах», то для провинциальной историографии публикации такого рода – большая редкость. Предлагаемая статья, основанная на материалах Курской губернии, призвана в определенной мере способствовать восполнению этого пробела.

Активное распространение баптизма в центральной России началось в последние десятилетия XIX в. Так, в Курской губернии история этого религиозного движения началась на рубеже 1880–1890-х гг. Согласно данным православных миссионеров «открытый протест в виде формального отделения от церкви» стал высказы-

© Апанасенок Е. С., 2012

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-31-01231.

ваться здесь с 1889 г. Главными пунктами распространения этого религиозного учения в то время были села и слободы южных уездов (Путивльского, Белгородского Суджанского, Грайворонского). Чуть позже, на рубеже XIX–XX вв., евангелическое христианство стало проявлять себя в Курском и Тимском уездах [2. Оп. 1. Д. 3558, 6026]. Его приверженцев представители духовной власти на первых порах называли штундистами, или штундо-баптистами. Давая характеристику религиозным воззрениям этих людей, один из православных священнослужителей писал: «они ...называют себя баптистами, за источник вероучения признают всю Библию, отрицают внешний пост и всю обрядовую сторону религии» [4, с. 6]. Другой современник – исправник Путивльского уезда – отмечал следующее: «Вероучение их заключается в догматах Евангельского вероучения и Библии, ... под словом «церковь» они понимают собрание христиан, а потому православную церковь не почитают и молятся по своим домам, где читают Евангелие, Библию и поют псалмы. К их числу не могут принадлежать лица, пьющие спиртные напитки, курящие табак и занимающиеся преступными делами» [3. Оп. 2. Д. 15633. Л. 4].

В центральную Россию (в том числе и Курскую губернию) евангелические идеи проникали со смежных украинских территорий (в первую очередь – из окрестностей Чернигова и Конотопа), где на тот момент уже были достаточно популярны. Среди причин, побуждавших верующих переходить в штундо-баптизм, современники прежде всего называли неудовлетворенность людей состоянием религиозного «окормления» и нравственности в православных приходах [4, с. 4]. Населению также импонировало поведение первых баптистских проповедников, не требовавших содержания от общины, а также нравилась возможность самостоятельно избирать себе наставников из числа наиболее уважаемых односельчан. Это привлекало в ряды штундо-баптистов людей, известных в православных приходах «за наиболее умных и передовых» [4, с. 10].

Отступление от господствующей церкви до 1905 г. было связано с лишением ряда гражданских прав и массой неудобств (непризнание законом браков, заключенных вне православной церкви, признание детей от таких браков «незаконнорожденными», запрет занимать общественные и государственные должности и т. д.). Пропаганда же «противных» православной церкви учений вообще влекла за собой уголовную ответственность. Так, первые проповедники баптизма на курской земле (П. Баран, А. Ляшенко, Ф. Белан) вполне испытали на себе строгость закона, оказавшись в 1895–1896 гг. в ссылке [2. Оп. 1. Д. 6026. Л. 8–10]. Тем не менее численность приверженцев баптизма в Курской губернии постоянно росла. Согласно статистическим данным, официально зарегистрированных властями

«штундобаптистов» в 1890 г. было 17 [5, с. 40], в 1902 г. – 100 [6, с. 55], в 1905 г. – 269 [7, с. 57] (при этом надо учитывать, что официальная статистика сильно занижала данные такого рода).

Провозглашение свободы вероисповедания в 1905 г. открыло перед баптистами перспективы созидательной деятельности. Многие активные евангелические деятели вернулись в свои общины из ссылки [2. Оп. 1. Д. 7558. Л. 2], с новой энергией включившись в проповедническую работу [1, с. 190–193]. Начался быстрый численный рост сообщества баптистов (также называвших себя евангельскими христианами). В частности, на территории Курской губернии в 1907 г. таковых официально насчитывалось 812 [8, с. 72], в 1915 г. – более трех тысяч [9, с. 66]. Началась регистрация общин евангельских христиан – баптистов, утверждение их наставников, в Губернское правление посыпались прошения об открытии молитвенных собраний в том или ином населенном пункте [3. Оп. 2. Д. 15108, 15613 и т. д.].

Впрочем, провозглашение вероисповедных свобод не избавило верующих от всех имевшихся проблем. Процесс конфессионального становления оказался достаточно сложным. Так, одновременно с прошениями баптистов местным властям начали поступать жалобы от приходского духовенства на «расхищение православного стада» [3. Оп. 2. Д. 15633. Л. 42–82]. Последние, как правило, поддерживались епархиальным руководством. Представители местной власти также в большинстве случаев с подозрением относились к новому религиозному сообществу и не были склонны поддерживать его. Итогом такого отношения во многих случаях были запреты на организацию собраний, распространение литературы и общественную деятельность [3. Оп. 2. Д. 15613, 15545, 15633]. Однако самый сложный этап в истории новообразовавшихся баптистских общин пришелся на годы Первой мировой войны – от ее начала в 1914 г. и до падения самодержавия в 1917 г.

Как и все российские подданные, баптисты столкнулись с объективными тяготами военного времени (мобилизация, призывы в армию, необходимость обеспечивать военные нужды и т. д.). При этом их положение усугублялось принадлежностью к отличной от русского православия духовной традиции. Будучи протестантами, евангелические христиане подозревались в сочувствии к немцам, часто рассматривались официально-православной общественностью как элемент, нарушающий «духовное единство» в «трудный для Отечества час». Поводом для такого рода суждений обычно являлась сдержанность, проявляемая баптистами в отношении военных действий. Стремясь жить в соответствии с евангельскими заветами, верующие оказались далеки от «воинственного вооду-

шевления», свойственного российскому обществу в начале мировой войны. Как следствие уже в 1914 г. почти все общины евангельских христиан Курской губернии оказались сняты с регистрации и были вынуждены существовать полулегально. Проблемы, которые в это время испытывали евангельские христиане, хорошо иллюстрирует история общины в с. Коровино Тимского уезда.

Де-факто эта община образовалась в начале XX в., а к 1914 г. располагала значительным числом членов (более 100 чел.). Во главе с Григорием Ивановичем Беляевым – наиболее авторитетным и энергичным членом общины – верующие построили собственное молитвенное помещение и незадолго до войны сумели добиться разрешения на регистрацию своего религиозного общества (оно оказалось единственным официально зарегистрированным в военные годы). Ставшие регулярными евангелические проповеди оказались популярны в среде местного населения и, судя по документам тимского уездного исправника, превратились в значимые события духовной жизни с. Коровино [З. Оп. 2. Д. 16364. Л. 35]. Как правило, на них собирались не только члены общины, но и православные, желавшие лучше познакомиться со Св. Писанием. Естественно, такого рода собрания вызывали недовольство православных священнослужителей, не желавших терять прихожан.

С началом военных действий в августе-сентябре 1914 г. в Курской губернии (как и в других регионах Российской империи) начала действовать военно-патриотическая пропаганда, стали организовываться собрания в поддержку военных действий и сборы пожертвований в пользу фронта. Активно в этот процесс включилась Русская православная церковь, призывавшая прихожан отдать все силы для помощи армии и достижения победы. Сообщество баптистов с. Коровино, не уклоняясь от исполнения гражданских обязанностей, оказалось в стороне от военного воодушевления. Судя по архивным данным, евангельские христиане с первых дней войны восприняли ее как трагедию. *«Как подданные своего царя, мы должны идти на фронт или помогать ему, но как верующие люди, христиане, мы не можем считать войну благим делом. Получается, что наш долг перед Богом один, перед Кесарем – другой...»* – так баптисты объясняли свои чувства уездному начальству. Подобные мысли звучали и в выступлениях евангельских проповедников, и именно из-за них община оказалась под угрозой закрытия.

Уже в 1915 г. губернское руководство начало получать ходатайства от «представителей православной общественности», предлагавших прекратить деятельность баптистской общины ввиду ее «нежелательного влияния» на православных. Суть рассуждений такого рода хорошо передана в письме, переданном курским властям

православными миссионерами. Как свидетельствуют архивные документы, в декабре 1915 г. Совет Курского Знаменско-Богородичного миссионерско-просветительского братства обратился к губернатору Н.Л. Оболенскому с ходатайством о закрытии молитвенных собраний баптистов в Тимском уезде. В этом ходатайстве говорилось: *«В д. Коровино и окрестностях ведется сильная пропаганда, нарушается среди местного населения всякое единодушие, единомыслие – качества, столь нужные в данный момент всем русским людям, вносится в среду народа немалая смута и разделение, ослабляются патриотические чувства, насаждаются чуждые ему космополитические идеи и вообще отвлекается он в сторону от одной общей для всех нас цели – победить коварного врага, изгнать из пределов Дорогого Отечества... Мало того, в молитвенном собрании в деревне Коровиной даже в присутствии епархиального миссионера, при большом стечении и сектантов и православных, сектантский проповедник не постеснялся проводить весьма тенденциозную мысль: "современные события военные происходят от того, что люди ищут своего, а не того, что угодно Христу". Что разуметь под "своим", проповедником было предоставлено широкому пониманию слушателей; однако в этой мысли есть что-то недосказанное, как бы осуждающее правительственную политику в настоящую войну, как бы обвиняющее правительство в ее возникновении. А между тем кому не известно, что в настоящую войну ничего "своего" мы не искали... В том же собрании сектантов в целом ряде молитвенных песнопений не было молитвы за Царя, как равно и ни в одном сборнике сектантски песнопений нет моления о победе русского оружия»* [З. Оп. 2. Д. 16364. Л. 48–50].

В течение 1915 г. таких писем в курское губернское правление и губернатору лично поступило по меньшей мере три (в одном из них распространение баптистских идей называлось «печалью для Государя и Православия») [З. Оп. 2. Д. 16364. Л. 55–69]. Однако своей цели они не достигли. Губернатор направил запрос по поводу деятельности коровинской общины местному исправнику, а тот в ответ написал: *«... баптисты не позволяют себе никогда выходить за пределы того, что им разрешено законом. Главным руководителем их общины состоит Григорий Иванович Беляев – человек грамотный и довольно опытный. Постоянно, имея у себя закон, он, руководя собраниями, разъясняет им, что дозволено, а что нет. Его баптисты слушают и в точности выполняют делаемые указания, а потому и уловить их в таком проступке, или преступлении, которые влекли бы за собой закрытие собраний, не представляется пока возможным.... В настоящее время Беляев*

призван на военную службу и с выбытием его, я полагаю, что община баптистов, лишившись своего опытного руководителя, если не угаснет окончательно, то во всяком случае будет безвредна... за деятельностью их будет установлено, как и прежде, самое неослабное наблюдение» [З. Оп. 2. Д. 16364. Л. 35]. Получив такое сообщение, курский губернатор написал в Совет Знаменско-Богородичного братства, а также курскому архиепископу Тихону, что для прекращения деятельности общины в с. Коровино «нет законных оснований» [З. Оп. 2. Д. 16364. Л. 65].

В дальнейшем вопрос о закрытии коровинской общины ставили тимский предводитель дворянства, курский православный преосвященный, Департамент духовных дел МВД. Община оказалась под пристальным полицейским контролем, однако сумела выжить. Курский губернатор проявил принципиальность, и евангелические проповеди звучали в Тимском уезде в последующие годы. Интересно также отметить, что в 1917 г. позиции евангельских христиан-баптистов и представителей православного клира относительно происходивших военных событий сблизились: после падения самодержавия последние все чаще начали говорить о пагубности и бессмысленности участия страны в Мировой войне.

Список литературы

1. Апанасенок А.В., Апанасенок Е.С. С Христом в сердце: православное сообщество и евангелические идеи в курской деревне начала XX в. // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. – 2011. – № 2(35). – С. 187–193.
2. Государственный архив Курской области. Ф. 1 – Канцелярия губернатора.
3. Государственный архив Курской области. Ф. 33 – Курское Губернское правление.
4. Дмитриевский И. Из записок миссионера. Религиозное брожение в Путивльском уезде. – Курск, 1900.
5. Обзор Курской губернии за 1890 г. – Курск, 1891.
6. Обзор Курской губернии за 1902 г. – Курск, 1902.
7. Обзор Курской губернии за 1905 г. – Курск, 1906.
8. Обзор Курской губернии за 1907 г. – Курск, 1908.
9. Обзор Курской губернии за 1915 г. – Курск, 1916.

Л. С. Бокарева

Реформа православного прихода 1914–1917 гг.: Синодальное ведомство

В статье рассмотрена церковно-реформаторская деятельность Святейшего синода в 1914–1917 гг. Обращается внимание на важность и сложность решаемой им задачи. Также рассматриваются некоторые аспекты приходской реформы. Делается вывод о значительном интересе, проявляемым обществом к данной проблеме. По мнению автора, важную роль в церковных реформах играли взгляды обер-прокурора. На основе сохранившихся архивных документов показаны этапы выработки Устава православного прихода.

The present article is about the Holy Synod's reformatory activity in 1914–1917. Special attention is paid to the importance and complexity of the solving problem. This article discusses some aspects of the parish's reform. Author makes the conclusion about the considerable interest shown by society to this problem. According to the author's opinion important role in the church reforms played the ober-prokurator's views. Based on extant archival documents the article shows stages of development Charter of orthodox parish.

Ключевые слова: Россия, реформа прихода, Святейший синод, приход, «Устав православного прихода».

Key words: Russia, the Holy Synod, the parish's reform, the parish, «Charter of orthodox parish».

Важное место среди церковных проблем начала XX в. занимал вопрос возрождения прихода как основной ячейки церковного организма. От отношений пастыря и верующих, от воздействия и влияния, оказываемого пастырем на свою паству, зависело и отношение православных верующих со всей Церковью (как структурой), и уровень религиозности в России в целом. В действительности отношение многомиллионного населения России к Церкви зависело не только (и не столько!) от распоряжений Св. синода или деятельности высших церковных иерархов, от жаркой полемики в столичной прессе, сколько от приходского духовенства, с которым это население непосредственно сталкивалось в повседневной жизни. Оживление прихода, возврат былого величия и влияния Церкви связывали с проведением в жизнь приходской реформы – выработкой «Устава православного прихода», который бы допустил прихожан к действительному участию в заведовании приходскими делами. Борьба за

реформу прихода развернулась в IV Государственной думе. В первую же сессию думскими деятелями было внесено четыре законодательных предположения, связанных с вопросом о преобразовании православного прихода и улучшением материального положения духовенства. Святейший синод пытался замкнуть инициативу по выработке законопроекта на себя.

8 июня 1914 г. обер-прокурором В.К. Саблером «было внесено в Государственную думу, согласно синодальному определению от 21 мая 1914 г. за № 4494, представление за № 7169 об утверждении проекта «Устава православного прихода» [16. Л. 2].

В основу разработанного специальной комиссией Св. синода проекта Устава православного прихода были положены следующие начала: «привлечение прихожан к деятельному участию в приходской жизни; установление обязательности приходских собраний и советов во всех приходах; руководящая роль в приходе должны принадлежать приходскому священнику, при общем подчинении его и прихожан епископу. В силу этого начала священник не только председательствует в приходском собрании и в приходском совете, но он же руководит их занятиями и ответствен за законность постановлений того и другого» [16. Л. 30].

Устав, разработанный специальной комиссией Св. синода, предусматривал избрание прихожанами церковных старост, на которых возлагались заботы о приобретении, хранении и употреблении храмового имущества. Для решения дел, связанных с содержанием храма, обеспечением клириков и избранием должностных лиц прихода, предполагалось созывать не реже двух раз в год приходские собрания, постоянным исполнительным органом которого должен был стать приходской совет, состоящий из клириков, церковного старосты или его помощника и нескольких мирян – по избранию приходского собрания. Председательство на приходском собрании и в приходском совете предоставлялось настоятелю храма. И в приходском собрании, и в приходском совете в случае отсутствия или болезни настоятеля храма, «а также, если подлежащее обсуждению дело касается его личных выгод или интересов, председательствует другой священник, по назначению благочинного» [16. Л. 26 об.].

Приход признавался юридическим лицом, но создавалась весьма двойственная ситуация. Приход не обладал полнотой прав в распоряжении движимым и недвижимым имуществом. Имущество подразделялось на две категории: приходское и церковное. В ст. 40, 41 Устава специально прописывалось, что «имущество, принадлежащее приходу, именуется приходским имуществом, в отличие от церковного. Имущество, принадлежащее церкви, именуется церковным и... состоит в исключительном ведении церковной власти» [16.

Л. 28]. Приходское имущество находилось в ведении приходского собрания и приходского совета. Это разграничение во владении церковноприходским имуществом порождало существование в приходе не одного, а двух юридических лиц.

В брошюре, выпущенной фракцией октябристов и посвященной приходскому вопросу, указывалось, что, по их мнению, особенно опасной в деле отстранения мирян является ст. 35 законопроекта. Согласно этой статье «в случае несогласия председателя с большинством совета, при упорном противодействии со стороны большинства совета руководственным указаниям духовной власти епархиальный архиерей может сделать распоряжение об устранении таковых членов и о выборе на ближайшем приходском собрании, под руководством благочинного, новых членов приходского собрания» [16. Л. 27 об.]. По мнению октябристов, «статья эта... повлечет за собою неминуемо полнейшее уничтожение самостоятельности приходского совета» [8]. Действительно можно сделать вывод о том, что данная статья Устава блокировала любое проявление несогласия прихожан с архиерейскими властями. Вся полнота власти в приходе по-прежнему оставалась в руках епархиального архиерея (даже ни приходского священника, который являлся орудием исполнения распоряжений высших церковных властей).

В деле разрешения церковных проблем, в том числе и в деле оживления православного прихода, многое зависело и от позиции обер-прокурора по вопросу церковного реформирования, от его взаимоотношений с иерархами и депутатами Думы.

В кругах, стремившихся к церковным реформам, большие надежды были связаны с назначением летом 1915 г. на должность обер-прокурора московского губернского предводителя дворянства А.Д. Самарина. Однако он, по свидетельству М.В. Родзянко, соглашался принять пост обер-прокурора лишь при условии удаления Распутина [Цит. по: 19, с. 273]. Поэтому царица была решительно против, а Г. Распутин советовал повременить с удалением В.К. Саблера, пока найдется подходящий преемник. Это предопределяло недолговечность пребывания А.Д. Самарина на новом посту. Но, «поступаясь с собственными симпатиями и игнорируя опасения императрицы, государь как бы доказывал на сей раз искренность своего намерения стать на примирительную по отношению к общественным кругам позицию. На горизонте заблестал луч надежды. С именем Самарина были связаны надежды на решительное оздоровление высшего православного управления и на борьбу с влиянием Распутина» [2].

Самарин принадлежал к всеми уважаемой славянофильской семье. Весьма правые его убеждения были, разумеется, неприем-

лемы для оппозиции, но принадлежность его к общественным кругам, а в особенности тот ореол нравственной чистоты, который окружал его имя, не давали возможности критиковать его включение в ряды правительства [1]. П.Н. Милюков отмечал, что «А.Д. Самарин понравился царю своим содействием во время юбилейной поездки 1913 года», и назначение его на должность обер-прокурора было «личным назначением царя» [4].

Назначение, несколько неожиданное для самого Самарина, рассматривалось церковными кругами как вынужденная уступка. Не отказываясь от созыва церковного собора, восстановления патриаршества, реформы прихода и т. д., Самарин признавал, однако, коренную перестройку церковного управления во время войны несвоевременной. Проводя эту мысль в своей вступительной речи к членам Синода, новый обер-прокурор указывал, что «деятельность Церкви все же должна вестись в духе предстоящих реформ» [19, с. 274].

Самарин пробыл на посту обер-прокурора недолго, он был отправлен в отставку после так называемого Тобольско-Варнавинского дела. Суть дела заключалась в том, что в 1915 г. «протееже Распутина епископ Варнава попытался канонизировать в обход существовавших правил святителя Иоанна (Максимовича), почитавшегося в Сибири» [22]. Известие о прославлении мгновенно получило огласку во всех центральных газетах. Явно задетый этим сообщением, обер-прокурор Синода Самарин принялся за расследование этого дела с твердым намерением довести его до конца и был готов поднять вопрос о роли во всем этом самого императора [24].

Стоит отметить, что с назначением обер-прокурором Св. синода Самарина думское духовенство пыталось ускорить работу по выработке реформы. Так, например, все члены Государственной думы, имеющие священнический сан, 4 августа 1915 г. подали обер-прокурору Св. синода Самарину записку, в которой констатировали «оскудение в Церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества» и призывали во что бы то ни стало достигнуть того, чтобы храм стал близким и дорогим для сердца верующих прихожан». Но особого значения это обращение не имело [3]. А 5 августа 1915 г. законопроект о реформе православного прихода был взят обратно из Комиссии по делам Православной церкви в Синодальное ведомство. По просьбе обер-прокурора Св. синода Самарина при отношении от 21 августа 1915 г. за № 1509 председатель Государственной думы Родзянко «вследствие отношения от 5 августа 1915 г. за № 7933 возвратил на основании ст. 47 Учреждения Государственной думы, представление от 8 июня

1914 г. за № 7169 об утверждении проекта «Устава православного прихода» [15]. Зная, что Самарин пользовался репутацией «общественника», можно допустить, что он хотел переработать проект, который в последней редакции имел крайне консервативный характер. Но сделать это не пришлось, так как вскоре на посту обер-прокурора его сменил А.Н. Волжин [23, с. 143].

На Волжина была возложена миссия ликвидировать вопрос об увольнении епископа Варнавы. Он успешно выполнил эту задачу – епископ Варнава уволен не был. Для Синода Волжин был человеком совершенно новым. Его служебная карьера протекала до сих пор по Министерству внутренних дел. Бывший Холмский губернатор, а потом директор Департамента общих дел МВД, он не имел до своего назначения никакого отношения к синодальным делам [6].

Новый обер-прокурор Св. синода Волжин в разговоре с депутатом IV Государственной думы И.С. Ключевым говорил по поводу своей программы: «Какая может быть программа, когда вчера был Самарин, сегодня – я, а завтра будет кто-нибудь еще. Поэтому на все заявления ко мне скажу лишь одно: буду трудиться по мере своих сил» [10. Л. 38 об.–39]. Однако по поводу вопроса о приходе обер-прокурор пояснил: «Мой предшественник взял из Думы законопроект реформы, а я снова возвращаю его туда же, т.к. нахожу необходимым скорее проведение его в законодательных учреждениях. Надо как можно скорее и как можно интенсивнее работать всем в обновлении церковной жизни» [10. Л. 39].

Законопроект о православном приходе был вновь внесен на рассмотрение Государственной думы 13 декабря 1915 г. согласно «определению Св. синода от 9 декабря 1915 г. за № 9961» [16. Л. 2 об.] в том окончательно исправленном виде, в каком он был одобрен Св. синодом [17]. Другими словами, «обер-прокурор не усматривал со своей стороны нужды в новом рассмотрении одобренного Св. синодом Устава» [11], т. е. проект вносился без изменений. Таким образом, стоит признать, что Волжин встал на позицию Св. синода в деле приходской реформы.

Синод в феврале 1916 г. выступил с определением, в котором говорилось, что война повлияла на приход положительно – «замечался особый подъем религиозных настроений, проходит взаимное сближение пастырей и пасомых» [12. Л. 4]. Владыка Серафим отмечал, что «обстоятельства чудовищной войны быстро развили приходскую деятельность» [5], но при этом признавалось, что новый приходской Устав, «ожидаемый столько лет и вполне выработанный Св. синодом, должен быть рассмотрен в законодательных учреждениях после войны» [5]. А на данный момент необходимо было «подготовиться к восприятию приходами этого Устава» [5]. Согласно

определению Синода за № 678 от 3 февраля 1916 г. предлагалось проведение следующих мер: «1) пригласить епархиальных преосвященных приступить к неукоснительному посещению приходов епархии, 2) поручить епархиальным архиереям, выработав подробную программу действий для приготовления приходов к оживлению приходской жизни, сделать распоряжения: а) об устройстве по благочинническим округам собраний первоначально только пасторских, а затем и с участием церковных старост и известных своим благочестием и преданностью церкви прихожан, б) об устройстве уездных пасторских собраний для установления единообразия действий по возрождению приходской жизни...» [12. Л. 5–5 об.].

15 марта 1916 г. своим определением за № 1953 Св. синод постановил: ввести своих представителей в Комиссию по делам Православной церкви для рассмотрения законопроекта об утверждении «Устава прихода»: «профессоров Петроградской Духовной академии Глубоковского, Жуковича, Московского университета Алмазова, и Харьковского университета – Остроумова» [16. Л. 40]. В это время начали поступать отзывы из епархий. «Отзывы епархиальных священников были на редкость единодушны. Согласно им приходы имели "правильное и целесообразное устройство" и "никаких реформ приходской жизни не нужно"». Некоторые представители духовенства (например, киевский митрополит Владимир, ставропольский архиепископ Агафодор, харьковский Антоний) признавали приходскую реформу не только ненужной, но и «пагубной», усматривая в ней «проекты немецкого засилья», так как в Германии существовала самоуправляемая православная община. Собрание харьковского духовенства постановило: «Ходатайствовать перед Синодом о прекращении дела о реформе прихода, как неканонической, несвоевременной и весьма опасной» [23, с. 145–146].

И вот по определению Синода от 29 апреля 1916 г. за № 2926 было решено «ввиду возникших и выяснившихся в настоящее время особых потребностей в церковно-народной жизни» [13. Л. 228] взять обратно из Государственной думы законопроект о православном приходе. Под особыми обстоятельствами, согласно определению, подразумевалось «с предстоящими по окончании войны новыми задачами для работы прихода, в частности в новом более широком определении круга дел, подлежащих ведению прихода, и во всестороннем выяснении источников средств, коими приход может располагать для осуществления в будущем своих начинаний» [13. Л. 228]. Однако, представляется, что большим основанием все-таки были не произошедшие положительные изменения в приходской жизни, а отзывы, поступившие из епархий.

Законопроект предполагалось забрать согласно определению Св. синода от 29 апреля 1916 г. после заявления митрополита Киевского Владимира, выступавшего против реформы прихода; исследовательница вопроса церковных реформ Е.В. Фоминых указывает на другой повод – «по личному указу царя» [23, с. 146]. К сожалению, нет сведений, на чем основывается ее утверждение. Потому склоняемся к версии, документально подтвержденной определениями Св. синода, что инициатором отзыва законопроекта являлся Киевский митрополит Владимир.

В определении Синода от 29 апреля 1916 г. уточнялся механизм возврата законопроекта: «предоставить обер-прокурору Синода по предварительному осведомлению председателя Совета министров просить председателя Государственной думы о возвращении ведомству законопроекта о православном приходе» [13. Л. 228 об.].

Но вернуть законопроект не удалось: механизм не сработал. «Обер-прокурор А.Н. Волжин, заявил Синоду, что самостоятельно забрать законопроект из Думы не может, т.к. законопроект прошел через Совет министров и с согласия Совета министров был внесен в Думу, потому изъятие законопроекта из Думы должно быть сделано в том же порядке. Но когда обер-прокурором был сделан доклад об этом в Совете министров, то против высказались все министры, и сам А.Н. Волжин заявил, что он является лишь докладчиком синодального постановления» [7].

Приступив к обсуждению проекта Устава православного прихода 9 марта 1916 г., Комиссия по делам Православной церкви заслушала доклад В.Н. Львова, в котором он подчеркнул, что «в то время как проект IV Отдела Предсоборного Присутствия старается объединить в приходской организации мирян и клир под канонической властью епископа, проект ведомства о единстве приходской организации совершенно не заботится», более того лишает мирян таких прав, «как право предоставления кандидата в члены клира, право участия в заведывании церковным имуществом, право контроля и заведывания церковно-приходскими школами» [14. Л. 141]. В прессе появились сведения, что «думская Комиссия по делам Православной церкви постановила положить в основу своих суждений проект, выработанный ведомством православного исповедания, дополняя и изменяя его поправками, заимствуемыми из проекта нормального Устава прихода, выработанного Предсоборным присутствием» [9]. Комиссия приняла это постановление единогласно [14. Л. 143]. Тогда-то в Синодальном ведомстве и решили забрать законопроект из Думы. Не за тем ли, чтобы избежать внесения поправок?

В Совете министров при обсуждении вопроса об отзыве приходского Устава из Думы все министры высказали несогласие с возвратом законопроекта, но (!), скорее всего, это «против» было завуалированным «за» (таким же, как и у обер-прокурора Волжина). Ведь, «Совет министров, возражая против изъятия законопроекта из Думы, в то же время дал обер-прокурору указания, как провалить в Думе законопроект, не вызывая обострения отношений. В результате профессора Глубоковский, Жукович, Алмазов и Остроумов, являвшиеся в Комиссию по делам Православной церкви как представители Синодального ведомства, более ее посещать не будут» [7]. Таким образом, можно сделать вывод, что позиция обер-прокурора и Совета министров («нет», означающее «да») была вызвана нежеланием вступать в конфликт с народным представительством и обострять отношения. Одновременно искали пути саботировать работу Комиссии по утверждению законопроекта. Было очевидно, что желание вернуть законопроект – это попытка избежать этих самих изменений. Государственная дума обвиняла Св. синод в бездействии, а точнее было бы сказать, это было сознательное нежелание действовать. В подтексте можно прочитать – отсутствие заинтересованности в реформах.

Так или иначе, но даже оставаясь в Комиссии по делам Православной церкви, Устав православного прихода так и не был рассмотрен летом 1916 г. Сообщалось, что «дело реформы прихода в Комиссии по делам Православной церкви приняло ненормальный характер. Члены комиссии, священники, связаны позицией, которую заняло ведомство православного вероисповедания в проекте. Ввиду этого по просьбе духовенства председатель Комиссии отложил рассмотрение реформы прихода до осенней сессии в надежде на перемену политики ведомства» [25]. Осенью перемены в церковной политике были, и связаны они, прежде всего, с назначением нового обер-прокурора – Н.П. Раева.

В прессе появились сообщения, что «в связи с предстоящим назначением Раева, в синодальных кругах решено взять обратно из Государственной думы законопроект о реформе православного прихода. Проект будет переработан первенствующим¹ членом Синода митрополитом Петроградским Питиримом совместно с новым синодальным обер-прокурором» [21]. Также отмечалось, что «митрополит Петроградский Питирим по соглашению с синодальным обер-прокурором распорядился образовать специальную комиссию при Св. синоде в составе представителей от приходских священников

¹ Питирим – первоприсутствующим членом Синода не являлся, им был митрополит Киевский Владимир. Но в отсутствие митрополита Владимира Питирим являлся председательствующим на заседаниях Синода.

Петрограда и одного из членов Синода для детального пересмотра законопроекта о приходе. Аналогичные комиссии будут учреждены во всех более или менее крупных епархиях империи» [18].

Тем временем ситуация в обществе накалялась. «Конец 1916 г. был смутной, тяжелой порой, когда, казалось, отлетели в вечность последние надежды на благополучный исход войны и особенно внутреннего кризиса, ежеминутно грозившего разрядиться какой-то катастрофой: не то цареубийством, не то военным бунтом, не то всеобщей революцией» [20].

До Февральской революции вопрос о реформировании православного прихода так и не был разрешен. И как оказалось, смена обер-прокуроров не способствовала реализации законопроекта на практике. Повторное внесение законопроекта о православном приходе к принятию его так и не привело. Обер-прокурор Волжин занял позицию противника проведения приходской реформы в годы войны, явился защитником сохранения выработанного Синодальным ведомством Устава о приходе. Маневр Св. синода и Волжина по изъятию законопроекта из Государственной думы в целях оставления реформы без изменений (против внесения поправок в проект на основании программы, подготовленной Предсоборным присутствием) не увенчался успехом. Но работа над проектом самой Комиссии по делам Православной церкви была приостановлена ввиду отсутствия представителей в Комиссии от Св. синода (бойкотировали заседания) и позиции, которую заняли депутаты-священники (аналогичную Синодальному ведомству). Появление нового обер-прокурора не привело к долгожданным переменам в деле приходской реформы. Законопроект так и не был взят на переработку, в самой же думской Комиссии он остался лежать мертвым грузом.

Список литературы

1. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. – М., 2000. – С. 664.
2. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. – М., 2002. – С. 282.
3. Ивакин Г.А. Православное духовенство в Государственных думах Российской империи: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006. – С. 166.
4. Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2. – С. 176.
5. Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля Твоя. – М.; СПб., 1993. – Ч. 2. – С. 124.
6. Отставка А.Н. Волжина // Рус. слово. – 1916. – 11 авг.
7. Приходская реформа / Церковные дела // Бессарабия. 1916. – 22 мая.
8. Приходский вопрос в четвертой Государственной думе. – Пг., 1914. – С. 16.
9. Проект православного прихода / Церковные дела // Бессарабия. – 1916. – 12 марта.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 17.
11. РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2786. Л. 303.

12. РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2793.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2802.
14. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595.
15. РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 478. Л. 41.
16. РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179.
17. Реформа прихода / Государственная дума // Маленькая газета. – 1916. 26 февр.
18. Реформа прихода // Рус. слово. – 1916. – 4 сент.
19. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной думе. – М., 2004.
20. Савич Н.В. Воспоминания. – СПб., 1993. – С. 168.
21. Судьба проекта о реформе прихода // Рус. слово. – 1916. – 27 авг.
22. Терещук А. Григорий Распутин: последний «старец» Империи. – СПб., 2006. – С. 138.
23. Фоминых Е.В. Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987.
24. Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? – СПб., 1992.
25. Церковные дела // Бессарабия. – 1916. – 1 июня.

Создание системы контроля над миграционными процессами в Российской Федерации

В статье рассматриваются меры, предпринятые руководством страны в начале 1990-х гг. по созданию законодательной базы, направленной на установление контроля над широкомасштабными миграционными потоками, обрушившимися на Российскую Федерацию в условиях определения пределов нового государства, его территории и международно-правового оформления Государственной границы.

The article considers steps taken by the State Government in the early 1990s on legal basis foundation, aimed at getting under control extensive migration movement into the Russian Federation during the time of frontier and territory determination of the newly-formed state, as well as the time of internationally-legal confirming the State Border.

Ключевые слова: миграция, правовая база, миграционный контроль, иностранные граждане.

Key words: migration, legal basis, migration control, foreigners.

После распада СССР начался процесс увеличения миграционного прироста населения Российской Федерации за счет бывших республик. Только на северо-западе России межреспубликанская миграция в 1991–1992 гг. демонстрирует следующие цифры: из Литвы прибыло в 1991 г. 10044 чел., в 1992 г. – 15354 чел.; из Латвии 13638 и 27271 чел. соответственно; из Эстонии – 8174 и 14440 чел. В 1993 г. на 100 выбывших из России приходилось 250 прибывших. В 1994 г. этот вид миграционного обмена приобрел еще более односторонний характер, и на 100 выбывших из России приходилось уже почти 500 прибывших [17, с. 28]. Приток населения из государств нового зарубежья составил к середине десятилетия (в 1994 г.) 1146 тыс. чел.

Данному обстоятельству способствовало, прежде всего: обострение социально-политической ситуации и усиление международных конфликтов в бывших республиках Союза ССР; политика вытеснения русских из сфер общественно-политической, экономической и культурной жизни этих государств, проводимая в республиках Балтии, направленная на ущемление гражданских, имущественных и иных прав; фактическое исчезновение контроли-

руемых внешних границ, дающих возможность свободно проникать на территорию Российской Федерации иностранным гражданам, не получившим для этого законного разрешения. Кроме этого, одно-временное ужесточение режима въезда иностранных граждан в западные страны создало условия для проникновения на территорию России незаконных транзитных мигрантов.

Трансформация миграционной ситуации в Российской Федерации потребовала скорректировать миграционную политику. В этих целях начала формироваться правовая база, регулировавшая внешнюю миграцию. Первым документом по проблемам внешней миграции принято считать Закон «О гражданстве РСФСР» от 28 ноября 1991 г. № 1948-1, устанавливавший основания и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации [4, с. 3]. В соответствии с Законом гражданами Российской Федерации признавались все граждане бывшего СССР, которые на день вступления Закона в силу, т. е. на 6 февраля 1992 г., постоянно проживали на территории Российской Федерации (ст. 13) и в течение одного года после вступления Закона в силу не заявили о своем нежелании состоять в российском гражданстве.

Указом Президента РФ от 14 июня 1992 г. № 626 на базе Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости населения была образована Федеральная миграционная служба России (ФМС) [11, с. 836]. На ФМС возлагались задачи по «контролю за миграционными процессами и миграционной ситуацией в стране, организацией работы по выдаче паспортов, пропусков и разрешений на въезд в пограничную зону, осуществлению прописки и выписки граждан, адресно-справочной работе; регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на территорию Российской Федерации, выдаче им документов на право проживания, оформлению документов и разрешений на въезд в Российскую Федерацию и выезд за границу [9].

Для определения правового статуса мигрантов, установления правовых, социальных и экономических гарантий в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права принимаются два базовых закона: «О беженцах» [16, с. 425] и «О вынужденных переселенцах» [3, с. 427].

Закон «О беженцах» определил порядок действия лиц, желающих быть признанными беженцами, и обязанности федеральных органов исполнительной власти по миграционной службе о рассмотрении ходатайств таких лиц. Закон «О вынужденных переселенцах» определил порядок действия лиц о признании их вынужденными переселенцами.

Согласно вышеперечисленным документам в Российской Федерации определяется система контроля над миграционными процессами. С 1987 до марта 1993 г. общее руководство деятельностью по выполнению правовых актов, регулирующих вопросы выезда и въезда в страну, а также правил пребывания иностранных граждан в стране осуществляло МВД СССР через Управление виз и регистраций и паспортной работы ГУООП МВД СССР, в составе которого находился отдел виз и регистрации (ОВИР).

В марте 1993 г. на основании Постановления Совета Министров – Правительства РФ от 15 февраля 1993 г. № 124 [8] в системе МВД была создана и начала функционировать единая паспортно-визовая служба [10]. На паспортно-визовую службу возлагались, в том числе, обязанности по регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на территории РФ, выдаче им документов на право проживания, оформлению документов и разрешений на въезд в РФ и выезд за границу [10]. По вопросам предупреждения правонарушений и преступлений, связанных с использованием возможностей въезда на территорию России, выезда за ее пределы и паспортной системы, паспортно-визовая служба взаимодействует в пределах своей компетенции с соответствующими подразделениями МБ России, МИД России и других министерств и ведомств Российской Федерации [10].

Согласно тексту данного приказа паспортно-визовые подразделения впервые стали единым организационно целостным образованием. Руководство паспортно-визовой службой (ПВС) и организация ее деятельности возлагалась на Министерство внутренних дел России.

Об объеме работы ПВС свидетельствуют следующие цифры. В 1992 г. на территорию России въехало на временное жительство по частным делам 293,8 тыс. иностранцев, в 1993 г. – 151,3 тыс., в 1994 г. – 105,8 тыс. чел. В качестве туристов в 1992 г. Россию посетило 948,3 тыс. иностранцев, в 1994 г. – 922,2 тыс. Всего на территории Российской Федерации на учете состояло постоянно проживающих иностранцев: в 1992 г. – 9653, в 1993 г. – 11216, а в 1994 г. – 13541 чел. Лиц без гражданства в 1992 г. в России постоянно проживало – 4947, в 1993 г. – 4900, в 1994 г. – 3433 чел. Иностранцев, прибывших по служебным делам, на работу по межправительственным соглашениям и контрактам на один год и более: в 1992 г. – 98177, в 1993 г. – 97103, в 1994 г. – 97350 чел. Иностранцев, находящихся в России на обучении в 1992 г. – 63256, в 1993 г. – 75844, а в 1994 г. – 64693 чел. [5, с. 62–63].

Следует напомнить, что после распада СССР бывшие союзные республики, получив самостоятельность, стали вести активную ра-

боту по обозначению и оформлению своих границ в одностороннем порядке. В этих условиях Россия вынуждена была отстаивать свои политические, военные, экономические интересы.

1 апреля 1993 г. был принят закон «О Государственной границе Российской Федерации». Он установил пределы государственной территории России и закрепил на нее свое суверенное право по принципу: «...взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости государственной границы» [2, с. 87] в пределах границ РСФСР (ст. 1, 2). Законом определяются основные положения, регламентирующие содержание и установление пограничного режима, закрепляются правовой статус пограничной зоны (раздел IV), порядок въезда и выезда.

В целях обеспечения государственного регулирования миграционных потоков при въезде на территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства Указом Президента Российской Федерации от 16 декабря 1993 г. № 2145 [15] в пунктах пропуска через государственную границу РФ вводится иммиграционный контроль с задачами: организация контроля за въездом на территорию страны иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежище, следующих транзитом, их идентификация, регистрация и учет; осуществление мер по предупреждению неконтролируемой миграции и организация депортации иностранцев в установленных законодательными актами случаях и порядке; рассмотрение ходатайств иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших на территорию России, о предоставлении убежища (ст. 1). Это был первый нормативный акт, направленный на государственное регулирование внешней миграции и сопутствующей ей незаконной иммиграции.

Первая сеть пунктов иммиграционного контроля была создана на основных воздушных, морских и сухопутных путях въезда: в аэропортах Москвы (Шереметьево-1, Внуково и Домодедово), в аэропорту Санкт-Петербурга (Пулково-1), в аэропорту Минеральные воды; в морском порту Санкт-Петербурга и в морских портах Новороссийска, Находки и Владивостока. В дальнейшем шло создание сети пунктов иммиграционного контроля на государственной границе со странами Балтии, на границе с Монголией и Китаем. В конце 1994 г. были сформированы три первых поста в Псковской области (Печоры, Пыталово, Себеж) на основных железнодорожных магистралях, ведущих из Прибалтики в Россию. В целом на основании данного указа было организовано 115 постов иммиграционного контроля, на которых уже в 1994 г. в ходе специальной операции «Иностранец», проводимой совместно МВД, ФПС, ФМС и ФСБ, было задержано 3,9 тыс. незаконных мигрантов [6, с. 31].

Одновременно с созданием правовой базы по регулированию и контролю внешних миграционных процессов Россией были заключены двухсторонние соглашения об организации пунктов пропуска через границу, регулированию процесса переселения и защиты прав переселенцев с Таджикистаном, Туркменией, Грузией, Латвией, Эстонией, Киргизией.

На границе между Российской Федерацией и Эстонской Республикой были установлены следующие пункты пропуска:

- железнодорожные: Ивангород (российский) – Нарва (эстонский), Печоры Псковские (российский) – Орава (эстонский);
- автодорожные: Ивангород (российский) – Нарва (эстонский), Куничина Гора (российский) – Койдула (эстонский), Шумилкино (российский) – Лухамаа (эстонский) [12].

Пункты пограничного контроля на границе с Латвийской Республикой:

- на автодорогах: Айнажи, Валка-2, Вецлайцене, Ледедзе, Виентули, Гребнево, Терехово, Патерниеки, Силэне, Гренстале, Мейтене, Руцава;
- на железнодорожных станциях: Лугажи, Карсава, Резекне, Зилупе, Индра, Даугавпилс, Эглайне, Курцумс, Мейтене, Приекуле, Реньге;
- в морских портах: Лиепая, Рига, Вентспилс;
- в аэропорту Рига [13].

Основная задача межгосударственных соглашений заключается в том, чтобы гармонизировать национальную правовую базу государств-подписчиков в отношении переселенцев, препятствовать введению односторонних ограничений и создать условия для добровольного переселения.

Важнейшим документом стал Указ Президента РФ от 9 августа 1994 г. № 1668 «О Федеральной миграционной программе», в которой была изложена Концепция миграционной программы [14]. Первоочередной целью миграционной политики определялось регулирование миграционных потоков, преодоление негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции, организация иммиграционного контроля и пресечение незаконной миграции. Выделялись пять основных миграционных потоков: вынужденная миграция, внешняя миграция, внешняя трудовая миграция, незаконная миграция, внутренняя миграция, и каждому из этих типов была дана характеристика (ст. 1.3).

Организацию контроля за внешней миграцией и распределение ее потоков предписывалось осуществлять через создание специальных служб иммиграционного контроля на пунктах пропуска через

государственную границу и мест временного содержания иностранцев, ищущих убежища. Контроль и распределение потоков внутренней миграции возлагался на территориальные органы ФМС (ст. 2.3). Была создана единая система учета всех категорий мигрантов, прибывших или убывших из страны с задачами: контроль за выездом и въездом иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежища, и транзитных пассажиров; учет, идентификация различных категорий мигрантов в пунктах иммиграционного контроля; организация депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших в страну с поддельными документами или не попадавших под статус беженцев; осуществление мер по предупреждению незаконной миграции; поддержание рабочих контактов с иммиграционными службами стран «нового» и «старого зарубежья» (ст. 2.6.4).

Со второй половины 90-х гг. XX в. миграционная ситуация в Российской Федерации стала постепенно меняться. Начиная с 1995 г. происходило снижение миграционных потоков со странами СНГ и Балтии. В 1994 г. из стран СНГ и Балтии прибыло в Россию 1146 тыс. чел., а убыло из России 232 тыс., в 1995 г. – прибыло 842 тыс., убыло 229 тыс., в 1996 г. – прибыло 631 тыс., убыло 191 тыс., 1997 г. – прибыло 583 тыс., убыло 150 тыс. чел. [17, с. 28]. По данным ФМС МВД России, за 1996 г. были признаны беженцами и вынужденными переселенцами – 173 тыс. чел., за 1997 г. – 131 тыс. чел., из них соответственно 144,8 тыс. и 111,1 тыс. – из стран СНГ [1, с. 151].

Помимо двух основных составляющих внешней миграции (миграция беженцев и вынужденных переселенцев и транзитная миграция) со второй половины 90-х гг. существенное значение стала приобретать трудовая миграция. Данному процессу способствовало вовлечение России в процесс глобализации и международный миграционный обмен. Основной фигурой данного вида миграции является трудящийся мигрант, т. е. лицо, которое занимается оплачиваемой трудовой деятельностью в государстве, гражданином которого оно не является [7].

Таким образом, в условиях тяжелейшего экономического кризиса в Российской Федерации в начале 90-х гг. XX в. руководство страны предприняло меры по созданию правовой базы системы управления миграционными процессами. Вместе с тем эта система не трансформировалась в соответствии с теми изменениями, которые произошли в социально-экономической и миграционной ситуации в России, и не стала адекватной вновь появившимся задачам.

Список литературы

1. Архипов Ю. Беженцы из-за пределов бывшего СССР – новая проблема для России // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. Программа по исследованию миграции. – М., 2000.
2. Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» // Сб. нормативных правовых актов. Вып. VII. Безопасность. Оборона. Государственная граница. – М., 1998.
3. Закон Российской Федерации от 19 февр. 1993 г. № 4530-1. «О вынужденных переселенцах» // Вед. Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 12. – Ст. 427.
4. Закон РСФСР от 28 нояб. 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве РСФСР // Рос. газ. 1992. – 6 февр. – № 30.
5. Кардашова И.Б. Правовые и организационные основы деятельности паспортно-визовой службы органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.
6. Малинский А. В чем угроза нелегальной миграции // Пограничник Содружества. – 1998. – Июль-сент.
7. Международная конвенция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 дек. 1990 г. «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://un.org/Документы.../migrant.shtml>
8. «О реорганизации подразделений виз, регистрации и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravoteka.ru/pst/749/374461.html>
9. Постановление Правительства РФ от 22 сентября 1992 г. № 740 (РГ 92-216). – [Электронный ресурс]. – URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID...
10. Приказ МВД РФ от 22 марта 1993 г. № 124 «О реорганизации подразделений виз, регистраций и паспортной работы». [Электронный ресурс]. – URL: <http://lawmix.ru/pprf/87392>
11. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 836.
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о пунктах пропуска через таможенную границу от 09 июля 1993 г. // Справ. правовая система «Гарант».
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики о порядке пересечения границы Латвийской Республики военнослужащими, гражданским персоналом Вооруженных сил и Пограничных войск Российской Федерации и членами их семей от 21 мая 1993 г. // Справ. правовая система «Гарант».
14. Указ Президента Российской Федерации от 09 авг. 1994 г. № 1668 «О Федеральной миграционной программе» // Собр. законодательства РФ от 29 авг. 1994 г. – № 18. – Ст. 2065.
15. Указ Президента Российской Федерации от 16 дек. 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 51. – Ст. 4933.
16. Федеральный Закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1. «О беженцах» // Вед. Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 12. – Ст. 425.
17. Численность и миграция населения в 2005 г. (стат. Бюл.), Росстат, 2006.

Сведения об авторах

Апанасенок Елена Сергеевна – аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск; e-mail: apanasenok@yandex.ru

Бокарева Людмила Сергеевна – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: arlika@yandex.ru

Голик Андрей Александрович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: golandr@inbox.ru

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: blummer@mail.ru

Калинин Алексей Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет; e-mail: kalinintver3@mail.ru

Лебедев Александр Сергеевич – аспирант кафедры международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет; e-mail: folkvisa@gmail.com

Мазалова Наталия Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России, Музей антропологии и этнографии РАН; e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Мельникова Юлия Николаевна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: um13.80@mail.ru

Митюшин Сергей Иванович – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Похилюк Анатолий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Романов Александр Сергеевич – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: itropov@yandex.ru

Синова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский университет экономики и финансов; e-mail: s-irina@yandex.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Спиридонов Алексей Владимирович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: eurus_malus@me.com

Тюрин Андрей Владимирович – аспирант кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; e-mail: itropov@yandex.ru

Хеорхе Иван Иванович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: aksik8686@mail.ru

Шевнина Лилия Валерьевна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: lilichka.shev@gmail.com

Яковлева Марина Юрьевна – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Действительный член Русского географического общества; e-mail: yakovhome@yandex.ru

Яковлева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: o.yakovleva.lgu9@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 4
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 21.12.2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 500 экз. Заказ № 839

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а